

В. В. Архипов

ИНТЕРНЕТ-ПРАВО

**УЧЕБНИК И ПРАКТИКУМ
ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ**

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом
высшего образования в качестве учебника и практикума
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по юридическим направлениям
и специальностям*

**Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru**

Москва ■ Юрайт ■ 2016

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/учебники.shtml>

УДК 34:004.738.5(075.8)

ББК 67/32.973.202я73

А87

Автор:

Архипов Владислав Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Рецензенты:

Наумов В. Б. — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, партнер международной юридической фирмы Dentons;

Савельев А. И. — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории по информационному праву Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», юрисконсульт IBM Россия/СНГ.

Архипов, В. В.

А87 Интернет-право : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. В. Архипов. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 249 с. — Серия : Бакалавр и магистр. Академический курс.

ISBN 978-5-9916-6982-5

Настоящий учебник разработан автором на основе рабочих программ дисциплин Санкт-Петербургского государственного университета «Правовое регулирование отношений в сети Интернет» (бакалавриат) и «Публичное и частное право в цифровую эпоху» (магистратура), соответствующих образовательным стандартам СПбГУ по уровням высшего образования «бакалавриат» и «магистратура».

Учебник представляет собой университетский курс по специальной юридической дисциплине, которая сосредоточена на анализе правовых проблем, связанных с правовыми отношениями различной отраслевой принадлежности, реализуемыми посредством сети Интернет. В основе структуры курса лежит рабочая концепция интернет-права как комплексного правового института, предметное единство которого обеспечивается системностью основных проблем регулирования отношений в сети Интернет (идентификации пользователей, определения юрисдикции и т.п.). Помимо теоретической части, учебник включает в себя анализ подходов к разрешению отдельных системных проблем интернет-права в Российской Федерации по состоянию на 2015 г. Кроме того, содержание издания разработано с учетом практической и экспертной деятельности автора.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Учебник предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, работников органов государственной власти, иных практикующих юристов, желающих систематизировать и (или) обновить свои знания в области регулирования отношений в сети Интернет.

УДК 34:004.738.5(075.8)

ББК 67/32.973.202я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-9916-6982-5

© Архипов В. В., 2016

© ООО «Издательство Юрайт», 2016

НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ:

1. Дипломы, курсовые, рефераты...
2. Диссертации и научные работы.
Тематика любая: ПРАВО, экономика, техника, менеджмент, финансы, биология...

УЧЕБНИКИ, ДИПЛОМЫ, ДИССЕРТАЦИИ:

полные тексты в электронной библиотеке
www.учебники.информ2000.рф.

рантских работ
tml

Развитие интернет-права в России: право в сетях XXI века	5
Предисловие автора	10
Принятые сокращения	13
Введение	15

Раздел I

ВВЕДЕНИЕ В ИНТЕРНЕТ-ПРАВО

Глава 1. Понятие об интернет-праве	25
1.1. Проблема определения понятия «интернет-право»	25
1.2. Основные подходы к пониманию интернет-права.....	29
1.3. Рабочее определение интернет-права.....	33
<i>Тесты</i>	45
<i>Рекомендуемая литература</i>	47
Глава 2. Системные проблемы интернет-права	48
2.1. Идентификация пользователей.....	48
2.2. Определение юрисдикции	51
2.3. Ответственность информационных посредников.....	56
2.4. Пиринговые технологии.....	61
2.5. Гипертекст	64
2.6. Автоматизированные действия	67
2.7. Игровое пространство	70
2.8. Виртуальная собственность	74
2.9. Накопление и динамика системных проблем.....	77
<i>Тесты</i>	79
<i>Рекомендуемая литература</i>	85
Глава 3. Интернет-право как наука и учебная дисциплина	86
3.1. Предмет и метод интернет-права	86
3.2. Лоренс Лессиг как основатель доктрины интернет-права.....	89
3.3. Интернет-право как учебная дисциплина.....	95
<i>Тесты</i>	98
<i>Рекомендуемая литература</i>	99

Раздел II

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Глава 4. Интернет в контексте правового регулирования	103
4.1. Архитектура сети Интернет	103

4.2. Интернет и правовое регулирование: понятие и подходы	110
4.3. Сеть Интернет: информационный и коммуникативный аспекты.....	122
<i>Тесты</i>	130
<i>Рекомендуемая литература</i>	132
Глава 5. Основные начала правового регулирования отношений в сети Интернет в Российской Федерации.....	134
5.1. Методы и особенности правового регулирования.....	134
5.2. Источники интернет-права	138
5.3. Субъекты правоотношений в сети Интернет.....	149
5.4. Инфраструктурные элементы сети Интернет	157
5.5. Особенности правоотношений в сети Интернет	161
<i>Тесты</i>	163
<i>Рекомендуемая литература</i>	166
Глава 6. Разрешение отдельных системных проблем интернет-права в Российской Федерации.....	168
6.1. Проблема идентификации пользователей.....	168
6.2. Проблема определения юрисдикции.....	177
6.3. Проблема ответственности информационных посредников.....	186
6.4. Проблема игрового пространства	197
6.5. Проблема виртуальной собственности	207
<i>Тесты</i>	215
<i>Рекомендуемая литература</i>	219
Дополнительная литература	220
Глоссарий	231
Ключи к тестам	238
Примерная тематика письменных работ	239
Практикум	240

Развитие интернет-права в России: право в сетях XXI века

Область знания и практики, которая может быть с некоторой долей условности обозначена как «интернет-право», несомненно, является на сегодняшний день одной из наиболее интересных для изучения. В учебном процессе она может находить воплощение в различных курсах — «Информационные технологии в юриспруденции», «Правовое регулирование отношений в сети Интернет», «Публичное и частное право в цифровую эпоху», «Компьютерное право», собственно «интернет-право» и т.д., а также как часть классических юридических дисциплин таких, например, как «Информационное право».

Единым при этом остается содержание и направленность, в основе которых лежит социально и экономически востребованный интерес к изучению проблем реализации правоотношений с использованием глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Уже очевидно, что она обладает достаточными архитектурными и социально-экономическими особенностями, чтобы говорить о самостоятельности интернет-права, по крайней мере, как области знаний, хотя, разумеется, понятие интернет-права и его место в системе отраслей права и законодательства остается острым дискуссионным вопросом, который поднимался, начиная с прошлого десятилетия.

Что же произошло в мире новых технологий и Интернета и системе права и законодательства, юридической науке за время становления нового информационного общества?

Мы, действительно, живем в условиях новых социальных реалий, обусловленных достижениями информационных технологий и их удобством для человека, к которым он очень быстро привык, совершенно не представляя природу, технические сложности и последствия их использования.

Кто бы мог подумать, что на Земле возникнут, по сути, новые социально-экономические образования — социальные сети, действующие как своеобразные «сетевые государства»: без земли, но с населением в сотни миллионов пользователей и своими правилами их использования?

Огромная популярность игровых виртуальных сред породила еще более сложные с социальной и психологической точек зрения пространства виртуальных миров, где уже сформировались и свои законы поведения, и своя (ценная!) виртуальная собственность. В этих мирах пользователи взаимодействуют не только друг с другом и владельцем игры (мира), но и с виртуальными персонажами (ботами), чьи действия определяются программными алгоритмами и в ряде случаев носят недетерминированный характер, не связанный с волей разработчика соответствующей компьютерной программы.

И, наконец, кто мог представить, что три закона робототехники Айзека Азимова об алгоритмах действий роботов (это 1942 год!) в условиях исследований в области искусственного интеллекта и опытов по соединению человеческих тканей с датчиками и манипуляторами могут стать не только красивой основой классической научной фантастики, но и гениальным предвидением?

Совсем недавно — в 2015 г. в России отметили 20-летие российского информационного законодательства. В 1995 г. был принят Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации», и с этого момента можно уверенно вести отсчет его развития.

Если рассматривать всю сферу регулирования информационных технологий и Интернета, то можно выделить три исторических этапа.

Первый этап — это формирование системы регулирования информационных правоотношений, нового российского законодательства об информации, тайнах, рекламе, связи (телекоммуникациях), пришедшее на последнее десятилетие прошлого века. Уже с этого этапа ресурсы и сервисы сети Интернет из разряда диковинок начали становиться основой будущей интернет-коммерции и электронного государства и стали возникать первые судебные интернет-споры (дела по доменам mosfilm.ru и kodak.ru, по авторским правам «Промо.Ру»).

Второй этап — становление регулирования электронного документооборота и электронного государства, когда стали регулироваться в первую очередь отношения по обороту информации в электронной форме в различных сферах — от государственного управления до коммерции. В рамках него в 2006 г. был существенно обновлен Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и появилось отдельное важное самостоятельное направление регулирования защиты неприкосновенности частной жизни в информационном пространстве, включая регулирование защиты персональных данных. Также в середине прошлого десятилетия возникло самостоятельное направление государственной политики и, соответственно, регулирование деятельности и поддержка развития ИТ-индустрии как самостоятельной и важной отрасли экономики (законы о поддержке информационных технологий и инноваций, в целом). Условным моментом завершения второго этапа можно считать начало этого десятилетия, когда сформировался институт электронного государства и было обновлено регулирование использования электронной подписи (Федеральный закон «Об электронной подписи») и созданы основы для регулирования электронных платежей (Федеральный закон «О национальной платежной системе»).

На протяжении первых двух этапов активно шла дискуссия о необходимости принятия специального закона о сети Интернет, однако бизнес и государство, а также отечественная наука пришли к единому мнению о несвоевременности данного шага.

Ситуация изменилась в 2012 г., когда на современном, третьем этапе (условно его можно назвать «Формирование интернет-законодательства») развития законодательства, были впервые на фоне свобод и широких возможностей Сети и злоупотреблений ими поставлены системные задачи

по повышению уровня защиты субъектов правоотношений, включая создание отдельного правового института в системе информационного права — защиты от информации.

Закономерное внимание к информационной безопасности возродило интерес к давнему вопросу обеспечения информационного суверенитета Российского государства и связанному с ним правовому вопросу юрисдикции информационного пространства, который в законодательстве и отечественной науке был впервые поднят в связи с принятым в 1996 г. и отмененным в 2006 г. Федеральным законом «Об участии в международном информационном обмене».

Интересно, что предметное регулирование сети Интернет на современном этапе технически происходит в форме принятия большого количества поправок, в первую очередь в информационное законодательство, а также другие отрасли. Здесь уже возникла и, к сожалению, усугубляется общая проблема невысокой юридической техники принимаемых нормативных правовых актов.

При этом возникает неоднозначная ситуация конкуренции отраслей права и их «борьба» за то, кто же будет регулировать Интернет.

Так, например, информационное право давно идентифицирует проблему ответственности информационных провайдеров (посредников), которой в настоящей книге посвящено как минимум два параграфа. Однако само понятие «информационный посредник» появилось в 2013 г. не в каком-либо нормативном правовом акте информационного законодательства, а в части четвертой ГК РФ (ст. 1253.1).

На настоящий момент отечественная юридическая наука не разрешила этот вопрос конкуренции, хотя объективно имеет место сорегулирование правоотношений и требуется как минимум систематизация понятий и построение единого терминологического аппарата. Как максимум, по нашему мнению, требуется кодификация законодательства под эгидой информационного права.

Важно иметь в виду, что классические отрасли права и законодательства формировались в прошлом веке, и ставившиеся перед ними цели и задачи устаревают и могут не соответствовать интересам общества и государства.

Скажем, сейчас активно развивается точка зрения о том, что известная монополия интеллектуальной собственности ограничивает доступ к знаниям в информационном пространстве и требуются новые решения и механизмы, разрешающие или облегчающие свободный доступ к результатам интеллектуальной деятельности. Часть из этих изменений уже происходит и в мире, и в России, когда право предоставило возможность оперировать конструкциями открытых лицензий (в России они были определены в законодательстве два года назад), а также предложенной на основе общественных инициатив сетевого сообщества систематизацией лицензирования *Creative Commons*.

В этой сфере важность саморегулирования для интернет-отношений обуславливается не только тем, что пользователи, программисты, администраторы, объединенные в сообщества, лучше знают технологии, но также и тем, что в силу развития технологий по экспоненте нормы законодатель-

ства и в целом нормотворческий процесс закономерно отстают от тех технологических, а, соответственно, и социальных реалий, которые складываются в рассматриваемой сфере.

В сложившихся условиях, особенно в гражданско-правовой сфере, надо больше доверять саморегулированию, которое неоднократно продемонстрировало создание крайне эффективных и успешных правовых моделей регулирования. Здесь показательным примером является система правил рассмотрения споров о доменных именах (*Uniform Domain-Name Dispute Resolution Policy, UDRP*), предложенная и внедренная ICANN в 1999 г.

Помимо саморегулирования важной теоретико-правовой задачей будет развитие применения закона и права по аналогии, без чего уже сейчас не обойтись судебной практике.

Последняя в России сейчас активно аккумулирует те вызовы, которые встают перед правоприменением в связи с несовершенством закона, и насчитывает десятки важных судебных прецедентов, которые нуждаются в отдельном обобщении и детальном анализе.

В сложившихся условиях учебник В. В. Архипова «интернет-право. Публичное и частное право в цифровую эпоху» можно вполне рассматривать как издание, ярко выражающее современный этап развития интернет-права в России, который характеризуется признанием научной и учебно-методической состоятельности предмета.

Одной из отличительных особенностей данного учебника является то, что он отражает характерные черты и закономерности современного правового регулирования отношений в сети Интернет. В том числе он учитывает законодательство о регулировании отдельных аспектов глобальной сети и бурно развивающуюся судебную практику последних лет.

Можно только приветствовать инициативу автора по систематизации и обобщению основных представлений в области интернет-права и его удачный эксперимент по обоснованию своего рода «общей части» предмета (разд. I «Введение в интернет-право»), наряду с «особенной» (разд. II «Правовое регулирование отношений в сети Интернет»), сосредоточенной на актуальном правовом регулировании интернет-отношений в Российской Федерации. В этом смысле учебник обладает не только практической и теоретической актуальностью и значимостью, но и научной новизной.

Отдельного внимания заслуживает подход автора к систематизации «сквозных» проблем интернет-права, реализованный в гл. 2 «Системные проблемы интернет-права». И для ученого, и для практика на сегодняшний день ясно, что особенности инфраструктуры глобальной информационно-телекоммуникационной сети налагают существенные ограничения на классические подходы правоприменительной практики и ставят вопрос об их изменении в новых условиях цифровой коммуникации.

Когда интернет-право развивается преимущественно в юридической практике, но имеет серьезное значение для всех без исключения юридических дисциплин, крайне важно системное преподавание данного предмета, когда у обучающихся формируется единая система понятий, подходов и проблем регулирования, сформированных по принципу единства объекта правоотношений.

Стоит отметить удобный формат для представления учебного материала, в том числе — и это можно считать реализацией «спиралевидной» модели развития знания — первоначальную постановку системных проблем в общем, и затем — возврат к ним, но уже на уровне конкретного законодательного регулирования и практики в России в завершение учебника.

В целом настоящее издание можно вполне обоснованно считать качественным систематическим обзором знаний в области интернет-права, осознанно и должным образом ориентированным на свою аудиторию, который при этом предоставляет возможность самостоятельно продолжать изучение отдельных проблем регулирования сети Интернет. И очень удачны тесты, разработанные автором, которые могут выступать и как способ закрепления основных подходов к пониманию проблематики, и как отправная точка для разрешения многочисленных дискуссионных вопросов.

Настоящее издание — одно из немногих на данный момент — можно со всей уверенностью рекомендовать как для использования в учебном процессе, так и в общем, для обновления и систематизации своих знаний всеми, кто искренне заинтересован в предмете. Нет сомнений в том, что оно должно заинтересовать студентов и практиков и открыть перед ними не только сложную и динамично развивающуюся правовую проблематику, но дать возможность выбрать предметные направления собственных будущих исследований многочисленных пробелов и проблем.

Виктор Борисович Наумов
*кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного
и административного права СПбГУ, ведущий научный сотрудник Центра
экономики непрерывного образования РАНХиГС,
руководитель российской практики по интеллектуальной собственности,
информационных технологий и телекоммуникациям
и партнер международной юридической фирмы Dentons*

*Посвящается моей жене Виктории и дочери Веронике,
любовь и терпение которых позволяют мне оставаться
мужем и отцом, не прекращая заниматься наукой, прак-
тикой и преподаванием*

Предисловие автора

Начинать работу, посвященную правовым аспектам информационно-телекоммуникационной сети Интернет¹, со слов о том, что данная сеть стала универсальным инструментом поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, уже становится своего рода научным клише. Тем не менее это именно так, и возможности сети Интернет широко используются в самых разных областях человеческой деятельности.

Боле того, возможности Интернета востребованы публичной властью, коммерческими структурами и частными лицами. Интернет используется в государственном управлении, бизнесе, культуре, образовании. Например, молодому поколению юристов (к которому относится и автор, правда, уже с некоторой долей условности) уже трудно представить, на что была похожа их профессиональная деятельность еще немногим более 20 лет назад, когда справочные правовые системы находились на начальных этапах развития и не были повсеместно распространены. Теперь же, благодаря развитию Интернета, получить доступ ко всему объему законодательства практически из любого места и практически в любое время не представляет труда.

Интернет дополняет современную социальную реальность, вводя в нее новые институты, основанные на его возможностях и не имеющие прямых аналогов (такие как электронные и «виртуальные» деньги, социальные сети, многопользовательские онлайн-игры), а также изменяет ее, устанавливая новый формат действия уже существующих институтов. В то же время пользователи Интернета продолжают оставаться субъектами права, а возникающие между ними общественные отношения требуют правового регулирования.

Нет сомнений в том, что Интернет в значительной степени преобразил практические особенности человеческой деятельности. Вопрос о том, привело ли развитие Интернета к изменению права и его отдельных институтов как таковых, однако, остается дискуссионным. На конференциях и других научных мероприятиях иногда можно встретить точку зрения, согласно которой принципиальных, качественных изменений в предпосылках правового регулирования в связи с появлением Интернета не произошло. Концептуально при таком подходе Интернет рассматривается как явление из области технологии, усложняющее регулирование *количественно*, но не меняющее его *качественно*, и тем самым не вносящее ничего нового

¹ В настоящем издании термины «информационно-телекоммуникационная сеть “Интернет”», «сеть “Интернет”», «сеть Интернет» (без кавычек) или просто Интернет используются как взаимозаменяемые, с учетом того, как они используются в реальной правовой практике.

по сравнению с письменностью как таковой, а тем более — по сравнению с книгопечатанием и (или) телефонной связью и телевидением.

Однако подход, предлагаемый в рамках настоящего издания, основан на принципиально иной посылке. Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет не только изменяет практические аспекты взаимодействия, но и задает новый вектор развития общей теории права, законодательству и судебной практике. Во многом это определяется наличием системных правовых проблем сети Интернет, которые обусловлены факторами, определяющими значение глобальной сети. Помимо того очевидного обстоятельства, что динамика информационных отношений еще никогда ранее, до развития Интернета, не была настолько интенсивной, появляются принципиально новые форматы отношений. Например, для Интернета не являются исключением добросовестные отношения, при которых невозможно идентифицировать их субъектов, а объект представляет собой ценность, существование которой зависит от самого Интернета и определяется им¹.

Сам термин «интернет-право» можно (и, вероятно, следует) рассматривать как условный. Собственно, доктрина интернет-права в целом, если рассматривать данный вопрос, отвлекаясь от научных симпатий, находится только на начальных этапах своего развития. Вряд ли термин «интернет-право» может претендовать на то фундаментальное значение, которое имеют такие термины, как «гражданское право» или «конституционное право». По сути, он указывает на комплекс правовых проблем, которые связаны с сетью Интернет, являясь при этом уникальными для данной области независимо от того, какие правоотношения, классифицируемые по отраслевой принадлежности, реализуются посредством глобальной информационно-телекоммуникационной сети. Можно дискутировать относительно того, насколько этот термин удачен, однако сложно отрицать, что комплекс проблем, условно соотносимых с данным термином, предметно обоснован. В этом смысле термин «интернет-право» означает, скорее, наименование общего направления исследований на пересечении права и технологий, а также организованную по этому принципу условно и инструментально выделяемую совокупность правовых норм, направленную на регулирование соответствующих общественных отношений.

В настоящем издании представлена авторская точка зрения на системные проблемы интернет-права и основные подходы их разрешения, основывающаяся на общей правовой доктрине, имеющих конкретные теоретических и практических исследованиях данной проблематики, а также подходах, выработанных на уровне как российского, так и зарубежного законодательства и судебной практики. Исходя из основных положений, представленных в рамках данного учебника, интернет-право в настоящее время преподается автором в Санкт-Петербургском государственном университете в формате дисциплин «Правовое регулирование отношений

¹ Современный читатель — пользователь сети Интернет может привести здесь немало примеров самостоятельно — от фактически выступающих предметом гражданского оборота аккаунтов (учетных записей) интернет-сервисов до криптовалют наподобие *Bitcoin* (независимо от того, как их следует расценивать с точки зрения действующего законодательства) и виртуальной собственности в многопользовательских ролевых онлайн-играх.

в сети Интернет» (бакалавриат) и «Публичное и частное право в цифровую эпоху» (магистратура).

Лично хотелось бы отметить, что как настоящий учебник, так и указанные учебные курсы, едва ли увидели свет, если бы не индивидуальный и искренний интерес автора к компьютерным и информационно-телекоммуникационным технологиям как к феномену современной культуры в целом. Предмет интернет-права сейчас актуален практически для всех, но особый интерес он может представлять для тех, кто ищет свое профессиональное призвание в области пересечения юриспруденции и информационных технологий. Занимаясь проблемами интернет-права в теории и на практике, можно взглянуть на вызывающие неподдельный интерес явления современного информационного общества — вплоть до социальных сетей и компьютерных игр — под новым и необычным углом зрения, подчас совмещая увлечения и работу.

Автор хотел бы поблагодарить своих учителей — И. Ю. Козлихина, Д. И. Луковскую, А. В. Полякова, Е. В. Тимошину, — знания и опыт которых предопределили его становление как ученого и преподавателя; академических руководителей — А. В. Ильина, Н. Ю. Рассказову, Н. А. Шевелеву, — поддержавших в СПбГУ эту предметную область в формате данного методологического подхода; старшего коллегу и наставника по юридической практике права интеллектуальной собственности и информационных технологий — В. Б. Наумова, без которого был бы невозможен взгляд на проблемы интернет-права «изнутри»; издательство «Юрайт» — С. Г. Дария, О. С. Сеницину, — инициативно поддержавшее и обеспечившее выход в свет этого издания; своего отца В. Н. Архипова, с детства открывшего любовь к компьютерным и информационным технологиям, одним из отражений которой и является данная книга.

Принятые сокращения¹

1. Нормативные правовые акты

Конституция РФ — Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ

НК РФ — Налоговый кодекс Российской Федерации: часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ; часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ

Закон о защите детей — Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Закон о защите прав потребителей — Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»

Закон о персональных данных — Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»

Закон о рекламе — Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»

Закон о связи — Федеральный закон Российской Федерации от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»

Закон о СМИ — Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»

Закон об информации — Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»

¹ В учебнике использованы сокращенные наименования органов государственной власти в соответствии с Перечнем полных и сокращенных наименований федеральных органов исполнительной власти, установленным распоряжением Администрации Президента РФ совместно с Аппаратом Правительства РФ от 16.07.2008 № 943/788.

Закон об электронной подписи — Федеральный закон Российской Федерации от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»

Поправки о локализации — Федеральный закон Российской Федерации от 21.07.2014 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях»

2. Прочие сокращения

API — Application Programming Interface

абз. — абзац(-ы)

гл. — глава(-ы)

Единый реестр запрещенной информации — Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (ст. 15.1 Закона об информации)

ЕС — Европейский Союз

НДС — налог на добавленную стоимость

п. — пункт(-ы)

подп. — подпункт(-ы)

разд. — раздел(-ы)

РФ — Российская Федерация

ст. — статья(-и)

ч. — часть(-и)

ЭВМ — электронная вычислительная машина

Введение

Настоящее издание учебника по интернет-праву представляет собой университетский курс по специальной юридической дисциплине, которая сосредоточена на анализе правовых проблем, связанных с правовыми отношениями различной отраслевой принадлежности, реализуемыми посредством сети Интернет. Основная цель дисциплины — определить и систематизировать представления об общих проблемных областях правовых отношений, опосредуемых сетью Интернет, и обозначить предпосылки для разработки подходов к их решению.

Содержание и структура данного курса опробованы трехлетней практикой преподавания дисциплины бакалавриата «Правовое регулирование отношений в сети Интернет» и двухлетней практикой преподавания дисциплины магистратуры «Публичное и частное право в цифровую эпоху» по направлению «Юриспруденция» Санкт-Петербургского государственного университета, а также в научной и практической деятельности автора. Следует отметить, что данный подход не предполагает в качестве принципиального элемента обоснование статуса «интернет-права» как отдельного структурного элемента системы права, хотя и допускает такую гипотезу или соответствующие прогнозы. Вместе с тем сложно отрицать, что уже существует практическая необходимость в особом ракурсе рассмотрения правовых отношений, который будет заострять внимание на системных проблемах действия права применительно к правовым отношениям, опосредуемым сетью Интернет.

Учебник подготовлен автором данных курсов с учетом содержания их рабочих программ, а также практического опыта автора как советника практики интеллектуальной собственности, информационных технологий и телекоммуникаций Международной юридической фирмы *Dentons* и председателя рабочей группы Консультативного совета Уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных (Роскомнадзор). Соответственно, с учетом того, что интернет-право является формирующейся областью знаний, отдельные положения, представленные в настоящем курсе, основаны не только на теоретических подходах и системном толковании законодательства, но и на знании реальной практики правового регулирования отношений в сети Интернет.

Появление настоящего издания, как и указанных учебных курсов, во многом обусловлено значительным повышением внимания во всем мире к правовым проблемам сети Интернет на самых разных уровнях — от законодательных органов различных государств до отдельных пользователей. Регулирование сети Интернет в Российской Федерации на сегодняшний день имеет уже не случайный, а целенаправленный характер, и к текущему

моменту российское законодательство пополнилось значительным числом норм, прямо нацеленных на регулирование отношений в глобальной информационно-телекоммуникационной сети. В то же время современное состояние доктрины интернет-права отличается серьезной спецификой, если сравнивать его с доктриной «стабильных» отраслей права и законодательства, например, гражданского права. Она предельно динамична и допускает различные возможные подходы. Настоящий учебник основан в том числе на подходах, заложенных в России ранее такими авторами, как И. Л. Бачило, Е. А. Войниканис, В. Б. Наумов, И. М. Рассолов, А. И. Савельев, но при этом нацелен и на развитие доктрины интернет-права как таковой. Собственно, тот факт, что сама доктрина интернет-права в настоящее время находится в состоянии становления, определяет характер и содержание настоящего учебника.

Специфика предмета — правовых отношений в сети Интернет — в значительной степени определяется тем, что он предельно динамичен в своем развитии. Общим местом при обсуждении как теоретических, так и практических проблем регулирования отношений в сети Интернет, стал тот факт, что темпы развития технологий стремительно превышают темпы развития правового регулирования в данной области. Нередко случается так, что принятая законодателем правовая норма, нацеленная на регулирование отношений в сети Интернет, к моменту своего принятия фактически оказывается ориентированной на концепцию технологии, которая уже теряет свою актуальность (например, некоторые нормы на современном этапе, условно именуемом Web 2.0, фактически представляются ориентированными на предшествующий этап, условно именуемый Web 1.0). В силу этого особое значение приобретает подход, в большей степени ориентированный не на изложение законодательства как таковое, а на выделение системных проблем сети Интернет и формирующихся подходов к их решению.

Соответственно, в рамках настоящего курса представление информации о существующем позитивном правовом регулировании определяется прежде всего целями наглядной демонстрации системных правовых проблем регулирования информационно-телекоммуникационных сетей. При этом, говоря о предмете курса, также следует отметить, что сами по себе информационно-телекоммуникационные сети могут быть рассмотрены в разных аспектах — от организации связи (телекоммуникаций) до содержательного регулирования контента (информации). Настоящая редакция издания сосредоточена в большей степени на информационном аспекте отношений, опосредуемых сетью Интернет, и включает в себя аспекты телекоммуникационного регулирования и правовой практики в данной области в тех случаях, где это необходимо для прояснения информационного аспекта.

Отдельно следует еще раз отметить, что сам термин «интернет-право» на сегодняшний день сложно считать устоявшимся доктринально, и следует относиться к нему как к рабочей формулировке, отражающей область знаний, предметом которой являются правовые аспекты правовых отношений, опосредуемых сетью Интернет. При этом, однако, данное издание исходит из принципа предметного единства таких правовых аспектов, обусловленного архитектурой сети Интернет. Курсы, которые сосредоточены на дан-

ном предмете, могут иметь различные наименования, что не исключает релевантности для них настоящего издания. Кроме того, оно может быть использовано также в качестве дополнительной литературы для иных юридических дисциплин, особенно отраслевых, программы которых в том или ином аспекте затрагивают вопросы правовых отношений в сети Интернет.

В свете поставленной общей цели настоящая редакция учебника может не заострять внимание на отдельных деталях. Принцип определения рекомендуемой литературы следующий. К каждой главе рекомендованы издания, содержание которых может существенно дополнить и детализировать представления читателя об интересующей его предметной области. При этом содержание настоящего учебника направлено прежде всего на формирование общих системных представлений о проблематике. Общий список дополнительной литературы, приведенный в конце издания, содержит обзор большинства последних публикаций по тематике предмета и смежным проблемам.

Что касается содержания настоящей редакции издания, следует отметить, что оно сосредоточено на обучении системному пониманию основных проблем правового регулирования отношений в сети Интернет как общем методологическом подходе, поэтому отдельные вопросы, регулируемые позитивным законодательством, и особенно подзаконными актами технической направленности не нашли в нем полного освещения. Данный аспект, однако, может быть реализован в последующих изданиях по мере необходимости.

К вопросу об общей научной методологии. Часто учебники, посвященные отдельным отраслям законодательства и права или области знаний, относящейся к определенным правовым институтам, не содержат отдельного раздела с описанием научной методологии, которой придерживается именно автор работы, а не методологии того предмета, которому посвящен учебник. Однако представляется, что в таком разделе есть смысл — если речь идет об учебнике, а не о комментарии законодательства, автор, так или иначе, опирается на определенный накопленный методологический опыт и представления, усвоенные в процессе профессиональной социализации. При этом чаще всего, вероятно, в юридических науках авторы придерживаются формально-юридического метода, который нередко дополняется сравнительно-правовым.

Эти два метода используются автором и настоящего учебника, однако, поскольку доктрина интернет-права только находится на этапе становления и многие вопросы правового регулирования остаются открытыми как в России, так и за рубежом, ответ на них приходится искать в условиях той же неопределенности, «области полутени», о которой на протяжении всего XX в. дискутировали теоретики права — Л. Фуллер, Г. Харт и другие. Уже сам термин «интернет-право» вызывает много дискуссий. Кто-то предпочитает его не использовать вовсе, кто-то настаивает на его самостоятельности, мы же пробуем занять промежуточную позицию, включающую долю научного агностицизма, рискуя вызвать критику всех остальных.

В целом общий контекст настоящего издания определен постклассическим типом научной рациональности, одним из центральных положений

которого является «лингвистический поворот» — внимание к основному инструменту познания социально-гуманитарных наук, а именно к естественному языку. Придерживаясь комплекса методологических идей, сходных с философией «позднего» Л. Витгенштейна, автор исходит из того, что большая часть научных рассуждений, особенно сосредоточенных вокруг терминов и их принципиальной «правильности» или «неправильности», методологически ошибочна, поскольку ученые, особенно юристы, могут, скорее, формулировать определенные инструментальные вербальные концепции, которые в большей или меньшей степени системны и работоспособны (или, соответственно, несистемны и неработоспособны), чем «ложны» или «истинны» в смысле аристотелевской логики. В дискурсе философии «позднего» Л. Витгенштейна — это «языковые игры», которые, тем не менее ведутся на самом высоком уровне и представляют собой способ выражения коммуникативной природы правового и, в более широком смысле, социального регулирования изучаемых отношений.

Предметом научного рассуждения в контексте той или иной отрасли или института права и законодательства являются с точки зрения логики в основном, суждения, описывающие не *сущее*, а *должное* — дихотомия, которая красной нитью проходит через все труды того же Л. Фуллера. Данные суждения — например, многие суждения о том, как следует разрешать системные правовые проблемы правового регулирования отношений в сети Интернет, в частности, проблему определения юрисдикции, говорят о том, что *должно быть* в рамках социальных отношений, а не описывают их фактический статус. Суждения о сущем используются преимущественно в ограниченном ключе — в основном, либо когда речь идет о вспомогательном историческом материале (например, история развития сети Интернет с технической точки зрения), либо когда речь идет о суждениях как бы второго порядка, когда в «формате» сущего описывается *должное* — ранее существовавшие нормы права, история их применения.

При этом современный постклассический тип научной рациональности во многом опирается и на подходы феноменологической социологии, а также на родственные им подходы в общем русле социального конструктивизма. Идеи, выраженные в «культовой» книге «Социальное конструирование реальности» П. Бергера и Т. Лукмана, дают возможность взглянуть на право, в том числе и на интернет-право, более «честно» в том смысле, что такой подход допускает не скрывать субъективно-объективную природу права за ворохом литературных приемов и психологических уловок, задача которых — создать впечатление, что право существует «объективно», что у правовых норм есть строго одно определенное значение и т.п.¹ Право

¹ Исключение из данного методологического суждения может составить как раз суть естественно-правовых представлений Л. Фуллера, которая выражается в том, что при толковании права мы всегда придерживаемся социокультурно-обусловленных рамок «здорового смысла». Чтобы пояснить эту логику, достаточно привести следующий отрывок: «В рамках любого общества есть позиции, которые настолько противны общеразделяемым положениям, что их с легкой руки отметет любой здравомыслящий судья. Человек убивает своего отца; отвечая на предъявленное ему обвинение в убийстве, он утверждает, что его отец был добродетельным человеком, который был убежден в существовании рая; таким образом, лишая его ☞

не объективно, а субъективно-объективно, поскольку представляет собой коммуникативное «общее дело» сообщества людей, которые развивают его своими действиями. Есть фикции и условности, такие как, например, общепризнанная иерархия источников права, положения о юридической силе и действии законов во времени и пространстве. Данные аспекты могут быть уподоблены в большей степени относительно объективно обусловленным «правилам игры», при которых такая «игра» будет «получаться» (т.е., например, если четко не определять момент вступления в силу нормативного правового акта, его смысл и ценность в рамках целой системы теряется).

В то же время право, а в нашем случае — интернет-право, социально конструируется не из какого-либо аналога «творческого Ничто» М. Штирнера как такового, а из определенного объема и контекста социокультурных ценностей. Ответ на различные спорные вопросы «области полутени» в дискурсе интернет-права будет, определенно, разным в зависимости от тех ценностей и принципов, которыми задается такое правовое регулирование. Самый простой пример (модель) здесь — это, собственно, вопрос о разрешении системных правовых проблем сети Интернет. Например, все такие проблемы сразу очень легко разрешить, просто разрубив гордиев узел: ввести полный законодательный запрет на использование любых интернет-технологий, а «лучше» — компьютерных технологий в целом. Однако налицо и ценности, которые препятствуют такой простой логике — в целом, автор настоящего издания согласен с подходом, развиваемым в рамках антрополого-коммуникативной концепции права А. В. Полякова — эти ценности могут быть объединены под эгидой коммуникации как таковой, без которой человек не может конституировать себя как человека. Эта идея, в общем, известна с давних времен — тот же Аристотель писал,

☞ жизни, он отправил его в край бесконечного счастья, которое его отец никогда не познал бы на земле; а значит тот, кто дарует такое благо, должен быть вознагражден, а не наказан. Чиновник присваивает огромную сумму государственных денег; в ответ на выдвинутое против него обвинение, он цитирует преамбулу конституции, декларирующую, что государство существует для того, чтобы способствовать наибольшему счастью наибольшего количества граждан; деньги, которые подсудимый присвоил, сделали его очень счастливым; при этом следующее из этого факта уменьшение богатства каждого из остальных граждан бесконечно мало и не было способно произвести ошутимое уменьшение *его* счастья... Позиции, подобные только что предложенным, отвергаются не на основании статута, судебного решения или обычая. Их отрицание зависит не от права. Напротив, можно сказать, что это право зависит от их отрицания, если рассматривать вопросы с точки зрения здравого смысла. Определенный внеправовой консенсус относительно того, что с очевидностью преступает границы, необходим для того, чтобы сузить периферию эксплицитного права до работоспособных измерений. Как ни парадоксально, именно позитивист, настаивающий на том, что все истинное право создано эксплицитно, выступает в роли бенефициара этого молчаливого ограничения; без такого ограничения его “право” станет излишне хаотичной вещью для того, чтобы предложить какое-либо пристанище его вере» (см.: *Фуллер Л. Л. Анатомия права // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. С. 204–319*). Следуя этой логике и перефразируя примеры в дискурсе интернет-права, можно сказать, что именно по той же причине ст. 105 УК РФ «Убийство», предусматривающая ответственность за умышленное причинение смерти другому человеку, не применяется (с иронией можно отметить — «пока не применяется») к случаям умышленного причинения виртуальной смерти другому пользователю многопользовательской ролевой онлайн-игры, персонаж которого относится к «расе» «человек».

что человек — существо социальное («политическое» — в древнегреческом смысле этого слова), что всякое государство представляет собой своего рода общину, но в некотором смысле достигает своего апогея в условиях информационного общества¹.

Автор, разумеется, признает, что есть огромное количество юристов, как практиков, так и теоретиков, которые отрицают ценность философии и философии науки для юриспруденции. С некоторой долей иронии можно отметить, что такая позиция хороша в суде, когда релятивизм может привести к абсурду — например, к судебным решениям, не основанным на аристотелевской логике, и выносимым «может быть, в пользу одной стороны, а может быть — и другой». В юридической практике такое невозможно в принципе в силу «языковой игры» юриспруденции, которая основывается на том, что многообразная и принципиально неоднозначная реальность намеренно укладывается в прокрустово ложе юридических понятий и правил. Право на практике, в свете приведенных методологических подходов, — это своего рода условная и определенная «карта» для относительно неопределенной «территории» разносторонней реальной жизни, о которой люди договорились в формате общественного договора, либо, если придерживаться других концепций, которую люди легитимируют в силу позитивного социального признания или страха перед наказанием. Без такой «виртуальной реальности права» было бы невозможно сказать, когда договор является заключенным, решение — вынесенным окончательно и т.п. И *внутри* этой системы философия действительно может быть бесполезна.

Однако любой выход *за рамки* этой системы, как мы сейчас наблюдаем на примере проблем, возникающих в связи с правовым регулированием сети Интернет и иных инновационных технологий, может поставить юристов, не владеющих своего рода «прикладным философским дискурсом», в очень неловкое положение. Известный и классический пример англоязычной теории права середины XX в. — проблемы, с которыми столкнулись послевоенные суды в Германии, которым было необходимо принимать решения по вопросам, связанным с решениями, противными правопорядку, за период фактического властного господства нацистов. Формально-юридический метод в принципе не содержал и не мог содержать указание на способы решения данных проблем, и в свете представленной методологии то, что делали суды в данном случае, — это именно социальное конструирование правовой реальности с опорой на принципы и ценности послевоенного сообщества.

В то же время следует исходить и из авторефлексивности подобного методологического «модельного агностицизма» во всех аспектах. И само настоящее описание общей методологии, и представленные дальше рассуждения, которые, где это возможно, опираются на формально-юридический и сравнительно-правовой методы, есть лишь одна из возможных *моделей*, применимых в данной области, которая может оцениваться в различном

¹ Со слов о том, что всякое государство представляет собой своего рода общину (а всякое общину организуется ради какого-либо блага), собственно, и начинается наиболее известный среди юристов труд Аристотеля — «Политика». См. например: *Аристотель. Политика* / пер. А. С. Жебелева, М. Л. Гаспарова. М. : АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 22.

диапазоне по шкале работоспособности и применимости. Иные подходы к изучению и разрешению проблем правового регулирования сети Интернет принципиально не исключаются данной моделью, а рассматриваются как альтернативные и (или) взаимодополняющие модели.

Разумеется, автору сложно удержаться от любезной просьбы, адресованной уважаемым коллегам и студентам, критически настроенным по отношению к любой философии в юриспруденции, высказывать критические суждения к данному методологическому предисловию в конструктивном ключе, в том числе учитывающем в совокупности общее содержание данного издания. От себя лично автор может только добавить, что в активной практической деятельности в области предмета интернет-права, включая и судебную, и консалтинговую составляющие, изложенные философско-методологически взгляды были и остаются хорошим подспорьем в тех вопросах, которые относятся к указанной «области полутени».

В результате изучения курса «интернет-право» или курсов, имеющих иное наименование, но тождественных по предмету изучения, обучающийся должен:

знать

- основные положения отраслевых юридических наук, составляющих предмет интернет-права как комплексного правового института;
- сущность и содержание основных понятий, категорий, институтов, правовых статусов субъектов, правоотношений в интернет-праве;

уметь

- оперировать юридическими понятиями и категориями интернет-права;
- анализировать юридические факты и возникающие в связи с ними правовые отношения, относящиеся к предмету интернет-права;
- анализировать, толковать и правильно применять правовые нормы, относящиеся к предмету интернет-права;
- принимать решения и совершать юридические действия в области, относящейся к предмету интернет-права, в точном соответствии с законом;
- осуществлять правовую экспертизу нормативных правовых актов, относящихся к предмету интернет-права;
- давать квалифицированные юридические заключения и консультации в области интернет-права;
- правильно составлять и оформлять юридические документы в области интернет-права;
- анализировать и правильно оценивать содержание заключений эксперта (специалиста) в области интернет-права;
- планировать и осуществлять деятельность по предупреждению и профилактике правонарушений в области интернет-права;

владеть

- юридической терминологией в области интернет-права;
- навыками работы с правовыми актами в области интернет-права;
- навыками анализа различных правовых явлений, юридических фактов, правовых норм и правовых отношений, являющихся объектами профессиональной деятельности в области интернет-права;

- навыками анализа правоприменительной и правоохранительной практики в области интернет-права;
- навыками разрешения правовых проблем и коллизий в области интернет-права;
- навыками реализации норм материального и процессуального права, составляющих предмет интернет-права как комплексного правового института;
- навыками принятия необходимых мер защиты прав человека и гражданина в области интернет-права;
- методикой квалификации и разграничения различных видов правонарушений в области интернет-права.

Раздел I

ВВЕДЕНИЕ

В ИНТЕРНЕТ-ПРАВО

Узнайте стоимость написания на заказ студенческих и аспирантских работ
<http://учебники.информ2000.рф/napisat-diplom.shtml>

Вернуться в каталог учебников
<http://учебники.информ2000.рф/uchebniki.shtml>

Глава 1

ПОНЯТИЕ ОБ ИНТЕРНЕТ-ПРАВЕ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- основные проблемы определения понятия «интернет-право» и основные подходы к его пониманию;
- сущность и содержание понятия интернет-права с точки зрения его рабочего определения;

уметь

- оперировать юридическим понятием интернет-права с учетом проблемы его определения и основных подходов к его пониманию;

владеть

- юридической терминологией, используемой в основных подходах к пониманию интернет-права.
-

1.1. Проблема определения понятия «интернет-право»

Основания для обособления предмета интернет-права

Термины, обозначающие область юридической практики и соответствующих ей знаний, используются, как правило, в трех значениях: отрасли права (законодательства)

или правового института, науки и учебной дисциплины. Термин «интернет-право» также используется в этих трех значениях.

Сосредоточим внимание на интернет-праве как на области знаний, относящихся к юридическим наукам. Исходя из основных положений теории и методологии науки, любая область знаний имеет свой объект и предмет. При этом *объект* — это общая область, в которой реализуется познавательный интерес субъекта, тогда как *предмет* — конкретная часть объекта, на которой сосредоточена познавательная деятельность, что приводит к появлению обособленной области знаний.

Кроме того, объект и предмет в теории и методологии науки — понятия как бы «масштабируемые». Они представляют собой результат абстрагирования от особенностей определенных областей знания и практики. В зависимости от степени приближения, то, что раньше именовалось «предметом», при «увеличении» масштаба может становиться «объектом», и наоборот.

Например, право как таковое может выступать объектом многих наук — не только юридических, но и филологических или даже точных наук. В этом смысле, право — объект. Однако именно юридические науки изучают право с точки зрения регулятивных аспектов предоставительно-обязывающих норм. В этом смысле, право — предмет. Точно так же и каждая отдельная

юридическая дисциплина рассматривает право в своем конкретном обособленном аспекте. Масштаб увеличивается, и на уровне юридических наук уже предоставительно-обязывающие нормы могут быть рассмотрены как объект, а отдельные области знаний об этих нормах, развиваемые в рамках отдельных юридических дисциплин, — как предмет. В этом смысле, например, предмет гражданского права — рассмотренные в регулятивном аспекте предоставительно-обязывающие нормы, регулирующие имущественные и личные неимущественные отношения.

Для того чтобы та или иная область юридических знаний получила самостоятельный статус, необходимо, чтобы она обладала особым предметом. Такой предмет, как правило, определяется природой общественных отношений, на регулирование которых нацелены те или иные группы правовых норм. Соответственно, для обоснования интернет-права как отдельной области юридических знаний, необходимо, чтобы был определен *обособленный предмет интернет-права*, который бы отличался от предмета иных юридических наук.

Интернет-право как отдельная область знаний и практики

Обособленность предмета той или иной области права, которая становится основанием для формирования отдельной области знаний, как правило, определяется характерными особенностями общественных отношений, на регулирование

которых нацелены соответствующие правовые нормы.

Так, например, среди общественных отношений выделяются имущественные отношения и личные неимущественные отношения, которые составляют предмет гражданского права как отрасли права, а знание о нормах, регулирующих данные общественные отношения (в различных аспектах — основных принципах действующего гражданского законодательства, практики его применения, истории его развития и т.д.), — предметом гражданско-правовой науки.

В основе идеи об интернет-праве как отдельной области знаний и практики лежит представление о том, что общественные отношения, связанные с использованием сети Интернет, обладают *достаточными юридически-значимыми особенностями*, чтобы их можно было концептуально выделить из всего объема иных общественных отношений и рассматривать как предмет отдельной области знаний.

Вывод о наличии юридически-значимых особенностей общественных отношений, реализуемых посредством сети Интернет, основан на гипотезе, согласно которой системные правовые проблемы, которые проявляются в таких отношениях, не зависят от их отраслевой принадлежности и одинаковы для всех возможных правовых отношений — гражданско-правовых, административно-правовых и т.д.

При этом важно понимать, что различные области правовых знаний не исключают друг друга, они — комплементарны, т.е. могут использоваться как взаимодополняющие абстрактные модели, основанные на различных принципах такого «абстрагирования» от невербальной реальности. Одна и та же фактическая ситуация может быть по-разному описана с точки зрения различных отраслей права, но каждая из таких квалификаций будет иметь значение.

Это интересно

Например, в ситуации с тайным хищением чужого имущества уголовно-правовой ракурс представит совершение такого преступления как кражу. Но при этом гражданско-правовой ракурс той же ситуации может представить, в зависимости от обстоятельств, выбытие имущества из владения собственника помимо его воли. В каждом случае речь идет о различной отраслевой квалификации, при этом между ними отсутствует противоречие, и каждая такая квалификация преследует свои обособленные интересы и цели. В данном примере в случае с уголовным правом — публичный интерес и цель наказания, в случае с гражданским правом — частный интерес и цель восстановления правоотношения. На практике же такая ситуация может выразиться в предъявлении гражданского иска в уголовном деле, что только подтверждает тезис.

Соответственно, интернет-право также должно выполнять свою обособленную роль в юридической квалификации определенных общественных отношений, «срез» которых может быть представлен какой-либо совокупностью юридических фактов, и представлять альтернативное, но при этом комплементарное описание такой ситуации с точки зрения юридически значимых аспектов.

Знание, которое формируется в рамках интернет-права, позволяет описать ситуацию с точки зрения *системных правовых проблем*, возникающих в случае с общественными отношениями, если они реализуются посредством сети Интернет, и основных подходов к их разрешению. При этом такое знание основано на преломлении отдельных и подчас уже известных отраслевых подходов через призму архитектурных особенностей сети Интернет.

Нормы, регулирующие отношения в Интернете

Ракурс, который представляет в отношении той или иной правовой ситуации интернет-право, основывается на преломлении отдельных отраслевых подходов (либо уже известных, либо специально разработанных) через призму архитектурных особенностей сети Интернет. Сами такие подходы могут быть основаны на нормах различной отраслевой принадлежности — в зависимости от того, для целей какой отрасли права необходимо разрешить ту или иную конкретную проблему.

Нормы, которые составляют обособленный предмет интернет-права как отдельной группы правовых норм, обладающих предметным единством, таким образом, рассредоточены по различным отраслям права и могут быть определены по критерию их относимости к соответствующим системным правовым проблемам сети Интернет, которые рассматриваются в настоящем учебнике. В качестве примера на данном этапе допустимо привести одну из наиболее очевидных системных правовых проблем — проблему определения юрисдикции.

Сеть Интернет на данный момент организована так, что по общему правилу она допускает практически неограниченное взаимодействие между пользователями, относящимися к различным юрисдикциям. Более того, она позволяет существовать определенным постоянным (английское слово *«persistent»* может точно передать необходимый смысловой оттенок) информационным объектам или, точнее, пространствам. В случае с интер-

нет-отношениями иностранный элемент присутствует практически всегда хотя бы в потенциальной и «негативной» форме угрозы несанкционированного доступа к информации из-за рубежа, даже если «позитивные» отношения, например по купле-продаже, реализуются только между российскими пользователями на российской интернет-платформе.

Во многих ситуациях, однако, иностранный (международный) элемент «сильнее»: например, взаимодействие между пользователями может осуществляться на международной интернет-платформе, которая сама исходит из той позиции, что подчиняется зарубежному праву, и определяет его в качестве применимого по отношению к каждому из пользователей.

В такой ситуации подход, основанный на знаниях и практике, относящийся к интернет-праву, позволил бы описать правоотношения таким образом, чтобы выделить данную проблему определения юрисдикции. Затем выявить определенный проблемный аспект юрисдикции, подлежащий разрешению в конкретной ситуации (например, «место осуществления деятельности» для целей определения места исполнения обязательства в гражданско-правовом смысле) и определить какими способами в данной конкретной ситуации, с учетом архитектурных особенностей сети Интернет и значения отдельных элементов сетевой инфраструктуры должна разрешаться проблемная ситуация.

В этом смысле к нормам интернет-права (понятие, напомним, в силу того, что доктрина находится на стадии формирования, является условным) допустимо отнести *нормы различной отраслевой принадлежности*, которые могут быть применены для целей разрешения системных правовых проблем отношений в сети Интернет. Соответственно, сам термин «интернет-право», скорее, означает определенный ракурс рассмотрения данных норм. Кроме того, разумеется, и в российском, и в зарубежном праве на сегодняшний день формируется *комплекс специальных правовых норм*, а также подходов, выраженных на уровне судебной и административной практики, которые ориентированы на регулирование правовых отношений именно в сети Интернет.

Интернет-право как развивающаяся область знаний и практики

По своей природе интернет-право представляет собой развивающуюся область знаний и практики. Концепции правового регулирования отношений в сети Интернет (и, соответственно, подходы к разрешению системных правовых проблем в данной области) довольно динамичны по двум объективным причинам:

1) *новизна*. Отношения в сети Интернет представляют собой чрезвычайно молодую область, поскольку широкое, в том числе коммерческое, использование глобальной информационно-телекоммуникационной сети в мире, а не только в России, насчитывает немногим более 25 лет (если отсчитывать с начала 1990-х гг.). Данный срок объективно мал для формирования стабильных подходов, таких, какие мы можем наблюдать в тех отраслях права, которые уже стали классическими, таких как гражданское право, исторически концептуально восходящее к римскому праву, или уголовное право. Даже отдельные специальные отрасли законодательства, такие как, напри-

мер, таможенное право, имеют давнюю историю, которая позволила оформиться определенным доктринальным и практическим подходам;

2) *динамика*. Сами информационно-телекоммуникационные технологии представляют собой исключительно динамическую область, в которой на данный момент сосредоточены исследовательские, инженерные и предпринимательские усилия значительной части человечества. Скорость появления новых технологических решений, изменяющих формат отношений, и новых идей относительно того, как использовать уже имеющиеся технические решения, в полной мере несопоставима ни с темпом законодательной деятельности, ни с темпом развития общетеоретических представлений. В качестве произвольного примера можно привести технологии *OTT* («*Over the Top*») — организация сервисов сетевого характера как бы поверх уже существующих (и урегулированных) сетей. Должны ли операторы таких сервисов, популярность которых растет сейчас, получать лицензии и разрешения в том случае, если их «обычные» аналоги подразумевают такую обязанность? Этот вопрос остается сейчас открытым как в теории, так и на практике¹.

Относительная (в исторических масштабах) новизна и динамика сети Интернет как таковой и, как следствие, интернет-права, приводит как минимум к двум следствиям для формирования области знаний, связанной с ней. Во-первых, новизна самих концепций интернет-права чаще всего выражается в способе организации уже имеющегося правового материала, но под специфическим ракурсом интернет-технологий. Во-вторых, данные концепции нередко носят «рабочий» характер, и проходят регулярные «итерации», т.е. пересматриваются, дополняются и изменяются — сообразно развитию новых информационно-телекоммуникационных технологий.

1.2. Основные подходы к пониманию интернет-права

Интернет-право в системе отраслей права и законодательства

Как правило, основные (и фундаментальные) юридические дисциплины относятся к отраслям права, за исключением дисциплин теоретической и исторической направленности.

К числу таких дисциплин можно отнести, например, гражданское, конституционное и уголовное право. Специальные юридические дисциплины чаще всего могут быть охарактеризованы в зависимости от позиции автора, как относящиеся к определенному институту отрасли права или к отрасли законодательства. В первом случае примером может послужить семейное право — институт гражданского права, во втором — таможенное право.

Интернет-право ранее было охарактеризовано как развивающаяся область знаний и практики, обладающая предметным единством за счет, по сути, гипотезы об универсальности системных правовых проблем сети Интернет. Вместе с тем остается еще не проясненным вопрос, к какой категории может быть отнесено интернет-право как элемент *системы права*.

¹ См., например: *Вайтан П. А.* Правовой режим оказания услуг связи Skype на территории Российской Федерации // *Право и экономика*. 2012. № 4. С. 4—18.

Теория права исходит из того, что право в целом представляет собой не случайную совокупность разрозненных норм, а подразумевает определенную внутреннюю систему, которая отражает систему реальных общественных отношений. В качестве элементов системы права рассматриваются нормы права, правовые институты и субинституты, а также отрасли права. При этом нормы права регулируют отдельные общественные отношения, институты — однородные общественные отношения (субинститут — часть института), а отрасли права — также однородные отношения, но при этом с присущим каждой отрасли методом правового регулирования. Нюансы теоретических подходов к системе права могут различаться, например, могут дополнительно выделяться подотрасли — по субъектному составу, но общая направленность именно такова.

Отдельно выделяется понятие «отрасли законодательства», которое рассматривается как нетождественное отрасли права. Отрасль законодательства может включать нормы различной принадлежности по критерию относимости к отраслям права, а может включать нормы, не относящиеся к каким-либо отраслям права в принципе. При этом отрасли законодательства, как правило, формируются сообразно каким-либо функциям государственного управления и, чаще всего, предполагают наличие кодифицированного нормативного правового акта.

В случае с интернет-правом представляется допустимым признавать наличие определенных общественных отношений, общий признак которых определяется по критерию использования Интернета (это одна из базовых предпосылок, на которых построена логика подхода, отраженного в настоящем издании). В наши дни будет уже излишне отмечать, что Интернет давно вышел из технической субкультуры, и при этом используется в самых разных случаях. В то же время было бы смело заявлять, что реализация общественных отношений посредством Интернета ничем не отличается от ситуации в «реальной» жизни (термин условный, поскольку в широком смысле слова Интернет, разумеется, — тоже часть нашей действительности). Она отличается как раз за счет особенностей сетевой архитектуры и принципов сетевого взаимодействия, которые находят юридическое отражение в системных правовых проблемах сети Интернет.

В свете указанных соображений современная доктрина интернет-права рассматривает несколько альтернативных подходов к определению места интернет-права в системе отраслей права и законодательства. Некоторые авторы рассматривают интернет-право как отрасль права, другие — как отрасль законодательства, наконец, интернет-право может рассматриваться как особая разновидность правового института. Авторы при этом сходятся в мысли о том, что в системе права за интернет-правом *доктринально* может быть закреплено отдельное место.

Интернет-право как отрасль права

Вопросы о научной квалификации той или иной совокупности правовых норм в рамках системы права особенно актуальны для специальных отраслевых дисциплин, которые, с одной стороны, обладают существенной спецификой, определяющей особенности правового регулирования, а с другой — по крайней мере, на первый взгляд, ли-

шены фундаментальности, присущей, например, гражданскому праву или уголовному праву. Другими примерами таких специальных отраслевых дисциплин могут послужить, в частности, земельное право или таможенное право.

В целом термин «интернет-право» в контексте настоящего издания рассматривается как условный. Прежде всего, он обозначает совокупность правовых норм, нацеленных на регулирование правовых отношений, возникающих в связи и по поводу сети Интернет. В рамках принятого методологического подхода следует отметить, что данная совокупность норм, так или иначе, должна быть нацелена на то, чтобы прямо или косвенно разрешить системные правовые проблемы интернет-права. При этом, с одной стороны, у данной совокупности норм есть *предметное единство*, обусловленное указанным фактом, с другой — в интернет-праве отсутствует самостоятельный метод именно *правового* регулирования, хотя отношения в сети Интернет с более широкой точки зрения обладают существенным отличием от всех других общественных отношений, поскольку могут фактически регулироваться на уровне *кода*, как будет показано в последующих главах.

Соответственно, поскольку согласно распространенной в теории права и государства точке зрения самостоятельная отрасль права квалифицируется одновременно по критериям предмета и метода, а интернет-право обладает лишь особым предметным единством, данную совокупность правовых норм нельзя считать самостоятельной отраслью права. В то же время следует отметить, что в силу того, что доктрина интернет-права, по сравнению с другими отраслями, в историческом контексте находится в целом лишь на начальном этапе развития, нельзя исключить изменения данной научной позиции в дальнейшем.

Интернет-право как отрасль законодательства

В теории права и государства под «отраслью законодательства», как правило, понимается совокупность нормативных правовых актов, регулирующих особую сферу общественных отношений, но не обладающих уникальным методом правового регулирования.

Как в российском, так и в зарубежном законодательстве, особенно в последнее время, могут быть четко выделены нормы, нацеленные на регулирование общественных отношений, связанных с сетью Интернет. Примером может послужить ст. 10.1 Закона об информации «Обязанности организатора распространения информации в сети Интернет», а также подзаконные нормативные правовые акты, принятые в соответствии с данной статьей. В то же время сам Закон в целом, как указано в ч. 1 ст. 1, регулирует отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, применении информационных технологий и обеспечении защиты информации. Тогда как под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления (п. 1 ст. 2 Закона), т.е. необязательно связанные с сетью Интернет.

Аналогичная ситуация существует и в зарубежных юрисдикциях. В значительной части стран мира на сегодняшний день отдельные вопросы регу-

лирования отношений в сети Интернет находят свое отражение в отдельных нормах различных законодательных актов либо в судебной практике, однако наличие полноценного акта, посвященного исключительно регулированию хотя бы какого-либо одного вопроса, связанного с отношениями в сети Интернет, — явление редкое. Примером может послужить американский *DMCA* — *Digital Millenium Copyright Act* (Акт об авторском праве в цифровую эпоху), который целенаправленно дополняет законодательство США об интеллектуальных правах специальными системными нормами, учитывающими особенности развития информационно-телекоммуникационных технологий.

Допустимо предположить, что при определенных условиях, если законодательство будет систематизировано подобным образом, интернет-право можно будет охарактеризовать как отрасль законодательства. При этом такая квалификация может быть дополнительной по отношению к определению места интернет-права в системе права, как оно показано далее. Однако на данный момент, по крайней мере для Российской Федерации, это в любом случае не так.

Интернет-право как комплексный правовой институт

Одним из ученых, исследующих вопрос о квалификации интернет-права как феномена правовой системы, является профессор И. М. Рассолов. В своей книге «Право и Интернет. Теоретические проблемы»¹ он представляет подробный анализ теоретических подходов к определению признаков отрасли права, подотрасли права, отрасли законодательства, комплексной отрасли права (отдельной от законодательства) и правового института.

И. М. Рассолов исходит из трех критериев, сформулированных отечественными исследователями И. Ф. Казьминым и В. М. Сырых для определения того, допустимо ли квалифицировать тот или иной элемент правовой системы в качестве правового института или нет:

1) формальное единство правовых норм, включающее в том числе относительно целостную систему понятий, единство правового режима регулируемых отношений и т.п.;

2) полноту регулирования определенных общественных отношений, предполагающую, что правовой институт имеет признак функциональной самостоятельности;

3) обособление правовых норм, из которых состоит правовой институт, в различных структурных элементах нормативных правовых актов².

Соответственно, И. М. Рассолов приходит к выводу, что интернет-право допустимо квалифицировать как *смешанный (или «комплексный») правовой институт*, поскольку одни и те же отношения в сети Интернет урегулированы нормами различной отраслевой принадлежности, которые в совокупности как раз и образуют межотраслевой правовой институт. Предмет регулирования при этом един.

¹ См.: *Рассолов И. М.* Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2009 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.01.2016).

² Там же.

Определяет И. М. Рассолов интернет-право как комплексный межотраслевой институт следующим образом: «Объективно обособившаяся внутри различных отраслей права (и, прежде всего, информационного, международного частного и публичного права) совокупность взаимосвязанных правовых норм, объединенных общностью регулирования отношений в виртуальном пространстве Интернета»¹.

Вопросы о том, насколько допустим сам термин «интернет-право», а также как следует рассматривать интернет-право — как отрасль права, отрасль законодательства или же как комплексный правовой институт, в целом остаются дискуссионными, но их значение имеет преимущественно теоретический характер, причем не фундаментальный, а скорее «традиционный», связанный со сложившимися в отечественной науке алгоритмом и последовательностью решения научных задач в рамках существующей научной парадигмы.

В то же время невозможно отрицать сам факт того, что выделять определенную группу общественных отношений, которые будут связаны с сетью Интернет и при этом характеризоваться предметным единством, допустимо. Дискуссионным может оставаться вопрос о том, является ли вектор этого единства качественным или только количественным (хотя на сегодняшний день уже сложно спорить с тем, что речь идет уже, скорее, о качественных изменениях), однако сам факт сомнению подвергать трудно. При этом в рамках подхода, взятого за основу для настоящего издания, мы будем исходить, скорее, из общей гипотезы, которая подразумевает понимание интернет-права как комплексного межотраслевого правового института в значительном соответствии с приведенным выше определением И. М. Рассолова.

Предметное единство интернет-права обусловлено системными проблемами, которые возникают в каждом правоотношении, если оно существенным образом связано с использованием сети Интернет.

1.3. Рабочее определение интернет-права

Факторы, определяющие значение сети Интернет

Привлекательность и целесообразность использования сети Интернет в условиях информационного общества определяется ключевыми факторами ее современного состояния.

Данные факторы могут быть классифицированы различным образом, но это не меняет существа фактической стороны. Одна из возможных классификаций включает в себя такие факторы, как объем, скорость, доступность, простота распространения и глобальность информации.

Объем. По данным IT-компании Cisco, к 2016 г. глобальный интернет-трафик достигнет показателя в 1,1 *зеттабайт* информации, что подразумевает 88,4 *эксабайта* в месяц². Для сравнения — файл, содержащий

¹ См.: Рассолов И. М. Указ. соч.

² The Zettabyte Era — Trends and Analysis / Visual Networking Index (VNI) // Cisco Website. URL: http://www.cisco.com/c/en/us/solutions/collateral/service-provider/visual-networking-index-vni/VNI_Hyperconnectivity_WP.html (дата обращения: 14.01.2016).

настоящий учебник, занимает примерно 2 мегабайта (а в одном гигабайте 1024 мегабайта).

Скорость. В условиях Web 2.0 социальные сети опережают по скорости ранние средства интернет-коммуникации (электронная почта, интернет-пейджинг — *QIP, ICQ* и т.п.). Скорость распространения информации, вызывающей отклик, определяется геометрической прогрессией за счет того, что каждый последующий «репост» информации пользователем делает ее доступной для нового круга пользователей.

Доступность. Значительный объем информации, фактически или потенциально находящейся в общем доступе, распространяется с большой скоростью — поиск информации упрощается (в том числе по мере совершенствования поисковых механизмов), чем обусловлена и доступность информации для пользователей в смысле сравнительной простоты обнаружения.

Простота. Распространение (воспроизведение) информации среди огромной аудитории не требует усилий, хоть в малейшей степени сопоставимых с усилиями, которые было необходимо затратить в эпоху «печатной» информации либо распространяемой по сетям теле- и радиовещания.

Глобальность. Доступ к интернет-ресурсам возможен, как правило, из любой точки земного шара при условии наличия технической возможности. Информация, легально размещенная (или попавшая иным способом) в сети Интернет, в большинстве случаев становится доступной не только целевой аудитории, но и всем остальным пользователям.

Данные факторы в полной мере актуализируются именно на современном этапе развития сети Интернет, который может быть охарактеризован термином Web 2.0¹. Этот этап, в свою очередь, может быть охарактеризован такими признаками, как пользовательский контент, понимание сервиса как платформы, актуализацией информационных посредников, развитием пиринговых файлообменных сетей, облачных сервисов и вычислений, общей децентрализацией как потребителей, так и производителей информации.

Системность правовых проблем интернет-права

Интернет-право характеризуется предметным единством, обусловленным системными правовыми проблемами правовых отношений в сети Интернет. Почему данные проблемы могут быть охарактеризованы как системные? Во-первых, они могут возникать в правовых отношениях различной отраслевой принадлежности, и в этом смысле они универсальны. Во-вторых, как минимум общие системные проблемы проявляются преимущественно в совокупности, что обусловлено архитектурой сети Интернет и принципами работы современных компьютерных технологий в целом.

К числу *общих* системных правовых проблем, которые присущи типичным отношениям в сети Интернет, относятся следующие:

¹ См.: *O'Reilly T.* What Is WEB 2.0. Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software // O'Reilly Media. URL: <http://oreilly.com/web2/archive/what-is-web-20.html> (дата обращения: 14.01.2016); *O'Reilly T., Battelle J.* Web Squared: Web 2.0 Five Years On // Web 2.0 Summit. Oct. 20-22 2009. URL: <http://www.web2summit.com/web2009/public/schedule/detail/10194> (дата обращения: 14.01.2016).

1) **идентификация пользователей.** Любая коммуникация, опосредуемая компьютерными технологиями в целом и, в частности, сетью Интернет, не может избежать юридического разрыва между реальной личностью участника взаимодействия и «терминалом», через который он взаимодействует. Даже при условии многоступенчатой системы верификации сетевой идентичности никогда нельзя полностью исключить вероятность того, что взаимодействие в сети Интернет осуществляется не с тем субъектом, который указан. Но проблема идентификации пользователей сейчас актуализируется и в обратном аспекте, через законодательство о персональных данных: если пользователя можно идентифицировать, то с учетом его особой уязвимости в глобальном международном информационном пространстве его права как субъекта персональных данных следует защищать;

2) **определение юрисдикции.** В отсутствие полностью разделенного на национальные сегменты Интернета (даже при реализации данного гипотетического сценария, только в меньшем масштабе) потенциально любые отношения в сети Интернет могут предполагать наличие «инострannого элемента», как этот термин понимается в классическом международном частном праве и других отраслях. В свою очередь, осложняет ситуацию и факт возможности доступа к сетевым ресурсам также из потенциально неограниченного количества юрисдикций. Чаще всего отношения в сети Интернет предполагают наличие иностранного элемента как минимум, в потенциальной форме и на особом уровне интернет-архитектуры, поскольку адресация и маршрутизация в Интернете как таковая на данный момент в потенциально каждом случае может осуществляться с участием зарубежных информационных посредников;

3) **ответственность информационных посредников.** Условно историческими «информационными посредниками» можно было считать даже книжные издательства. Вместе с тем объем возможностей по контролю за оборотом информации книжных издательств несопоставимо мал по сравнению с тем объемом, который есть, например, у социальных сетей. Неудивительно, что государства по всему миру сейчас обращают пристальное внимание на определение тех условий, при которых информационные посредники могут нести ответственность за информацию, размещаемую пользователями. Ответы различаются от юрисдикции к юрисдикции. Данная проблема тесно связана как с вопросами ограничения распространения информации, противоречащей основам правопорядка и нравственности, так и с особенностями защиты авторских прав в цифровую эпоху.

Принятый в настоящем издании методологический подход предполагает, что общие системные проблемы правового регулирования отношений в сети Интернет реально или потенциально проявляются во всех случаях, когда в общественных отношениях используется глобальная информационно-телекоммуникационная сеть. В то же время можно выделить как минимум несколько *частных* системных правовых проблем сети Интернет, которые проявляются только в определенных случаях, связанных с природой или отдельными функциями интернет-сервисов:

1) **пиринговые технологии.** Отличие одноранговых сетей, построенных по пиринговым технологиям, от «обычных», заключается в том, что в рам-

ках такой сети каждый пользователь, оперирующий полноценным узлом такой сети, является как бы одновременно «сервером» и «клиентом». В юридическом смысле это означает, что такой пользователь является не только пассивным потребителем информации или услуг, но и активно их производит. Это приводит к несколько необычному выводу, к которому действующее право, тем не менее, подталкивает при буквальной интерпретации: каждый из пользователей пиринговой сети может рассматриваться как полноценный нарушитель или лицо, которое в полной мере осуществляет правомерное действие (при этом выступая не в качестве «потребителя», а в качестве «профессиональной стороны»). Характерные примеры — это торренты, используемые для распространения контента, где каждый участник не только получает, но и воспроизводит контент, если только он не заблокировал для себя такую возможность. Еще один актуальный момент — это криптовалюты, например, *Bitcoin*, где каждый из участников сети, имеющий установленный клиент *Bitcoin* и установивший специальное «майнинговое» программное обеспечение, по сути, представляет собой эмитента криптовалюты, а не только ее пользователя. Одностороннее применение позитивного права, не рассчитанного на данные технологии, позволит рассматривать в качестве нарушителей (в определенных случаях, даже в смысле уголовного права) буквально миллионы пользователей, что свидетельствует, скорее, о необходимости изменения общих правовых подходов к данным технологиям;

2) **интернет-гипертекст**. Очевидное отличие сети Интернет от иных средств обращения с информацией заключается в том числе и в феномене гипертекста. В узком смысле слова гипертекст в интернет-контексте можно определить как текст, содержащий отсылку, посредством которой пользователь может перейти к другому тексту. Гипертекст, таким образом, позволяет пользователям размещать ссылки на материал, не размещая сам материал, и в этом смысле он напрямую связан с проблемой ответственности информационных посредников. В несколько более широком смысле слова как интернет-гипертекст могут также пониматься любые *API*, позволяющие осуществлять предварительный просмотр информации, размещенной на интернет-ресурсах других пользователей, не размещая эту информацию на ресурсе информационного посредника. Сама проблема информационных посредников получает дополнительную модификацию — может возникнуть вопрос об ответственности лица, разместившего гипертекст, в том случае, если содержание отсылки изменилось (например, научная статья по ссылке была заменена в результате несанкционированного изменения злоумышленником на порнографические материалы);

3) **автоматизированные действия**. Отличие компьютерных программ от других инструментов, используемых человеком, заключается в их природе — они запрограммированы на выполнение определенных действий. В ряде случаев эти действия определяются поступающими внешними данными, а в определенных ситуациях программы могут действовать автономно и, более того, как бы самообучаться, вследствие чего они могут совершать действия, заранее не предусмотренные создателем. Конечно, основываясь на открытых доступных источниках, еще рано развивать

предположения о различных угрозах, связанных, например, с вышедшим из-под контроля «искусственным интеллектом», однако уже распространены, например, феномен того, что вредоносное программное обеспечение, подверженное неконтролируемому распространению, может причинить вред настолько широкому кругу субъектов, что создатель такого программного обеспечения мог вовсе и не иметь умысла на причинение вреда такой степени. Соответственно, может возникнуть, например, отнюдь не простой вопрос об объеме убытков (в гражданско-правовом смысле), подлежащих возмещению в результате «действий» компьютерного вируса;

4) **игровое пространство**. Одной из проблем, которая особенно актуализировалась в цифровую эпоху, стала проблема разграничения между вымыслом и реальностью в особом юридическом смысле. Можно легко себе представить случаи, например ответственности за оскорбление, причиненное одним пользователем социальной сети другому. Даже в том случае, если данные их учетных записей не позволят достоверно идентифицировать стороны, нет сомнения в том, что присутствует объективная сторона правонарушения. Иначе обстоят дела в виртуальных мирах, игровых и неигровых (хотя для наглядности рассматриваемую системную проблему имеет смысл в любом случае условно обозначить как проблему игрового пространства). В случае если один из игроков оскорбит другого в игре, с учетом того, что в виртуальном мире они действуют от лица вымышленных персонажей (если речь, конечно, идет об онлайн-ролевой игре), где начинается та граница, после которой уже нельзя сказать, что применяется право реального мира? В некоторых случаях ответ, со всей очевидностью, заключается в том, что такая граница отсутствует — например, в ситуациях, когда игроки в принципе не склонны играть в таком стиле, который предполагает погружение в игровой мир (что в целом свойственно многим игрокам, преимущественно ориентированным на победу, а не на участие — как могли бы подсказать социологические исследования в данной области). Однако есть ситуации, когда игровое пространство четко ограничивает область игры, где право вряд ли применимо. Например, в текстовых многопользовательских ролевых мирах, где разработчиками установлено условие «*roleplay enforced*» (ролевая игра обязательна), а пользователи в целом поддерживают данное правило, в отношении общения персонажей между собой действует презумпция того, что такое общение принципиально ограничено рамками виртуального мира. В такой ситуации любое оскорбление одного персонажа другим является исключительно игровым действием. Однако спорные ситуации, относящиеся к данному примеру, все же возможны и составляют суть данной системной проблемы;

5) **виртуальная собственность**. В самом широком смысле слова в понятие виртуальной собственности могут быть включены не только предметы, имеющие ценность в пределах одного виртуального мира (например, многопользовательской ролевой онлайн-игры), но и любые объекты, по сути, интернет-инфраструктуры, которые фактически, а в некоторых случаях и юридически, могут выступать объектом гражданского оборота. Наиболее устоявшимся примером могут послужить доменные имена, кото-

рые активно включены в оборот и фактически рассматриваются как серьезный актив.

Это интересно

Председатель Суда по интеллектуальным правам и заведующая кафедрой интеллектуальных прав Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, профессор Л. А. Новоселова в статье «Можно ли передать по наследству доменное имя?» рассматривает право на использование доменного имени (доменное имя) как имущественное право, тем самым признавая доменное имя объектом гражданского права, к которому применяются все правила наследования, предусмотренные законом, и делает вывод, что домены являются частью наследственной массы. В целом, возможность наследования аккаунтов (учетных записей) является актуальной дискуссионной темой как в России, так и за рубежом¹. При этом практически нет оснований рассматривать доменные имена как объекты именно интеллектуальных прав (возможно, за исключением случаев, когда они содержат в себе творческий элемент и (или) когда их форма защищается как товарный знак).

Различие между общими и частными системными проблемами правового регулирования отношений в сети Интернет заключается в том, что общие проблемы характерны для любых (или потенциально для любых) отношений в сети Интернет, тогда как частные системные проблемы характерны преимущественно для особого круга таких отношений, которые, однако, невозможны без того технологического функционала, который предоставляют информационно-телекоммуникационные сети. В целом же, совокупность данных проблем характеризует предметное единство интернет-права, позволяющее говорить о нем как о самостоятельном правовом институте;

б) накопление и динамика системных правовых проблем. На самостоятельный статус может претендовать системная проблема «авторerefлексивного» характера: по мере развития информационно-телекоммуникационных технологий предшествующие проблемы, как правило, не исчезают, а накапливаются по принципу снежного кома. На каждый последующий этап развития интернет-технологий количество системных проблем увеличивается, и между ними возникают новые внутренние взаимосвязи. Кроме того, развитие информационно-телекоммуникационных сетей предельно динамично, что также предопределяет их актуальность.

Предметное единство интернет-права

Обусловленное системными правовыми проблемами *предметное единство интернет-права* выражается в том, каким образом данные системные правовые проблемы проявляются в отношениях, которые являются предметом различных отраслей права. Рассмотрим проблему предметного единства интернет-права на примере правоотношений, относящихся к гражданскому праву, административному праву и уголовному праву.

¹ Новоселова Л. А. Можно ли передать по наследству доменное имя? // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2014. № 9. С. 19.

1. Пример из *гражданского права*. Находящийся на территории Республики Беларусь гражданин Российской Федерации, действуя в социальной сети исключительно под псевдонимом, договорился с гражданином Китайской Народной Республики, выходящим в сеть с территории Китая, также действующим под псевдонимом, о покупке потребительских товаров. Социальная сеть при этом поддерживается компанией, зарегистрированной по праву США, а ее пользовательское соглашение предусматривает, что к отношениям между компанией и пользователями применяется право штата Калифорния (за исключением коллизионных норм). При этом согласно пользовательскому соглашению, если пользователи используют социальную сеть для заключения сделок между собой, к их отношениям также применяется право штата Калифорния (за исключением коллизионных норм). В результате технических перебоев в предоставлении сервиса одно из сообщений китайского пользователя об отмене сделки пришло к российскому пользователю с искажением информации, и данный пользователь в результате перечислил продавцу в два раза больше денег в оплату товара, чем предполагалось изначально. Впоследствии данные обстоятельства прояснились. *В такой ситуации актуальна каждая из общих проблем: идентификации пользователей, определения юрисдикции и ответственности информационных посредников.*

2. Пример из *административного права*. Гражданин Российской Федерации обращается в уполномоченный орган государственной власти, находящийся на территории Федеративной Республики Германия, посредством сети Интернет за разъяснением вопроса, связанного с предоставлением вида на жительство. Работник данного органа власти запрашивает у российского гражданина персональные данные, в число которых входят биометрические персональные данные. В процессе общения выясняется, что сообщения от гражданина с приложениями файлов (как раз содержащих биометрические персональные данные) не поступают на сервер указанного органа государственной власти. В отсутствие прямых запретов работник предлагает российскому гражданину направить указанные файлы на «неофициальный» адрес электронной почты, зарегистрированный в популярном бесплатном сервисе электронной почты, который поддерживается компанией, зарегистрированной в США. Данный адрес фактически при этом не является личным и используется в аналогичных случаях и другими работниками указанного государственного органа. Информация была получена «правильным» работником, но через несколько месяцев его коллега выгрузил приложения из письма гражданина и разместил их часть в своей социальной сети. Впоследствии гражданин об этом узнал и задумался о способах защиты своих прав. *В такой ситуации также актуальна каждая из общих проблем: идентификации пользователей, определения юрисдикции и ответственности информационных посредников.*

3. Пример из *уголовного права*. Пользователь популярной корейской многопользовательской онлайн-игры, распространяемой по «условно-бесплатной» («*free-to-play*») модели для получения игровых преимуществ потратил 1200 долл. США на приобретение дополнительного игрового функционала и наслаждался игрой в течение нескольких месяцев. Впо-

следствии игра ему наскучила, и он прервался на несколько недель. Своего логина и пароля он никому не сообщал. Вновь войдя в игру по истечении данного срока, он обнаружил, что его учетная запись была безвозвратно заблокирована по причине подозрительной активности, а оставшиеся средства «виртуальной валюты» в эквиваленте 160 долл. США аннулированы по единоличному решению игровой компании. Связавшись со службой поддержки, он узнал, что игровая компания «подозревает его в недобросовестных действиях» в силу того, что, зайдя в нее месяц назад, «он» пытался осуществить мошенничество в отношении нескольких других игроков данной игры. Разобравшись в ситуации по автоматическим сообщениям в своей электронной почте, пользователь понял, что неделю назад неустановленное лицо совершило неправомерный доступ к его компьютерной информации, причинив ему, таким образом, ущерб в размере, как минимум 1040 долл. США. Оставшийся же ущерб в размере 160 долл. США наступил в результате действий игровой компании. *Аналогично в такой ситуации также актуальна каждая из общих проблем: идентификации пользователей, определения юрисдикции и ответственности информационных посредников.*

Это лишь несколько иллюстраций тому, что определенные проблемы, которые рассматриваются в настоящем издании как системные, проявляются в ситуациях, относящихся к совершенно разным отраслям права, что является дополнительным свидетельством предметного единства интернет-права. Кроме того, следует учитывать, что указанные системные проблемы могут проявляться не только в юридических конфликтах. В случае разработки правовых позиций, пользовательской документации и иных документов, которые могут иметь природу, например гражданско-правового договора, при условии, что они связаны с отношениями в сети Интернет, необходимо учитывать как минимум общие системные проблемы правовых отношений в сети Интернет, что не только вытекает из теории интернет-права, но и подтверждается опытом правовой практики.

Если опираться на гипотезу об интернет-праве как о межотраслевом институте, то системные проблемы интернет-права как комплексного правового института допустимо также рассматривать в контексте *субинститутов интернет-права*. С такой точки зрения допустимо сказать, например, что в интернет-праве как правовом институте есть субинститут идентификации пользователей или субинститут ответственности информационных посредников. Данное наблюдение не является принципиальным для подхода к интернет-праву как к области знаний, но может сформировать дополнительный контекст, способствующий пониманию в учебных целях.

Актуальные направления развития интернет-права

Отдельные системные правовые проблемы отношений в сети Интернет уже получили развитие в законодательстве и практике, что свидетельствует об их актуальности. Более того, история развития интернет-права в России в целом как

таковая насчитывает уже много лет, и в определенном смысле можно сказать, что ее можно отсчитывать с момента появления Интернета в России.

Вместе с тем подходы меняются, становятся более системными и целенаправленными, приобретают более конкретные формы и специальный характер. С учетом данного контекста на сегодняшний день в Российской Федерации в наибольшей степени развиваются как минимум следующие направления законодательного регулирования и практики (перечислены только некоторые из них, но отражающие при этом общую тенденцию):

1) **ограничение распространения информации в сети Интернет** (контекст — проблема ответственности информационных посредников). В 2012 и 2013 гг.¹ в Законе об информации появился ряд специальных норм, регулирующих непосредственно отношения в сети Интернет, включая создание Единого реестра запрещенной информации и введение процедуры досудебного ограничения информации в Интернете (ст. 15.1 и 15.3). В этом контексте можно также отметить Закон о защите детей. Хотя практика по данному Закону формируется крайне медленно, многие российские и зарубежные заинтересованные интернет-компании уже начинают обращать пристальное внимание на проблемы, связанные с соблюдением его норм в Интернете, например проблему определения возрастного рейтинга для социальных медиа, построенных на пользовательском контенте;

2) **защита авторских прав в сети Интернет** (контекст — проблема ответственности информационных посредников). В 2013 г. в Закон об информации и процессуальное законодательство введены нормы, определяющие порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением авторских и (или) смежных прав (первоначально — только в отношении фильмов, но сейчас — в отношении любых объектов авторского права, кроме фотографических произведений) (ст. 15.2). В 2014 г. дополнительно появилась возможность «пожизненной» блокировки ресурсов и установлена общая процедура реализации права на внесудебную защиту своих авторских прав (ст. 15.6 и 15.7). В 2013 г. ГК РФ дополнен ст. 1253.1 «Особенности ответственности информационного посредника». Появились и иные специальные нормы;

3) **регулирование деятельности социальных медиа** (контекст — проблема ответственности информационных посредников, проблема определения юрисдикции, проблема идентификации пользователей). В 2014 г. в Закон об информации введены нормы, регулирующие обязанности организатора распространения информации в сети Интернет — лица, осуществляющего деятельность по обеспечению функционирования коммуникационных интернет-сервисов (ст. 10.1) и нормы, регулирующие особенности распространения блогером² общедоступной информации (ст. 10.2). Отдельно следует отметить, что проблема определения юрисдикции в данном случае проявляется в том смысле, что пока не ясно, насколько указанные нормы могут применяться к иностранным субъектам, а идентификации пользователей — в связи с необходимостью идентифицировать блогеров;

¹ Здесь и далее приводятся даты подписания соответствующего законопроекта Президентом РФ.

² Российское законодательство использует сокращенную транслитерацию, включающую одну букву «г», в отличие от исходного английского слова «*blogger*».

4) **контроль за персональными данными** (контекст — проблема идентификации пользователя, проблема ответственности информационных посредников). С 2014 г. в законотворческой деятельности и практике усиливается внимание к регулированию оборота персональных данных, в том числе в сети Интернет. Появляется требование о «локализации» персональных данных российских пользователей в российских базах данных (ч. 5 ст. 18 Закона о персональных данных). Начинает активно обсуждаться проблема определения персональных данных с учетом значительного объема информации о пользователях, используемой интернет-сервисами и обрабатываемой в Интернете. В этом контексте многие интернет-компании задаются вопросом, является ли набор пользовательских данных, который они обрабатывают, персональными данными, или нет. Вопрос имеет особую актуальность, поскольку пользовательские данные, представляющие собой персональные данные, предполагают наличие дополнительных и серьезных обязательств по обеспечению безопасности персональных данных и соблюдению требований об их обработке;

5) **развитие правовых подходов к определению места совершения действий** (контекст — проблема определения юрисдикции). В 2013 г. изменяется п. 1 ст. 1212 ГК РФ о праве, подлежащем применению к договору с участием потребителя. Согласно новой редакции потребитель не может быть лишен гарантий, предоставляемых императивными нормами страны его места жительства, если профессиональная сторона *любыми способами направляет свою деятельность на территорию этой страны* (это подразумевает в том числе и Интернет). Вслед за этой формулировкой Минкомсвязи России формулирует неофициальные разъяснения, в которых заявляет, что российское законодательство может действовать в отношении иностранных интернет-сайтов, «направленных на территорию Российской Федерации» (по признаку доменного имени, использования русского языка, предоставления возможности расчетов в рублях и т.п.). Российские суды начинают принимать иски к зарубежным компаниям, взаимодействующим с пользователями только посредством интернет-сайта из-за рубежа, на основании Закона о защите прав потребителей;

6) **обработка личной информации в интернет-сервисах** (контекст — проблема ответственности за автоматизированные действия). В российских судах начинают рассматриваться дела о нарушении прав субъектов персональных данных с использованием сети Интернет в тех случаях, когда третье лицо получало «доступ» к таким данным только в формате автоматической обработки, без доступа реальных физических лиц к такой информации непосредственно;

Судебная практика

В 2010 г. Московский областной суд счел, что хранение персональных данных в общедоступном интернет-сервисе может рассматриваться в качестве разглашения персональных данных такому интернет-сервису в силу самого факта хранения (см. определение Московского областного суда от 16.09.2010 по делу № 33-18051). В 2015 г. российские суды столкнулись с требованием гражданина, связанным с нарушением его прав субъекта персональных данных при автоматизированной обработке его информации в целях предоставления контекстной рекламы крупной интернет-компанией.

7) **пиринговые технологии** (контекст — проблема пиринговых технологий, проблема ответственности информационных посредников). Каждый из распространенных примеров пиринговых технологий — торренты и *Bitcoin* — уже получили свое отражение на уровне российской правоприменительной практики. В 2013 г. было возбуждено уголовное дело против мужа и жены за распространение торрент-файлов по ч. 3 ст. 146 УК РФ («Нарушение авторских и смежных прав»)¹. Значительное внимание было обращено российскими банковскими и правоохранительными органами на *Bitcoin*, который на данный момент имеет неопределенный правовой статус, но, скорее, рассматривается государством как разновидность денежного суррогата;

8) **ограничение спама** (контекст — проблема ответственности за автоматизированные действия). Развивается практика ответственности за спам в соответствии со ст. 18 Закона о рекламе, согласно которой запрещается распространение рекламы по сетям электросвязи без предварительного согласия абонента или адресата на получение рекламы. Более того, в 2014 г. Закон о связи дополнен ст. 44.1 «Рассылка по сети подвижной радиотелефонной связи», что также имеет значение и для интернет-сервисов в силу интеграции таковых с мобильной связью, которая запрещает получение любых автоматических рассылок, коротких текстовых сообщений, не соответствующих российской системе и плану нумерации, а также сообщений, передача которых не предусмотрена договором о межсетевом взаимодействии с иностранными операторами связи. Данная норма Закона о связи касается уже не только рекламных сообщений, но и ограничена SMS;

9) **правовая природа отношений с игровой компанией** (контекст — проблема игрового пространства и проблема виртуальной собственности). Развивается судебная практика, в которой отношения между игроками многопользовательских онлайн-игр и игровыми компаниями квалифицируются уже исходя не из авторского права, на что опиралась правовая (а не судебная) практика, а из законодательства о защите прав потребителей. Деятельность игровой компании интерпретируется не столько как предоставление лицензии на определенный программный продукт и (или) сложный объект, а как услуга по организации игрового процесса. Соответственно, игроки могут получать правовую защиту как потребители и таким образом защищать свои права в случае спорных ситуаций, связанных с виртуальными ценностями, приобретенными за реальные деньги²;

10) **правовая природа виртуальных предметов, приобретаемых в играх за реальные деньги** (контекст — проблема виртуальной собственности). Данный аспект получил неожиданное развитие в контексте налогового права. Одна из крупнейших российских игровых компаний долгое

¹ См. в том числе ссылки на материалы дела: *Селезнева Е.* Что нужно, чтобы получить срок из-за торрент-файлов // Pravo.Ru. URL: http://pravo.ru/court_report/view/86608/ (дата обращения: 14.01.2016).

² См., например: *Сементова Б.* Онлайн-игры: правовая природа отношений // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2014. № 8. С. 38–45. Особенно актуально в данном контексте определение Ленинского районного суда г. Кемерово от 26.04.2013, на которое ссылается автор.

время пользовалась освобождением от налогообложения на основании подп. 26 п. 2 ст. 149 НК РФ в отношении дополнительного игрового функционала (виртуальной собственности), исходя из того, что предоставление виртуальной собственности за реальные деньги может рассматриваться как реализация программного обеспечения по лицензионному договору. В то же время ФНС России сочла это необоснованным, поскольку, по сути дела, виртуальная собственность имеет исключительно игровую природу, а предоставление дополнительного игрового функционала — это оказание услуг по организации игрового процесса. Выручка от реализации дополнительного игрового функционала игровой компании при этом составляла 1 622 671 985 руб.¹

Соответственно актуальным практическим направлениям развития интернет-права развивается и доктрина интернет-права.

Рабочее определение интернет-права

Каким образом, с учетом рассмотренных аспектов проблемы определения понятия «интернет-право» и основных подходов к пониманию интернет-права, допустимо определить данный термин?

Обобщая сказанное ранее, можно сформулировать рабочую гипотезу о том, что **интернет-право** представляет собой комплексный правовой институт — совокупность правовых норм, нацеленных на разрешение системных правовых проблем общественных отношений, возникающих в связи и по поводу информационно-телекоммуникационной сети Интернет, что и составляет предметное единство интернет-права.

Для целей данного издания в настоящем определении при этом правовые нормы понимаются в позитивистском ключе — как обеспеченные государственным принуждением общеобязательные правила поведения, имеющие предоставительно-обязывающий характер.

Вместе с тем следует иметь в виду, что в силу развития правовой природы сети Интернет как таковой широкий круг отношений в целом в смысле социальных наук регулируется в данной области не только правовыми, но и иными социальными нормами. Значительная часть отношений в сети Интернет является объектом саморегулирования. Более того, в случае с Интернетом (как и с компьютерными технологиями в целом) сама архитектура сетей, аппаратного и программного обеспечения может ограничивать или разрешать определенное поведение в силу факта, что также допустимо рассматривать как особый способ регулирования, присущий исключительно данной области, в рамках которого технические нормы *de facto* могут получать социально-нормативное измерение.

Кроме того, сам термин «интернет-право», даже в более или менее определенном контексте, многозначен и включает в себя также значения науки

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24.11.2014 по делу № А40-91072/14-90-176. В настоящее время Верховным Судом РФ по данному делу принято определение от 30.09.2015 № 305-КГ15-12154 об отказе в передаче кассационной жалобы (представления) для рассмотрения в судебном заседании.

и учебной дисциплины, каждая из которых основывается на формирующейся доктрине интернет-права.

При этом интернет-право как комплексный правовой институт уже получает серьезное развитие в правотворческой деятельности и правоприменительной практике, о чем свидетельствует развитие таких направлений, как ограничение распространения информации в сети Интернет, защита авторских прав в сети Интернет, регулирование деятельности социальных медиа, контроль за персональными данными, развитие правовых подходов к определению места совершения действий (с учетом сети Интернет), правовая оценка обработки личной информации в интернет-сервисах, пиринговых технологий, развитие правовых ограничений спама, правовые оценки отношений с игровыми компаниями и виртуальной собственности как таковой.

Данные тенденции развития свидетельствуют не только о развитии подходов к интерпретации общих норм интернет-права (т.е. норм различных отраслей права, которые могут реализовываться при разрешении системных правовых проблем), но и о целенаправленном развитии комплекса специальных норм, регулирующих отношения в сети Интернет.

Тесты

1. Согласно представленному подходу что должно иметь обособленный (особенный) характер для того, чтобы интернет-право могло претендовать на статус отдельной области знаний?

- а) предмет;
- б) метод;
- в) структура;
- г) форма.

2. В каком соотношении находятся между собой различные области юридических знаний (в том числе интернет-право) с точки зрения тех абстрактных моделей отношений, которые они формируют?

- а) они взаимно исключают друг друга;
- б) они взаимно дополняют друг друга, формируя различные модели описания, построенные на разных концепциях отношений;
- в) они взаимно дополняют друг друга, формируя одну общую модель описания, построенную на одной концепции отношений;
- г) они никак не соотносятся между собой.

3. Что обеспечивает предметное единство системы знаний, формирующихся в рамках интернет-права?

- а) интерес, лежащий в основе правовых отношений, регулируемых нормами интернет-права;
- б) отраслевая принадлежность норм интернет-права;
- в) системные правовые проблемы, возникающие в различных отношениях, опосредуемых сетью Интернет;
- г) универсальные принципы разрешения проблемы юрисдикции в сети Интернет.

4. Предмет интернет-права как области научных знаний:

- а) развивается динамично и отличается новизной;
- б) стабилен и не отличается новизной;

- в) динамичен, но отличается новизной;
- г) стабилен и не отличается новизной.

5. С точки зрения теории права и концепции системы права место интернет-права должно быть определено:

- а) среди отраслей права, правовых институтов и отраслей законодательства;
- б) среди отраслей права и правовых институтов;
- в) среди субинститутов права и отраслей права;
- г) среди подотраслей права и субинститутов права.

6. Основным аргументом против признания интернет-права отраслью права является:

- а) наличие предметного единства интернет-права;
- б) отсутствие предметного единства интернет-права;
- в) отсутствие самостоятельного метода правового регулирования;
- г) наличие самостоятельного метода правового регулирования.

7. Общая характеристика квалификации интернет-права как отрасли законодательства в России может быть следующей:

- а) интернет-право кодифицировано и представляет собой отрасль законодательства;
- б) интернет-право не кодифицировано, но представляет собой отрасль законодательства;
- в) интернет-право не кодифицировано и не представляет собой отрасль законодательства;
- г) Закон об информации представляет собой кодифицированный акт, свидетельствующий о том, что интернет-право — отрасль законодательства.

8. Основные признаки интернет-права как комплексного (межотраслевого) правового института согласно И. М. Рассолову — это:

- а) объективная обособленность, взаимосвязь и общность регулирования норм;
- б) субъективная обособленность, взаимосвязь и общность регулирования норм;
- в) общность регулирования норм, несмотря на отсутствие между ними взаимосвязи;
- г) отсутствие взаимосвязи между нормами и их предметная разобщенность.

9. Какие правовые проблемы относятся к числу общих (универсальных) проблем интернет-права?

- а) идентификация пользователей, определение юрисдикции, ответственность информационных посредников;
- б) виртуальная собственность, пиринговые технологии и ответственность за автоматизированные действия;
- в) интернет-гипертекст, автоматизированные действия и игровое пространство;
- г) идентификация пользователей, интернет-гипертекст и пиринговые технологии.

10. Системные правовые проблемы интернет-права проявляются в различных правовых конфликтах:

- а) независимо от отрасли права;
- б) только в гражданском и уголовном праве;
- в) только в уголовном праве;
- г) в гражданском, административном и уголовном праве.

11. В Российской Федерации актуальные направления развития интернет-права представлены:

- а) исключительно теоретическими концепциями;
- б) исключительно судебной практикой;
- в) законопроектами и теоретическими концепциями;
- г) действующими нормативными правовыми актами, судебной практикой и развивающейся доктриной.

12. Как комплексный правовой институт в широком смысле слова интернет-право включает в себя:

- а) только нормы позитивного права;
- б) нормы позитивного права и иные социальные нормы;
- в) гражданско-правовые обычаи;
- г) нормы позитивного права и гражданско-правовые обычаи.

Рекомендуемая литература

Азизов, Р. Ф. Отношения в сети Интернет формата Web 2.0: проблема соответствия между сетевой архитектурой и правовым регулированием / Р. Ф. Азизов, В. В. Архипов // Закон. — 2014. — № 1.

Демьянец, М. В. Предпринимательская деятельности в сети Интернет : монография / М. В. Демьянец, В. М. Елин, А. К. Жарова. — М. : Юркомпания, 2014 (параграф 1.1 гл. 1).

Наумов, В. Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики / В. Б. Наумов. — М. : Книжный дом «Университет», 2002 (гл. 1, приложение 1).

Расолов, И. М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. — 2-е изд., доп. — М. : Норма, 2009 (гл. 1).

Савельев, А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — М. : Статут, 2014 (параграф 4 гл. 1).

Глава 2

СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРНЕТ-ПРАВА

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- основные положения интернет-права о системных правовых проблемах интернет-права;
- сущность и содержание системных правовых проблем интернет-права, их общую характеристику, технологические предпосылки, теоретическую значимость, практическую актуальность и современное состояние;

уметь

- оперировать юридическими понятиями, используемыми для описания системных правовых проблем интернет-права;

владеть

- юридической терминологией, используемой при определении системных проблем интернет-права;
 - навыками работы с правовыми актами в области интернет-права в части выявления отраженных в них системных проблем интернет-права;
 - навыками анализа правоприменительной и правоохранительной практики в области интернет-права в части выявления отраженных в них системных проблем интернет-права.
-

2.1. Идентификация пользователей

Сущность системной правовой проблемы идентификации пользователей в сети Интернет заключается в том, что в силу архитектурных особенностей сети Интернет взаимодействие между пользователями (реальными физическими лицами, действующими от своего лица или от лица иных представляемых ими лиц, в том числе юридических) объективно опосредовано, что приводит к сложностям в определении субъектов правоотношения в большинстве случаев.

Это может проявляться в самых разных практических ситуациях. Например, при взаимодействии пользователей социальной сети, при прочих равных условиях всегда отсутствует полная уверенность в том, что собеседник (а взаимодействие при этом может иметь и юридическое значение) действительно тот, за кого себя выдает посредством указания данных в своем профиле. В случае заключения договора в электронной форме путем обмена электронными сообщениями, например, по электронной почте, если этому не предшествовали взаимодействия сторон, в результате которых были установлены достаточные процедуры верификации электронных сообщений, остается риск того, что сообщение направлено или

получено не тем лицом. При совершении правонарушений в сети Интернет, как правило, крайне сложно установить лицо, которое размещало противоправную информацию, если только само оно не признает факт совершения действий или в деле не будет других доказательств.

Системность проблемы идентификации пользователей и ее общий характер подтверждается тем, что в той или иной форме она присутствует в любых правовых отношениях, опосредованных сетью Интернет и может быть выявлена в каждом случае взаимодействия. Данная системная проблема на практике разрешается на основании установленных законодательством, выработанных судебной или административной практикой либо определенных на уровне саморегулирования (в том числе в форме договоров и обычаев) процедур верификации пользователей либо соответствующих юридических презумпций и фикций.

Технологические предпосылки

Опосредованность взаимодействия пользователей, лежащая в основе системной проблемы их идентификации, может рассматриваться на нескольких уровнях архитектуры сети Интернет.

На *«физическом» уровне* такое взаимодействие опосредовано использованием компьютеров — строго говоря, в отсутствие каких-либо юридических презумпций и фикций наиболее точно взаимодействие в данном случае может быть описано исключительно как взаимодействие между двумя и более компьютерами.

Это интересно

Не всегда могут быть гарантии того, что на одном из этих компьютеров не действует автоматизированное программное обеспечение (бот). Здесь, правда, данная проблема может перейти в плоскость проблемы ответственности за автоматизированные действия: юридически возможны ситуации, в которых действие бота будет рассматриваться как способ осуществления действий или коммуникации со стороны пользователя. В таком случае можно говорить о наличии соответствующей юридической презумпции или фикции.

На *уровнях сети, интернет-протокола и передачи данных* опосредованность взаимодействия определяется тем, что информация от одного пользователя поступает к другому пользователю различными способами и по различным сетевым маршрутам. Причем в ходе передачи как сама информация может быть перехвачена и изменена, так и сведения об источнике такой информации могут быть изменены, например, посредством использования прокси-серверов¹.

¹ Прокси-сервер в самом общем виде — это сетевая служба, которая позволяет выполнять косвенные запросы к другим сетевым службам. Например, клиент (пользователь) может зайти на сайт как бы непосредственно, а может через прокси-сервер. В последнем случае при прочих равных условиях, со стороны «конечного» сервера именно прокси-сервер будет выглядеть как источник запроса. Например, если какой-либо интернет-ресурс предлагает доступ только для пользователей, IP-адрес устройств которых определяется как относящийся к какой-либо определенной юрисдикции, то пользователь из другой юрисдикции может направить свой запрос через прокси-сервер «правильной» юрисдикции и таким образом попасть на сайт без ограничений.

На уровнях **приложений и контента** такая опосредованность взаимодействия, которая приводит к системной проблеме идентификации пользователей, выражается еще и в том, что взаимодействие в конечном счете осуществляется между различными программными приложениями за счет обмена содержащимся в них контентом, а не между пользователями как таковыми. На этом уровне проявляется проблема достоверности данных, указанных в тех же профилях социальных сетей.

В общем, проблема идентификации пользователей по-разному разрешается на каждом уровне архитектуры сети Интернет. На каждом из уровней ее актуальность может быть разной, равно как и способы разрешения данной проблемы в каждой конкретной ситуации.

Теоретическая значимость

Теоретическая значимость системной проблемы идентификации пользователей для юриспруденции выражается в том, что она является основанием для уточнения и развития концепции **субъекта правоотношения**.

Классические подходы общей теории права и теоретической части отраслевых юридических наук исходят из неявно выраженной презумпции непосредственного взаимодействия между субъектами. Вместе с тем в сети Интернет часто можно поставить вопрос о том, имеется ли в данном конкретном случае правоотношение в юридическом смысле в принципе, если субъекты правоотношения друг для друга часто являются неопределенными.

Представляется, что этот аспект будет развит в общей теории права и теоретической части отраслевых юридических наук более подробно, по мере осмысления проблем права в цифровую эпоху.

Практическая актуальность

Практическая актуальность системной проблемы идентификации пользователей связана с теоретической значимостью данной проблемы. В юридической практике необходимо либо *убедиться* в том, что правоотношения возникают с определенным субъектом (регулятивные правоотношения), либо *установить* такого субъекта (охранительные правоотношения).

Например, в случае заключения договора с пользователем посредством сети Интернет в рамках какого-либо интернет-сервиса часто возникает необходимость с достаточной степенью достоверности убедиться в том, что договор заключается с определенным лицом. Для этого могут использоваться различные инструменты верификации — подтверждение посредством электронного письма, направленного пользователем на адрес электронной почты, посредством СМС-сообщения, направленного на указанный пользователем телефонный номер и т.п. Строго говоря, степень достоверности верификации каждого из таких способов, как правило, зависит от уже сложившихся юридически-значимых представлений о существующих презумпциях и фикциях, и редко является «абсолютно» (т.е. в том же смысле, как собственноручная подпись на бумажном носителе при предъявлении документа, удостоверяющего личность) достоверной.

Способы верификации пользователей сети Интернет в контексте проблемы их идентификации в значительной степени зависят от уровня развития технологий, и нередко появление новых, более достоверных спосо-

бов «запускает» комплекс других проблем, также требующих разрешения. Так, использование отпечатков пальцев при отдельных устройствах (например, *iPhone*, начиная с модели 5s) развивает проблему идентификации пользователей до проблемы сбора, обработки и защиты биометрических персональных данных.

Современное состояние

В настоящее время проблема идентификации пользователей на уровне законодательного регулирования различных стран мира, в том числе Российской Федерации, получает развитие на уровне как минимум двух комплексов правовых норм — регулирующих электронную подпись и персональные данные.

В данном контексте *электронная подпись* выступает в первую очередь как способ верификации пользователя сети Интернет и позволяет относительно (в зависимости от вида электронной подписи) достоверно его установить. Кроме того, отдельные используемые в электронных подписях технологии часто позволяют подтвердить и то, что в электронный документ не вносились изменения, после того как он был подписан электронной подписью. Последняя из функций собственноручной подписью на бумажном носителе полноценно реализована быть не может, даже при использовании сопутствующих практических действий, таких как, например, прошивка документа — они также полностью не защищены от подделки.

Правовое регулирование *персональных данных* в рамках дискурса интернет-права также следует рассматривать в контексте системной проблемы идентификации пользователей. При этом законодательство о персональных данных подходит к данной проблеме как бы не со стороны субъекта правоотношения в сети Интернет, а со стороны определенного пользователя, который может выступать таким субъектом в сетевом взаимодействии. Ключевая составляющая законодательства о персональных данных для интернет-права — это само определение персональных данных, которое должно содержать научно обоснованные подходы к тому, какой набор данных позволяет идентифицировать субъекта и, соответственно, рассматриваться в качестве персональных.

На уровне саморегулирования в целом разрешение системной проблемы идентификации пользователей также развивается в направлениях совершенствования механизмов и подходов к верификации пользователей с использованием информационных технологий, но такие способы не обязательно в полной мере соотносятся с нормами, регулируемыми электронные подписи и персональные данные.

2.2. Определение юрисдикции

Сущность системной правовой проблемы определения юрисдикции заключается в том, что архитектура сети Интернет предполагает международный характер взаимодействия в глобальной информационно-телекоммуникационной сети, что выражается в трудностях определения применимого права, определения места разрешения спора и иных соответствующих

обстоятельств как при возникновении юридического конфликта в сети Интернет, так и при разрешении вопроса о различных обязанностях субъектов перед регулирующими органами.

Круг практических ситуаций, в которых может проявляться проблема определения юрисдикции, чрезвычайно широк, и это обусловлено несколькими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, значительная часть интернет-сервисов *взаимозависимы*. Интернет-сервис, который представляется нам обособленным и самостоятельным, в действительности может полагаться в своей работе на постоянное функционирование других интернет-сервисов.

Это интересно

Самый базовый уровень, на котором это можно наглядно продемонстрировать, — это интернет-хостинг и адресация. Владельцы сайтов редко обеспечивают хостинг самостоятельно (для этого потребуется обеспечить постоянное функционирование собственного сетевого сервера и своевременно осуществлять его техническую поддержку), чаще всего владельцы сайтов пользуются услугами провайдеров хостинга. Такие провайдеры хостинга могут находиться в другой юрисдикции, что уже свидетельствует о наличии системной правовой проблемы. Адресация (IP-адреса и доменные имена) в принципе обеспечивается на международном уровне.

Во-вторых, в контексте взаимозависимости интернет-сервисов значительную роль играют *экономические факторы*. Предпринимателям редко бывает выгодно сосредоточивать «кластер» основных необходимых для многих владельцев сайтов вспомогательных сервисов в одном государстве. В глобализирующемся обществе идет постоянный поиск более выгодных условий для ведения бизнеса, и по таким причинам системообразующие интернет-сервисы нередко оказываются рассредоточены по различным юрисдикциям.

В-третьих, значительную роль в этом играют и сами информационно-телекоммуникационные *технологии*. Один интернет-сервис может быть технологически (фактически) распределен между различными юрисдикциями, хотя внешне и виртуально (логически) он будет и восприниматься, и функционировать как единый сервис. Характерным примером могут здесь выступить облачные технологии, которые часто предполагают распределенные между различными юрисдикциями вычислительные мощности.

В-четвертых, Интернет обеспечивает исключительную доступность *трансграничного взаимодействия* между самими пользователями определенного интернет-сервиса. Получается, что сам интернет-сервис архитектурно может представлять собой уже распределенную по юрисдикциям систему правовых отношений, но при этом пользователи, взаимодействующие в рамках такого интернет-сервиса, сами по себе могут относиться к другим, дополнительным к «базовой» схеме юрисдикциям.

Наконец, в-пятых, провайдеры различных интернет-сервисов, от хостинг-провайдеров до различных организаторов распространения информации в сети Интернет, могут вносить дополнительные переменные в общее «уравнение юрисдикции», определяя применимое право и место

разрешения споров в пользовательских соглашениях таким образом, что это усложняет и без того непростую ситуацию определения юрисдикции к тем или иным отношениям в сети Интернет.

Таким образом, взаимозависимые интернет-сервисы могут находиться в различных юрисдикциях по экономическим причинам, быть основаны на распределенных информационно-телекоммуникационных технологиях, обеспечивать возможность трансграничного взаимодействия широкого круга пользователей и при этом содержать особые условия относительно юрисдикции на уровне своих пользовательских соглашений и иных документов.

Технологические предпосылки

Системная проблема определения юрисдикции, вектор которой задается, по меньшей мере, пятью описанными выше факторами, может рассматриваться на различных уровнях архитектуры сети Интернет.

На **«физическом» уровне** компьютеры (серверы), выполняющие основные функции в предоставлении того или иного интернет-сервиса или принадлежащие различным пользователям, участвующим во взаимодействии, могут физически находиться в разных юрисдикциях. Как вещи в гражданско-правовом смысле они будут регулироваться нормами, прежде всего, соответствующей системы права, но всегда должен рассматриваться вопрос о том, какое юридическое значение для определения юрисдикции в рамках конкретных отношений может иметь местоположение серверов. Например, в налоговом праве есть концепции, согласно которым по месту нахождения сервера может определяться факт возникновения постоянного представительства для целей налогообложения.

На **уровнях сети, интернет-протокола и передачи данных** имеет значение то, каким образом организована адресация и маршрутизация информации, через какие юрисдикции она проходит при передаче данных, в каких юрисдикциях к ней возможен доступ, и в какой форме. При этом в рамках действующих систем адресации и маршрутизации на данных уровнях проблема юрисдикции всегда существует в неявной форме и может проявляться в зависимости от обстоятельств, поскольку потенциально адресация и маршрутизация могут предполагать направление запроса на один из 13 «корневых серверов» Интернета, администрируемых на момент написания настоящего издания ICANN, в случае если сервера доменных имен локального, регионального или более высоких уровней не будут содержать информацию о соответствии между доменным именем и IP-адресом.

На **уровне приложений и контента** проблема юрисдикции выражается в функциональном и содержательном аспектах информации и (или) интернет-сервисов. Представим, что информация размещена на интернет-сервисе, который (что случается редко) можно более или менее однозначно отнести к одной юрисдикции по совокупности обстоятельств. В то же время данная информация выражена в естественном языке, который не имеет статуса ни государственного, ни сколь-нибудь используемого в рамках данной юрисдикции. Очевидно, что такой сервис следует, скорее, рассматривать как ориентированный на те аудитории, для которых данный язык является основным. И в таком случае будет необходимо определить, какое законо-

дательство, в какой степени и с какими последствиями может применяться к такому интернет-сервису.

В общем, проблема определения юрисдикции по-разному проявляется (и, соответственно, по-разному разрешается) на каждом уровне архитектуры сети Интернет. Значительную роль в разрешении проблемы определения юрисдикции играет субъектный состав конкретного правоотношения и роль таких субъектов в сетевой инфраструктуре. На каждом из уровней актуальность данной проблемы может быть разной, равно как и способы разрешения данной проблемы в каждой конкретной ситуации.

Теоретическая значимость

Теоретическая значимость проблемы определения юрисдикции проявляется в необходимости пересмотра в условиях цифровой эпохи отдельных концепций в рамках общей и отраслевой теории права, а также в развитии различных правовых институтов, существующих в рамках отдельных отраслей права.

Например, с точки зрения общей теории права, проблема определения юрисдикции заставляет по-новому взглянуть на классические обобщения относительно *действия правовых норм в пространстве и по кругу лиц*. На сегодняшний день уже привычно задумываться о возможной экстерриториальности правовых норм применительно к контенту интернет-сайтов, который явно ориентирован на аудиторию, состоящую из населения определенного государства.

Не менее значимы в этом контексте и формирующиеся подходы к концепциям *информационного* и *«виртуального» суверенитета*. В основе таких концепций, развитие которых может в цифровую эпоху в значительной степени обогатить представления о государственном суверенитете, лежит идея, согласно которой в современных условиях государства должны иметь юрисдикцию не только над определенной территорией, но и над определенным информационным пространством. Если раньше термин «информационное пространство» был весьма условным и обозначал, скорее, некую теоретическую конструкцию, то теперь такое пространство обладает признаком постоянства и относительной объективности.

В рамках отраслевой теории системная проблема определения юрисдикции заставляет по-новому взглянуть на различные концепции *места разрешения спора и подсудности*, а также *разрешения споров с участием иностранного элемента*. Применительно к первому случаю можно привести пример, когда сторона в споре может, например, не иметь корпоративного представительства или имущества на территории, но активно вести деятельность через Интернет, ориентированную на данную территорию. Во втором — понятие «иностранного элемента» и так может интерпретироваться расширительно, но теперь такой элемент может быть связан и с особенностями архитектуры интернет-ресурсов стороны спора.

Для гражданского и международного частного права, очевидно, цифровая эпоха предлагает новые направления развития концепций *применимого права*, в котором также должны учитываться особенности правовых отношений, опосредуемых информационно-телекоммуникационными сетями.

В общем и целом системная проблема определения юрисдикции имеет теоретическую значимость для всех вопросов в рамках различных юриди-

ческих дисциплин, которые прямо или косвенно связаны с возможностью применения права одной правовой системы к отношениям, в которых один или более субъектов относятся к другой правовой системе.

Практическая актуальность

Практическая актуальность системной проблемы определения юрисдикции связана с теоретической значимостью данной проблемы. Можно представить как минимум несколько направлений практической деятельности и типичных практических ситуаций, в которых данная проблема требует разрешения:

1) **законотворческая деятельность.** Разработка любого нормативного правового акта в цифровую эпоху требует от законодателя, в идеале, продумать заранее, каким предполагается действие такой правовой нормы в пространстве и по кругу лиц с учетом информационно-телекоммуникационных технологий. Особое значение это имеет для тех нормативных правовых актов, которые имеют в качестве объекта правового регулирования информацию. Иначе возникнут объективные трудности в толковании и применении такого нормативного правового акта в тех случаях, когда будет рассматриваться вопрос о его потенциальном применении к отношениям в сети Интернет с тем или иным иностранным элементом;

2) **договорная работа.** Как писал Л. Фуллер, договор можно рассматривать как «маленькую конституцию», которая определяет основы отношений между сторонами, так же, как и обычные конституции определяют основы отношений внутри государства. На уровне договорной работы следует учитывать особенности определения юрисдикции. Как правило, в договоре эти вопросы разрешить проще, учитывая возможность сторон в международном частном праве, выбрать и применимое право, и способ и место разрешения спора. Однако всегда следует учитывать последствия такого выбора, особенно в отношении информационных аспектов взаимодействия;

3) **разрешение споров.** Проблема определения юрисдикции может проявиться в контексте разрешения споров в самых разных вариантах. Например, в случае оговорки о применимом праве, если спор вытекает из договора, могут возникнуть объективные трудности в определении такого применимого права, когда ситуация в значительной степени осложнена распределенным характером того или иного интернет-сервиса. В таких ситуациях сторонам спора приходится прилагать серьезные усилия для разработки правовых позиций, в центре которых находится проблематика определения юрисдикции в сети Интернет;

4) **правоприменительная деятельность.** Проблема определения юрисдикции имеет серьезное значение не только при разрешении споров между сторонами, как описано выше, но и при разрешении вопросов о юридической ответственности за совершение правонарушений. Основная проблема при этом возникает в случае определения места совершения того или иного правонарушения и возможности привлечь к юридической ответственности то или иное лицо, действовавшее посредством сети Интернет и являющееся гражданином одного государства (и действовавшее с территории этого государства) по законодательству другого государства.

Разрешение проблемы определения юрисдикции во многом при этом определяется именно правовой аргументацией и в меньшей степени зави-

сит от уровня развития технологии, хотя сама проблематика в значительной степени определяется как технологическими, так и организационными аспектами сети Интернет.

Современное состояние

На сегодняшний день можно констатировать отсутствие системных и общепринятых подходов к разрешению проблемы определения юрисдикции как на уровне законодательства, так и на уровне саморегулирования. Подходы различаются от государства к государству, а внутри одной правовой системы они различаются и в зависимости от отрасли права.

Тем не менее можно выделить основную тенденцию, которая намечается в различных правовых системах и в различных отраслях права, свойственных таким правовым системам. Данная тенденция заключается в развитии концепций юрисдикции в сети Интернет в русле *теста «минимума контактов»*, в рамках которого для применения права какого-либо государства к определенным отношениям в сети Интернет требуется доказать, что деятельность соответствующего субъекта такого правоотношения была направлена на территорию определенного государства. Данный принцип впервые был сформулирован судами США при разрешении проблем конкуренции юрисдикций различных штатов, а впоследствии он был экстраполирован и на ситуации, где конкуренция юрисдикции была уже не между различными штатами, а США и другими государствами. В различных вариантах данный подход впоследствии стал как минимум обсуждаться и в других правовых системах, хотя это далеко не всегда было прямым заимствованием из американского права. Такие подходы не только обсуждаются, но и частично реализованы (например, для случаев защиты прав потребителей) сейчас и в Российской Федерации.

Помимо этого, в контексте саморегулирования сети Интернет не стоит полностью списывать со счетов и концепции *Интернета как самостоятельной юрисдикции*, которые изначально предлагались «романтиками» той эпохи, когда Интернет представлял собой, скорее, артефакт технологической субкультуры, а не общераспространенное средство (и пространство) взаимодействия, а сейчас поддерживаются сообществами криптоанархистов. Не исключено, что такой подход когда-либо будет воспринят и на международном уровне.

Кроме того, следует отметить, что среди юристов IT/IP-сферы нередко можно услышать и разговоры о возможности создания международного(-ых) органа(-ов) альтернативного разрешения споров, связанных с сетью Интернет, в некотором смысле — по аналогии одновременно с международным коммерческим арбитражем и с процедурами разрешения споров о доменных именах *UDRP*. Такая идея представляется весьма перспективной.

2.3. Ответственность информационных посредников

Сущность правовой проблемы ответственности информационных посредников заключается в том, что существование и функционирование сети Интернет невозможно без субъектов, которые его обеспечивают.

Такие субъекты поддерживают как само существование сети в том виде, как она нам известна, а также обеспечивают возможность самых разных форм обмена информацией. Информационные посредники при этом обладают особыми техническими возможностями по оперативному контролю за информацией, которая распространяется с их помощью.

Хотя проблема информационных посредников исторически может считаться третьей системной и общей проблемой, которая в полной мере раскрылась уже, скорее, на этапе Web 2.0 в ходе развития платформ для распространения пользовательского контента, это была одна из первых проблем, которые в принципе получили существенное развитие на уровне судебной практики и законодательного регулирования. Причина этого заключается в том, что информационные посредники обладают особым объемом технических функций, которые оказываются необходимыми при защите как публичных, так и частных интересов в сети Интернет.

Публичные интересы, которые могут преследоваться в сети Интернет, как правило, принимают формы противодействия различной информации, которая может нарушать основы правопорядка и нравственности или просто отдельные законодательные требования. Характерные примеры незаконного использования сети Интернет, содержащие посягательство на публичный интерес, — это распространение детской порнографии, публичные призывы к осуществлению противозаконной деятельности, разжигание национальной, религиозной и иной ненависти и т.п. Но такая информация передается в Интернете в рамках определенной инфраструктуры, функционирование которой обеспечивается, как правило, частными организациями — информационными посредниками. Соответственно, в публичных интересах ограничение их деятельности. При этом, с одной стороны, привлечение информационных посредников к ответственности просто за обеспечение возможности пользователей передавать информацию как таковую было бы несправедливым. С другой стороны, в связи с системной проблемой идентификации пользователей, именно информационные посредники, от которых в полной мере зависит сама техническая возможность пользователей общаться между собой, располагают необходимыми техническими средствами по контролю за распространением информации.

Частные интересы, которые могут преследоваться в сети Интернет и при этом находятся в особенной зависимости от информационных посредников, как исторически сложилось, связаны преимущественно с защитой авторских прав. Информационные посредники на всех этапах развития Интернета представляли собой тех субъектов, которые предоставляют техническую инфраструктуру для распространения информации. Если такая информация представляет собой произведение в смысле авторского права, именно информационный посредник, как и в случае с информацией, ограниченной к распространению и представляющей собой предмет публичного интереса, обладает технической возможностью пресекать противоправное поведение. И точно так же было бы несправедливо привлекать к ответственности за нарушение интеллектуальных прав информационного посредника, который сам не участвовал в противоправной

деятельности как таковой, а просто поддерживал функционирование платформы, на которой мог формироваться пользовательский контент с нарушением интеллектуальных прав третьих лиц.

Отдельную категорию частных интересов, которые также значимы в данном контексте, составляют интересы отдельных граждан, связанные с их личными неимущественными правами (право на честь, достоинство, изображение и т.д.).

Вместе с тем далеко не всегда указанные аспекты были и остаются очевидными как органам власти, так и правообладателям. Истории развития юридической практики в связи с отношениями в сети Интернет известно немало примеров, когда правообладатели предъявляли требования не к индивидуальным пользователям, а к информационным посредникам, исходя из того, что последние являются именно правонарушителями, а не просто лицами, обеспечивающими определенные технические возможности.

Технологические предпосылки

Различные виды информационных посредников и особенности их функционирования в контексте системной проблемы их ответственности дифференцируются по уровням сетевой архитектуры.

В наиболее общем виде их деятельность по уровням может быть представлена следующим образом.

На **«физическом» уровне и уровне сети** информационные посредники обеспечивают функционирование электросвязи, которая в принципе позволяет обмениваться электронными сообщениями. Основной вид информационных посредников на данном уровне — это *операторы связи*. Статистически, операторы связи в наименьшей степени имеют организационные возможности предварительного контроля контента, хотя могут осуществлять его блокировку. Порядок и объем такой блокировки определяется их техническими возможностями. Например, в Российской Федерации конкретный способ блокировки сайта оператором связи нормативно не определяется, и те операторы, которые не имеют иных технических возможностей, вынуждены соблюдать данное требование закона и уполномоченных органов посредством своего рода крайней меры — блокировки по IP-адресу.

На **уровне интернет-протокола и передачи данных** информационные посредники не только обеспечивают функционирование определенных сетей связи (где примером могут послужить те же операторы связи), но и обеспечивают функционирование, собственно, интернет-инфраструктуры. Наиболее распространенный пример информационных посредников на данном уровне — это *провайдеры хостинга*. Провайдеры хостинга, как правило, обеспечивают и вычислительные мощности с возможностью бесперебойного доступа к ним из сети Интернет для интернет-сайтов, и участвуют в организации адресации и маршрутизации к таким интернет-сайтам.

Это интересно

Основную составляющую деятельности провайдеров хостинга можно представить, с некоторой долей условности, довольно просто: сайт, грубо говоря, представляет собой определенный набор файлов, а провайдер хостинга представляет для такого

набора файлов дисковое пространство в виде директории (папки), где данные файлы администратор сайта сохраняет, причем таким образом, чтобы другие пользователи через браузеры могли соединяться с данным информационным ресурсом так, чтобы отображался функционирующий интернет-сайт. Как и в случаях с другими информационными посредниками, данные фактические условия определяют возможные пределы правового воздействия.

На **уровне приложений и контента** информационные посредники уже в большей степени сосредоточены на обеспечении самых различных форм и способов производства, обработки, передачи и распространения *пользовательского контента*. Наиболее близкий общий термин, существующий сейчас для данной категории информационных посредников в сети Интернет на уровне информационного законодательства РФ, — «организатор распространения информации в сети Интернет». Характерный пример информационных посредников такого рода — социальные сети, платформы для блогеров и различные иные коммуникационные интернет-сервисы.

Проблемы правовой оценки деятельности почти каждой категории информационных посредников уже нашли свое выражение в судебной практике различных правовых систем.

Теоретическая значимость

Теоретическая значимость системной проблемы ответственности информационных посредников выражается в основной дилемме, с которой сталкиваются либо правоприменительные органы государств, либо лица, предъявляющие требования к информационным посредникам. Она заключается в том, что информационный посредник, с одной стороны, не может нести полную ответственность за всю информацию, оборот которой он обеспечивает, а с другой — именно информационный посредник не только как бы локализован и централизован в системе отношений, но и имеет уникальные технические возможности по пресечению правонарушений.

С точки зрения общей теории права проблема ответственности информационных посредников, прежде всего, представляет собой новое направление развития дискурса *юридической ответственности* как таковой и ее оснований. Научно обоснованное разрешение вопроса о том, при каких условиях информационный посредник может именно нести юридическую ответственность, а не иметь обязанность по пресечению правонарушения, представляет собой серьезный вопрос для функционирования права в цифровую эпоху в целом, поскольку последняя невозможна без информационных посредников.

Кроме того, фактическое и юридическое возложение государством обязанностей на информационного посредника по пресечению правонарушений (например, в Российской Федерации Роскомнадзор обращает требование о блокировке «запрещенной информации» к информационному посреднику — хостинг-провайдеру, а не владельцу сайта, возлагая на хостинг-провайдера обязанность по взаимодействию с владельцем сайта) в некоторых аспектах может развить концепции *делегирования государственных функций частным организациям*.

Для гражданского права деятельности информационных посредников вновь поднимает вопросы о *гражданско-правовой ответственности*, и в частности, о пределах и условиях гражданско-правовой ответственности предпринимателей. На сегодняшний день во многих юрисдикциях для информационных посредников определены особые условия, при которых они могут нести гражданско-правовую ответственность.

Практическая актуальность

Практическая актуальность системной правовой проблемы информационных посредников связана с теоретической значимостью данной проблемы и выражается главным образом в двух аспектах.

Во-первых, практически во всех спорах, связанных с определением степени ответственности информационных посредников, возникают вопросы о том, *при каких конкретно условиях* информационный посредник может быть освобожден от ответственности. Общие положения законодательства (знал или должен был знать о правонарушении, допущенном пользователем, своевременно принял необходимые и достаточные меры для пресечения данных правонарушений и т.п.) постоянно подвергаются проверке практикой и подчас требуют нетривиальных аналитических усилий для правильного толкования.

Во-вторых, продолжаются практические дискуссии и судебные споры относительно того, возможно ли на информационного посредника возложить ту или иную обязанность, связанную с *недопущением аналогичных нарушений в будущем*. Например, правообладатель может предъявить требование не только о пресечении правонарушения (удалении «пиратского» контента), но и о возложении на информационного посредника исключить техническую возможность по загрузке такого неправомерного контента в будущем. Конкретное содержание данной обязанности вызывает серьезные дискуссии еще и в силу того, что это, по сути, может означать и переложение обязанностей правообладателя (который, подобно собственнику вещи, проявляющему разумную заботу о такой вещи, должен, по аналогии, заботиться о своих интеллектуальных правах) на информационного посредника.

На уровне саморегулирования информационные посредники осуществляют, как правило, довольно активную деятельность по предупреждению правонарушений, допускаемых отдельными пользователями, что выражается как в развитии технологических средств контроля за контентом, так и в развитии юридических подходов и процедур, реализуемых в отношениях с пользователями на уровне пользовательских соглашений.

Современное состояние

На текущем этапе регулирование ответственности информационных посредников, несмотря на наличие довольно глубоких спорных вопросов, относится к числу наиболее урегулированных сегментов интернет-права.

Основной подход, который сейчас можно считать, скорее, общераспространенным среди тех правовых систем, для которых информационно-телекоммуникационные технологии наиболее актуальны, заключается в следующем. Информационный посредник может нести ответственность

за информацию, размещенную на его платформе, в целом только в случае, если:

1) он сам являлся инициатором направления электронного сообщения и определял его адресата;

2) если он определял содержание электронного сообщения или изменял содержание электронного сообщения другого пользователя (кроме сугубо технических изменений, происходящих в процессе передачи);

3) если он знал или должен был знать о неправомерном характере спорной информации.

Конкретный набор и содержание данных условий могут варьироваться в зависимости от вида информационного посредника и архитектурного уровня сети Интернет, на котором он действует.

В то же время законодательство и практика в области ответственности информационных посредников развиваются динамично, и это в значительной степени определяется развитием интернет-технологий. По мере технологического развития мы можем ожидать новых поворотов законодательства и практики, связанных с данной системной проблемой регулирования отношений в сети Интернет.

2.4. Пиринговые технологии

Пиринговые технологии не используются на сегодняшний день повсеместно, и потому правовые проблемы, связанные с ними, не носят общего характера. Сущность системной правовой проблемы пиринговых технологий заключается в том, что они принципиально изменяют правовую оценку субъектного состава интернет-отношений способом, совместимость которого с классическими подходами в рамках общей теории права и всех отраслевых теоретических подходов вызывает серьезные сомнения.

Пиринговые технологии начинают использоваться в сети Интернет все чаще и чаще, а наиболее известные продукты на их основе — это торренты и криптовалюты. **Торренты** предоставляют пользователям возможность распространять информацию (прежде всего, объекты авторского права внутри своей сети). **Криптовалюты**, организованные по принципу отсутствия одного определенного эмитента (в них, в определенном смысле, эмитентом является каждый, кто участвует в процессе генерирования новых единиц криптовалюты), также основаны на механизмах распределенных сетей, в которых каждый из «узлов» является равнозначным.

Из всех системных проблем пиринговые технологии представляют собой наибольший интерес с точки зрения юриспруденции, но при этом их проблематика разработана в наименьшей степени.

Технологические предпосылки

Технологические предпосылки и, одновременно, суть юридической проблематики пиринговых технологий могут быть раскрыты на примере «атомарного» правоотношения в «обычном» случае и в случае с взаимодействием пользователей на основе использования пиринговых технологий.

«Обычное» и «атомарное» правоотношение в любой отрасли права может быть уподоблено одностороннему договору (не односторонней сделке, а именно договору) — договору, в котором одна сторона имеет только право требования, а другая сторона — только обязанность. Эта конструкция «атомарного» правоотношения органично применяется во многих случаях взаимодействия между пользователями, между пользователями и информационными посредниками и т.п., но «дает сбой» при использовании пиринговых технологий. Дело в том, что в обычной ситуации техническое выражение правоотношения в Интернете — это отношение между «клиентом» (тот, кто пользуется сервисом) и «сервером» (тот, кто сервис предоставляет). Пиринговые сети также именуется одноранговыми, откуда и происходит общее название — «peer-to-peer», т.е. [сеть] между участниками одного уровня. В такой сети каждый одновременно является и «клиентом», и «сервером», и это очевидным образом влияет на характер правоотношений.

Если представить себе такой вариант использования пиринговых технологий, который будет требовать какой-либо формы государственного контроля или надзора (например, лицензирования, как в случае с использованием валюты), то получается, что соответствующую лицензию должен иметь не какой-либо один сервис-провайдер, а буквально *каждый участник* пиринговой сети. Ни законодательство, ни практика на это сейчас не рассчитаны, поэтому правовые проблемы пиринговых технологий либо игнорируются, либо устраняются путем прямого или косвенного запрета пиринговых технологий, либо разрешаются посредством введения различных юридических фикций. Примеры последнего довольно редки.

Теоретическая значимость

Теоретическая значимость пиринговых технологий безусловна и основана на технологических особенностях. Пиринговые технологии предполагают принципиально новый способ взаимодействия, в том числе правового, который стал возможен по мере развития информационно-телекоммуникационных технологий.

Каждый из участников пиринговой сети, оперирующий «узлом» (полноценным клиентом того или иного пирингового сервиса) является активным участником правоотношения, которое возникает со всеми остальными такими участниками пиринговой сети, также играющими активную роль.

Представляется, что пиринговые сети в случае дальнейшего развития и достижения нового уровня социально-экономической значимости приведут к развитию как общетеоретической, так и отраслевых *концепций правоотношения и концепций правового регулирования* в целом.

Практическая актуальность

Практическая актуальность пиринговых технологий раскрывается на уже упомянутых примерах торрентов и криптовалют.

В случае с *торрентами* правоохранительные органы различных стран мира уже столкнулись с необходимостью правовой квалификации распространения «пиратского» контента в пиринговых сетях. Здесь возникает как минимум две проблемы. Во-первых, как уже обсуждалось, проблема субъектного состава. Если каждый из пользователей сети не только загружает контент, но и «раздает» его всем остальным пользователям сети, получа-

ется, что нарушителем является каждый. При этом авторское право, как правило, не предусматривает возможности нарушить права правообладателя «на 5% совершенной загрузки» — достаточно передать часть информации, позволяющую установить, что это определенный объект авторского права, чтобы нарушить его в соответствующих случаях. Во-вторых, соответственно, это проблема определения размера ущерба, нанесенного правообладателю. Представляется, что в рамках действующей правовой парадигмы данные проблемы не могут найти адекватного решения.

В случае с **криптовалютами** ситуация аналогичная, но дело осложняется тем, что, во-первых, правовая природа криптовалют сама по себе остается неопределенным вопросом. Они лишены отдельных признаков обычных валют, выполняя при этом те же функции. Механизм образования стоимости криптовалют имел первоначально другую природу (первоначально стоимость *Bitcoin* определялась соответственно объему расходов на электроэнергию, затраченную при «майнинге»). Во-вторых, криптовалюты как валюты, исходя из положений действующего права различных правовых систем, нуждаются в государственном регулировании, но на кого в рамках одноранговой сети должно быть обращено такое регулирование? В-третьих, какова природа правоотношений между «эмитентами» и «пользователями» криптовалюты в рамках пиринговой сети, и можно ли говорить о таких правоотношениях в принципе?

Современное состояние Современное состояние пиринговых технологий с точки зрения их правового регулирования имеет двойственный характер.

С одной стороны, пиринговые технологии в целом подвергаются ограничительному регулированию со стороны государственных органов различной степени интенсивности.

Это интересно

В своем пресс-релизе «Об использовании при совершении сделок “виртуальных валют”, в частности, Биткойн», Центральный банк РФ 27 января 2014 г. соотнес данную криптовалюту с понятием денежного суррогата, указав, что согласно ст. 27 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» выпуск на территории РФ денежных суррогатов запрещается. Более того, Банк России предупредил, что «предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену “виртуальных валют” на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹. Вместе с тем это письмо не является нормативным правовым актом, а прямого запрета на использование криптовалют в Российской Федерации на дату написания настоящего текста (14 января 2016 г.) не предусмотрено.

С другой стороны, в рамках пиринговых технологий (в большей степени на рынке криптовалют) активно развивается саморегулирование, однако

¹ Информация «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» // Центральный банк Российской Федерации (Банк России). Пресс-служба. URL: http://www.cbr.ru/press/PR.aspx?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 14.01.2016).

специфика такого саморегулирования заключается в том, что оно развивается независимо от государственного и не всегда может быть полностью признано с точки зрения государственно-организованного права, оставаясь в «серой» или в «теневой» зоне экономики.

Тем не менее весьма вероятно, что дальнейшее развитие пиринговых технологий постепенно приведет к изменению соответствующих фундаментальных правовых концепций, в результате чего изменится их правовая оценка. Нельзя исключить, что пиринговые технологии по мере своего развития будут использоваться и в государственном управлении.

2.5. Гипертекст

В общем смысле социально-гуманитарных наук Интернет представляет собой гипертекст в наиболее общем смысле слова, поскольку гипертекст может быть определен как совокупность информационных единиц, связанных между собой взаимными ссылками. Вместе с тем юридическое значение гипертекст имеет не в каждом случае, а только в тех, где информация, к которой ведет та или иная ссылка, сама по себе имеет юридическое значение (например, как «информация, запрещенная к распространению в Российской Федерации»).

Это интересно

Сам термин «гипертекст» был введен Т. Нельсоном, американским социологом, философом и ученым в области информационных технологий. Футурологический контекст, в котором был создан данный термин, предполагал гипотетическое информационное пространство, в котором любая загруженная информация хранилась без удаления и могла быть доступна в любое время из любого места по ссылке. Это произошло в 1965 г., задолго до того, как Интернет приобрел современные очертания¹.

Сущность проблемы гипертекста как системной правовой проблемы сети Интернет заключается, во-первых, в неопределенном правовом режиме гиперссылок (например, можно ли считать гиперссылку распространением информации), во-вторых, в неопределенном правовом статусе лица, размещающего гиперссылку (является ли такое лицо информационным посредником), а, в-третьих, в правовых последствиях и объеме ответственности за размещение гиперссылки (должно ли такое лицо нести ответственность в том же объеме, как и автор или первоначальный распространитель спорного контента).

Технологические предпосылки

Одна из основных ценностей Интернета как глобальной информационно-телекоммуникационной сети заключается в том, что информационные единицы в Интернете как информационном пространстве не разрознены (как, например, могут быть разрознены книги в обычном «реальном» книжном магазине), а преимущественно взаимосвязаны.

¹ См.: Nelson T. Discovers Hypertext // Internet. World Wide Web. History. URL: http://www.livinginternet.com/w/wi_nelson.htm (дата обращения: 14.01.2016).

Интернет позволяет искать информацию, в том числе благодаря услугам информационных посредников особого рода — поисковых систем. Информация в Интернете индексируется поисковыми системами, каждый доступный информационный ресурс имеет свой определенный адрес, по которому возможна навигация к нему, и пользователи на сегодняшний день могут как искать такие ссылки и впоследствии систематизировать их, используя семантические алгоритмы поисковых систем, так и создавать и размещать такие ссылки, обеспечивая возможность других пользователей получить доступ к данной информации. Гиперссылки в сносках настоящего учебника — наглядный тому пример (и уже совершенно привычный).

Соответственно, при прочих равных условиях, любой пользователь может создать и (или) разместить гиперссылку на любую информационную единицу, размещенную в сети Интернет, и тем самым обеспечить возможность других пользователей оперативно и без излишних затрат получить доступ к такой информационной единице.

Теоретическая значимость

Теоретическая значимость проблемы гипертекста, помимо общего и фундаментального значения для социально-гуманитарного дискурса в целом (обратим внимание, что концепция гипертекста может быть увязана в целом с развитием языкового и коммуникативного направления в философии и социологии), имеет как минимум два аспекта для юридических наук.

Первый из этих аспектов заключается в правовом понятии *информации* как таковом. Развитие правового дискурса гипертекста (в конкретном фокусе гиперссылок) возможно в направлении, в рамках которого будет определено соотношение самой гиперссылки и информации, к которой данная гиперссылка ведет. В частности, можно ли считать две данных информационных единицы одной информационной единицей, или их природа является, скорее, аналогичной природе ссылки в литературе.

Второй аспект, как следует из общей характеристики проблемы гипертекста, заключается в разрешении проблемы о том, *как следует квалифицировать действия лица, размещающего гиперссылку*. Представим себе, что пользователь размещает гиперссылку на очевидно экстремистский контент. В такой ситуации можно сказать, что это ничем не отличается от ситуации, когда тот же ученый, анализирующий проблемы экстремизма, делает сноску в научной работе. Но ссылка такого рода позволяет получить доступ к материалу в другом контексте и с другой скоростью и степенью доступности.

Практическая актуальность

Практическая актуальность проблемы гиперссылок обусловлена факторами, определяющими ее теоретическую значимость. Как минимум следующие аспекты гиперссылок уже становились предметом рассмотрения в юридической практике в России и (или) за рубежом.

Во-первых, ***гиперссылки в контексте авторского права***. Представим себе ситуацию, когда пользователь размещает гиперссылку на неправомерно размещенный в сети Интернет экземпляр произведения. Составляет ли такая гиперссылка нарушение авторских прав (распространение

произведения) или это «нейтральная» информация о том, где размещена «пиратская» копия?

Во-вторых, **гиперссылки в контексте «запрещенной информации»**. Для особой остроты, представим себе ситуацию, где гиперссылка, которая ведет к информации, содержащей призывы к насильственному свержению конституционного строя, размещена в сообщении микроблога, в котором больше ничего нет. Здесь практика развивается, скорее, в том ключе, что такая гиперссылка также будет рассматриваться как соответствующая информация.

В-третьих, более системный вопрос **регулирования деятельности поисковых систем**. Во многих странах мира уже есть юридическая практика и (или) отдельные законодательные акты, которые регулируют деятельность отдельных аспектов поисковых систем, и этот вопрос также стоит на повестке дня в контексте системной правовой проблемы гипертекста.

В перспективе следует ожидать более интенсивного развития данных правовых аспектов, связанных с гипертекстом, на уровне законодательства, а на данный момент они активно развиваются в судебной и административной практике, и также на уровне саморегулирования.

Современное состояние

Современное состояние системной правовой проблемы гипертекста может быть охарактеризовано двумя основными векторами направленности законодательного регулирования и юридической практики:

1) **правовая оценка действий пользователей, размещающих гиперссылки**. Данный аспект связан с той или иной формой правонарушений в контексте интернет-права, идет ли речь о нарушении авторских прав в Интернете или о нарушении ограничений, связанных с распространением информации. В целом гиперссылки рассматриваются как информация, в отношении которой возможны меры пресечения по тем же основаниям, что и для той информации, к которой они ведут. Практика оценки действий самих пользователей различается. Общая тенденция заключается в том, что в случае с публичным интересом (например, запрет на распространение экстремистской информации) действия пользователей, распространяющих ссылки, оцениваются в целом так же, как и действия пользователя, создавшего исходную информацию, а в случае с частным интересом (например, нарушение авторских прав) такое происходит значительно реже;

Это интересно

«Кросс-постинг» сообщений в социальных сетях имеет другую форму, чем гиперссылки как таковые, но в целом — это также одно из проявлений гипертекста. В случае с «кросс-постингом» сомнения в том, что такая деятельность может быть расценена именно как распространение информации, у правоприменительных органов, как правило, отсутствуют, и такая позиция имеет под собой юридические основания, поскольку сообщение копируется полностью, хотя тот пользователь, который его копирует, и не является создателем данного сообщения.

2) **правовое регулирование поисковых систем**. Поисковые системы исторически относятся к числу первых субъектов, играющих системообра-

зующую роль в инфраструктуре современного Интернета, и могут также рассматриваться как выполняющие исторически первые функции информационных посредников на архитектурном уровне контента. Поисковые системы аккумулируют гигантский и хорошо структурированный объем гиперссылок, и благодаря им практически всегда можно найти любую информацию. Тот факт, что поисковые системы могут использоваться для поиска любой, в том числе ограниченной к распространению по тем или иным причинам информации, и заставляет государства сейчас пересматривать свою политику в отношении поисковых систем.

Это интересно

Характерным примером здесь может послужить так называемое «право на забвение», которое сейчас интерпретируется как право гражданина требовать удаления информации именно из поисковой системы в определенных случаях (например, если такая информация является порочащей). Впервые «право на забвение» («*right to be forgotten*») было провозглашено в решении Суда ЕС (*Court of Justice of the European Union*) по делу *Google Spain SL и Google Inc. против Испанского агентства защиты данных и гражданина Испании Марио Костехи Гонсалеса*¹. В Российской Федерации Федеральным законом от 13.07.2015 № 264-ФЗ в Закон об информации введена ст. 10.3 «Обязанности оператора поисковой системы», которая также включает аналог «права на забвение».

2.6. Автоматизированные действия

Проблема автоматизированных действий как таковая не относится исторически непосредственно к информационно-телекоммуникационным технологиям, и даже к компьютерным технологиям в целом. Можно сказать, что она появилась тогда, когда был изобретен первый механизм, который мог выполнять определенные действия будучи настроенным человеком, но без его участия. Вместе с тем автоматизированные действия, осуществляемые посредством компьютерных устройств, значительно усложнились, что позволило им получить распространение в самых разных областях деятельности. А автоматизированные действия с помощью компьютерных устройств в информационно-телекоммуникационных технологиях получили полноценное коммуникативное измерение.

Сущность проблемы автоматизированных действий как системной правовой проблемы сети Интернет заключается в том, что действующая правовая парадигма не позволяет полноценно описать различные ситуации, при которых пользователь взаимодействует с автоматизированными информационными системами достаточной сложности, при условии, что такое взаимодействие может иметь юридическое значение как минимум для пользователя. Простейшая бытовая ситуация: пользователь социальной сети, использующий свою учетную запись для осуществления пред-

¹ См.: Judgment in Case C-131/12, *Google Spain SL, Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos, Mario Coteja González*. URL: http://curia.europa.eu/juris/document/document_print.jsf?doclang=EN&text&pageIndex=0&part=1&mode=DOC&docid=152065&occ=first&dir&cid=437838.

принимательской деятельности, запускает автоматизированную программу (чат-бота), которая имитирует общение от лица этого пользователя и согласует условия договора. В программе происходит сбой, и собеседник пользователя исходит из впечатления (при этом он не знал и не должен был знать, что общается с программой), что должен уплатить за товар сумму в 10 раз меньше предполагавшейся.

В данном примере суть проблемы автоматизированных действий в юридическом контексте сводится к вопросам о том, можно ли считать заключенным договор купли-продажи между пользователями (при этом допустим, что ни один из них не является предпринимателем), по какой причине мы можем считать такой договор заключенным, а если нами дается другой ответ — по какой причине мы можем считать его незаключенным. Возможны и другие нюансы гражданско-правовой квалификации данной совокупности фактов. Этот пример может быть с некоторыми изменениями экстраполирован и в другие отрасли права. Классический пример проявления системной правовой проблемы ответственности за автоматизированные действия — причинение ущерба «вышедшим из-под контроля» разработчиков компьютерным вирусом, что уже очень давно не является научно-фантастическим сюжетом.

Технологические предпосылки

Технологические предпосылки системной правовой проблемы ответственности за автоматизированные действия очевидны — это возможность и во многих случаях целесообразность программирования электронно-вычислительных машин на имитацию взаимодействия с живым разумным существом.

С точки зрения технологии автоматизированные действия в данном случае обусловлены программным алгоритмом, который «обучен» сообщать собеседнику определенную информацию в ответ на определенную информацию. Для выбора и (или) создания ответа могут использоваться различные аналитические инструменты, от простого анализа ключевых слов, которые выступают в качестве «триггера» определенного ответа, до сложного семантического анализа и имитации осмысленного ответа в определенном ключе.

В футурологическом аспекте системная правовая проблема ответственности за автоматизированные действия, по мере развития науки и технологии скорее всего трансформируется в системную правовую проблему юридической оценки действий, совершенных под контролем искусственного интеллекта.

Теоретическая значимость

Теоретическая значимость системной правовой проблемы ответственности за автоматизированные действия также очевидна. В первую очередь, она сводится к правовой оценке *объективной стороны* как *правомерных*¹, так и *неправомерных* действий.

¹ Автор придерживается теоретико-правовой концепции, согласно которой к правомерным действиям может применяться такая же структура, как и к неправомерным действиям, включающая в себя субъект, субъективную сторону, объект и объективную сторону, а также составные части каждого из элементов состава.

И в том и в другом случае возникает проблема уже «двойного опосредованного взаимодействия»: субъект находится в состоянии правовой коммуникации, которая опосредуется всеми архитектурными уровнями сети Интернет, но при этом такое взаимодействие опосредовано и по своей сути «барьером» из компьютерной программы, которая как бы «действует от имени и по поручению» определенного пользователя (хотя, разумеется, к текущим программам такого рода, не рассматриваемым в качестве искусственного интеллекта, эта характеристика в серьезном смысле неприменима). Возникает проблема определения того, *насколько опосредованным может быть такое действие, чтобы оно считалось действием субъекта.*

И небольшой прогноз, который будет рассмотрен скептически-настроенными читателями, скорее, как научно-фантастический сюжет: по мере развития полноценного искусственного интеллекта общая теория права обогатится понятием, аналогичным «квази-субъекту права» применительно к относительно самостоятельным единицам искусственного интеллекта, и будет развиваться далее по мере развития науки и технологии.

Практическая актуальность

Как и в других случаях, практическая актуальность данной системной правовой проблемы связана с ее теоретической значимостью. При этом основной проблемный вопрос, который находит

[пока] ограниченное развитие в правовой и судебной практике, — это вопрос о *правовой оценке действий*, совершенных при помощи запрограммированных устройств и (или) информационных систем.

Соответственно, вывод о такой правовой оценке в каждом конкретном случае требует изучения того, насколько активным и непосредственным было человеческое участие в определении «деятельности» компьютерной программы, и какие внешние факторы дополнительно обуславливали такое поведение.

Современное состояние

В контексте оценки современного состояния разрешения системной правовой проблемы за автоматизированные действия можно выделить как минимум две группы случаев, которые уже получили определенную оценку в законодательстве и юридической практике:

1) **компьютерные вирусы** (и иное вредоносное программное обеспечение). Компьютерные вирусы, как и иное вредоносное программное обеспечение, если оно еще к тому же обладает определенной долей «самостоятельности», т.е. может себя воспроизводить, можно условно назвать «простейшей формой жизни». Существующие подходы к правовой оценке компьютерных вирусов преимущественно сводятся к формальным составам, предусмотренным уголовным законодательством. Так, например, ст. 273 УК РФ предусматривает ответственность за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ. При этом один из квалифицированных составов предполагает причинение крупного ущерба. Как мы видим, само по себе создание, использование и распространение компьютерного вируса уже достаточно для уголовной ответственности. Определение ущерба при этом является очевидной проблемой, особенно если вирус распространился широко, тем более — в нескольких юрисдикциях;

2) **продажа товаров с использованием автоматов** (вендинг). Классический случай использования механизма в правовой коммуникации, который является «реальной» аналогией простых виртуальных спам-ботов. Продажа товаров с использованием автоматов уже давно получила полноценные правовые оценки в различных правовых системах. В Российской Федерации есть отдельная ст. 498 ГК РФ «Продажа товаров с использованием автоматов». Считается, что договор розничной-купли продажи заключается между покупателем и продавцом, использующим для продажи автомат. Договор считается заключенным с момента совершения покупателем действий, необходимых для получения товара. К иным автоматам (платежным и т.п.) применяются аналогичные правила. Однако вопрос об использовании ботов, отличающихся сложной и разветвленной логической структурой в информационно-телекоммуникационных сетях все же остается открытым, особенно в случаях, аналогичных примеру, приведенному в п. 1.

В целом можно ожидать, что по мере усложнения коммерчески используемых автоматизированных программ соответственно будет изменяться и уточняться регулирование действий, совершаемых автоматически.

В заключение параграфа имеет смысл также отметить еще два потенциально приоритетных направления развития права в данном контексте:

1) сейчас получают широкое распространение **автоматизированные военные устройства**. Вопрос о субъекте ответственности за правонарушение, совершенное посредством таких устройств, остается в целом открытым вопросом для современного права;

2) современное развитие медицины и наук о жизни подсказывает, что в скором будущем может стать обыденным **вживление компьютерных устройств в человеческий организм**. Праву, вероятно, предстоит столкнуться с необходимостью оценки действий вредоносного программного обеспечения (впрочем, не только вредоносного) в такой среде.

2.7. Игровое пространство

С точки зрения нидерландского ученого и мыслителя Й. Хейзинги, автора известной работы «*Homo Ludens*» («Человек играющий»), игры сопровождали человечество на протяжении всей истории. Однако справедливым будет отметить и то, что настоящая «игровая революция» происходит только во второй половине XX в. — первоначально, в связи с развитием компьютерных, а затем — в связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий.

Информационно-телекоммуникационные технологии, во-первых, сделали игры значительно доступнее (при этом с развитием мобильных технологий аудитория любителей компьютерных игр расширилась многократно, в том числе за счет тех, кто ранее играть не планировал). Во-вторых, хотя исторически это случилось до массового распространения игр через Интернет, возникла совершенно новая игровая форма в виде многопользовательских онлайн-игр с постоянной (*persistent*) игровой средой. Хорошо извест-

ные сегодня многопользовательские ролевые онлайн-игры, такие как *World of Warcraft* или *Star Wars: the Old Republic*, имеют постоянно поддерживаемый, «несессионный» игровой мир, который продолжает «жить» тогда, когда его на время покидает очередной пользователь. В-третьих, игры получили коммуникативное измерение, что окончательно актуализировало их правовые аспекты, выходящие далеко за локальную гражданско-правовую проблему квалификации компьютерных игр как результатов интеллектуальной деятельности.

Игровое пространство стало в полном смысле слова «виртуальным» пространством, в котором, тем не менее, взаимодействуют реальные люди, что может приводить к появлению правоотношений либо с использованием игрового пространства либо как бы непосредственно внутри такого игрового пространства. Сущность связанной с этим системной правовой проблемы выражается в необходимости разграничения (абсолютного или относительного) пространства игры, где допустимо все, что разрешено правилами игры, и «серьезного» пространства, где в полной мере действует право «реального» мира.

Технологические предпосылки

Основной технологической предпосылкой системной проблемы разграничения игрового и «серьезного» пространства является возможность создания постоянной виртуальной среды компьютерными средствами. Характерным примером здесь могут выступать многопользовательские ролевые онлайн-игры.

Пространство многопользовательской ролевой онлайн-игры моделируется компьютерными средствами. Как правило, за экраном монитора формируется модель, представляющая собой виртуальный мир, во многом аналогичный реальному миру, но содержащий те или иные допущения (чаще всего — фантастические), которые обыгрываются программными средствами. Принципиально важно при этом, что такое виртуальное пространство, во-первых, является условно одинаковым для всех пользователей, которые в нем находятся, а, во-вторых, является постоянным. Последний признак означает, что серверы игры продолжают работать, моделируя игровую среду в ее динамике и тогда, когда пользователь выходит из виртуального мира. Соответственно, с внутренней точки зрения (в терминологии Г. Харта) у пользователей создается ощущение параллельной реальности, которая существует независимо от них. Другое дело, что существование такой параллельной реальности зависит от разработчиков компьютерной игры.

При этом компьютерные игры такого рода можно одновременно рассматривать как «срез» технологических предпосылок всех остальных системных проблем интернет-права, поскольку они сущностно основаны на интернет-технологиях со всей присущей им спецификой, включая анонимность или псевдонимность (проблема идентификации), возможность распространения информации (проблема информационных посредников) и др. Многие новые интернет-технологии рано или поздно находят свое выражение в игровой индустрии. В ближайшей перспективе ожидается развитие технологий трехмерной виртуальной реальности с новым уровнем погруже-

ния (новые поколения устройств виртуальной реальности, например, *Oculus Rift* и др.).

Теоретическая значимость

Теоретическая значимость системной проблемы игрового пространства, в действительности, выходит далеко за пределы непосредственно компьютерных игр и составляет дискурс, где принципиальное значение имеет разграничение между «шуткой» и «игрой», не предполагающей серьезных правовых оценок, с одной стороны, и «серьезностью» — с другой.

Соответственно, принципиальный теоретический вопрос, связанный с данной системной проблемой, заключается в том, чтобы определить, где заканчивается «реальный мир», в котором определенные действия могут породить юридические последствия, и начинается «мир вымысла», в котором действия носят «шуточный» (или «виртуальный») характер, и юридически значимых последствий вызвать не могут.

Это интересно

Данная проблема впервые была сформулирована Б. Т. Дюранске, автором первой системной работы по праву виртуальных миров «Виртуальное право. Ступая по правовому ландшафту виртуальных миров» («*Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds*»)¹. Особое внимание как эмпирическому материалу автор на тот момент придал в том числе актуальным виртуальным мирам «*Ultima Online*» и «*Second Life*». Саму проблему разграничения между игровым и «серьезным» пространством он обозначил как проблему «магического круга» («*magic circle*»), используя терминологию Й. Хейзинги.

В играх проблема «магического круга» актуальна для большого диапазона проблем, от виртуальной собственности (проблема, которая сейчас заслуживает самостоятельного статуса) до проблем правовой квалификации высказываний, сделанных в виртуальных мирах. В более широком контексте проблема магического круга может быть редуцирована до проблемы юридической ответственности за шутку или анекдот — в каких случаях такой контент, например, может признаваться экстремистским, а в каких — нет.

Кроме того, виртуальные миры крайне интересны и исключительно с методологической точки зрения как пространство, в котором возможно моделирование и социальный эксперимент, в том числе при проведении юридических исследований. Данный подход уже получил определенное развитие как минимум в экономике, социологии, политической науке и психологии.

Практическая актуальность

Практическая актуальность проблемы разграничения игрового и «серьезного» пространства вытекает из теоретической значимости данной проблемы и включает в себя как минимум следующие актуальные вопросы:

1) **коммуникативное пространство игрового мира.** Является ли игровой мир таким же коммуникативным пространством или способом ком-

¹ Duranske B. T. *Virtual Law. Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds*. Chicago (Illinois), 2008.

муникации, как и любые другие возможности информационно-телекоммуникационных технологий? В принципе виртуальные миры со свободным чатом, например, могут давать пользователям возможность обсуждать реальную жизнь под игровыми псевдонимами, допуская высказывания, которые могут повлечь юридические последствия, в том числе обсуждать условия вполне реальных сделок. В то же время каким будет юридическое значение данных высказываний, если условия игры, скажем, включают требование, обращенное к игрокам, говорить строго от лица своих персонажей, как это происходит в тех [немногих] виртуальных мирах, где обязателен отыгрыш роли персонажа?¹

2) **пользовательский контент в играх.** Многие многопользовательские игры допускают в различной степени создание игроками игровых объектов или, по крайней мере, определение внешних признаков игровых объектов либо из готовых элементов (узор на штандарте гильдии) либо в принципе на основании самостоятельного творчества с использованием различных технологических возможностей (программирование объектов в *Second Life*). И в том и в другом случае пользователь, в зависимости от обстоятельств, может приносить в объект творческий вклад, что является основным признаком охраноспособного результата интеллектуальной деятельности — объекта авторского права. Вместе с тем в различных юрисдикциях могут быть разные и не до конца определенные подходы к определению правового режима данных объектов. Различается и практика саморегулирования. Принадлежит ли что-то в этих объектах пользователю или такая интеллектуальная собственность переходит разработчику? Может ли она быть предметом сделки между игроками?

Практическую актуальность имеет и тесно связанный с проблемой игрового пространства вопрос о виртуальной собственности, но в современных условиях он имеет уже самостоятельное значение и будет рассмотрен ниже. Перспективные технологии, такие как виртуальная реальность или использование голограмм, будучи использованными при формировании игрового пространства, могут породить и другие аспекты данной проблемы.

Современное состояние

С учетом того, что на сегодняшний день мировая игровая индустрия представляет собой рынок, сопоставимый по объемам с мировыми рынками кинематографа и спортивной индустрии, неудивительно, что проблема игрового пространства уже получила свое разрешение на уровне судебной практики как в России, так и за рубежом. Общий признак этого направления заключается в том, что правоприменительные органы (а равно и сами игровые компании) стремятся применять действующие нормы гражданского права для квалификации правовых отношений.

В целом на данный момент можно выделить две основных условных концепции правовых отношений в виртуальных мирах, основанные на различном понимании их природы и уже получившие свое закрепление в различных формах юридической практики:

¹ В качестве примера можно привести текстовые многопользовательские ролевые онлайн-игры от компании *Iron Realms Entertainment*. URL: <http://www.ironrealms.com/> (дата обращения: 14.01.2016).

1) **игровое пространство как результат интеллектуальной деятельности разработчика.** К данному подходу в большей степени склоняется практика саморегулирования, черпающая для данной сферы свои истоки преимущественно в американском праве. Все, что составляет виртуальный мир, рассматривается как интеллектуальная собственность разработчика, включая весь возможный пользовательский контент, произведенный игроками осознанно либо являющийся следствием их действий. В некоторых юрисдикциях, включая Российскую Федерацию, такой подход может иметь и, вероятно, неожиданное налоговое измерение — реализация игры (как объекта интеллектуальных прав), рассматривается как реализация программного обеспечения по лицензии, и как следствие, доходы разработчика освобождаются от НДС;

2) **предоставление доступа к игровому пространству как услуга по организации игрового процесса.** При таком подходе игровой мир рассматривается преимущественно как некая обособленная виртуальная реальность, в которой действуют только правила игры, и она рассматривается как выведенная из всего объема правового регулирования. В то же время разработчик, очевидно, осуществляет в пользу игрока множество различных действий (в том числе автоматизированных), которые рассматриваются как услуги, оказываемые потребителю. В такой ситуации игроки получают защиту в соответствии с законодательством о защите прав потребителей соответствующей юрисдикции. Такой подход, как ни странно, близок государственным органам, и причина в основном та же — налоговые последствия. Дополнительная причина — усматриваемая государством необходимость защиты прав игроков как потребителей.

Однако сама по себе проблема магического круга на сегодняшний день далека от разрешения, и как в России, так и за рубежом, нет в достаточной степени проработанных концепций относительно того, в каких случаях взаимодействие между игроками может подпадать под объем правового регулирования «реального» мира, и в какой степени.

2.8. Виртуальная собственность

Системная правовая проблема виртуальной собственности тесно связана с проблемой игрового пространства, но имеет особую содержательную специфику и значение, которое также выходит за пределы собственно игровой индустрии, однако в ином направлении.

Появление постоянных виртуальных пространств, таких как виртуальные миры и «несессионные» многопользовательские онлайн-игры, предопределили экономическую ценность предметов, которые как бы существуют в таких виртуальных пространствах. На примере многопользовательских ролевых онлайн-игр в качестве таких предметов может выступать виртуальное оружие, доспехи, ездовые животные, дома и т.п. Одной из современных моделей монетизации многопользовательских игр является «условно-бесплатная» («*free-to-play*») модель, в рамках которой игрок получает бесплатный доступ к основному игровому функционалу, а дополнительный функ-

ционал он может «докупать» у разработчика за реальные деньги. Особо интересный при этом аспект, который еще не получил своего полноценного развития в законодательстве и практике, заключается также в возможности игрокам заключать сделки между собой о «купле-продаже» виртуальных ценностей за «реальные» деньги. Часто такая практика не соответствует условиям пользовательских соглашений, но вопрос о легальности и надлежащей правовой форме таких сделок, тем не менее, остается открытым.

При этом виртуальная собственность как таковая, хотя она и актуализирована исторически применительно именно к многопользовательским играм, может существовать в любом виртуальном пространстве, обладающем признаком постоянства и моделируемом компьютерными средствами, например, в социальной сети, при условии, что в таком пространстве у пользователей будет возможность обмениваться информационными объектами.

Технологические предпосылки

Общие технологические предпосылки системной правовой проблемы виртуальной собственности в целом такие же, как и у проблемы игрового пространства. Ключевые предпосылки при этом носят, скорее, не технологический, а экономический характер и обусловлены экономическими параметрами той или иной виртуальной среды.

Тем не менее имеет смысл отметить один инфраструктурный принцип организации виртуального мира, который делает возможным виртуальную собственность в качестве объекта, условно говоря (на данный момент), правовых отношений. Во-первых, такая виртуальная среда должна обладать признаком достаточного постоянства, чтобы виртуальные предметы могли стать предметами социальных отношений, опосредуемых через Интернет и программу-клиент либо иной формат доступа к игре. Во-вторых, пользователи в такой игре должны быть представлены в достаточной степени различными виртуальными репрезентациями (аватарами), для того чтобы можно было структурировать данные отношения по субъектному составу. В-третьих, организация процесса взаимодействия, в том числе правил игры, должна предполагать возможность извлечения в виртуальном пространстве определенных полезных свойств виртуального предмета. При этом в широком смысле слова понятие «виртуальной собственности» по аналогии может также экстраполироваться в «виртуальные услуги», а значит, дополнительно или альтернативно может также иметь значение такой признак, как возможность пользователей осуществлять в виртуальной среде полезные действия друг для друга.

При наличии указанных архитектурных элементов создаются предпосылки для формирования **экономической ценности** виртуальной собственности и (или) виртуальных услуг для пользователей.

Теоретическая значимость

Теоретическая значимость данной проблемы выражается в том, что возникает необходимость найти надлежащую правовую оценку (или создать новую) для нового в экономическом смысле вида товара или услуги, ценность которого ограничена одним определенным виртуальным пространством или несколькими взаимосвязанными.

Преимущественно данная системная проблема вызывает, прежде всего, к гражданско-правовым конструкциям и может заставить по-новому взглянуть на устоявшиеся концепции собственности, интеллектуальных прав, услуг, имущества или иных, пока еще не нашедших отражение в современном дискурсе.

Также можно усмотреть определенное, скорее вспомогательное значение подходов к разрешению данной проблемы для общей теории правоотношения (в части объекта) и, вероятно, уголовного права в той части, в которой речь идет об определении имущества в контексте преступлений против собственности.

Практическая актуальность

Практическая актуальность данной проблемы связана, как и в других случаях, с ее теоретической значимостью. Допустимо смоделировать, основываясь на имеющемся эмпирическом материале о взаимодействии пользователей между собой и разработчиками как минимум следующие направления развития юридической практики в данной области:

1) **юридические конфликты между пользователями и разработчиками.** В том случае, если пользователь считает, что какое-либо его право, связанное с игрой, нарушено разработчиками, пользователь может попробовать обратиться в суд за правовой защитой. В некоторых случаях и в некоторых юрисдикциях (например, Россия или ФРГ) суд может отказать в требовании со ссылкой на норму, согласно которой требования, возникающие из организации игр или участия в них, не подлежат судебной защите (п. 1 ст. 1062 ГК РФ), но в других случаях суд может счесть возможным рассмотреть иск и вынести решение, в том числе в пользу игрока. Если предметом спора является виртуальная собственность, от ее правовой квалификации зависит и разрешение спора;

2) **юридические конфликты между пользователями.** В многопользовательских играх и сопутствующих сервисах (например, платформах онлайн-дистрибуции игр, включающих элементы социальной сети) пользователи могут вступать в отношения по поводу виртуальных благ между собой независимо. С точки зрения разработчиков и в свете создаваемых ими правил игры и разрабатываемых пользовательских соглашений, такие отношения в целом могут находиться исключительно в «серой» зоне и разработчиками не признаваться. Однако нельзя исключать, что суд может поддержать требование одного игрока к другому игроку независимо от того, что будет написано в пользовательском соглашении. Опять же основная проблема, если спор носит «экономический» или «имущественный» характер, — определение правовой природы виртуальной собственности;

3) **юридические конфликты между разработчиками и государством по поводу налогообложения.** Например, спор между ФНС России и ООО «Мэйл.Ру Геймз», который будет рассмотрен далее в параграфе 6.5, представляет собой яркое свидетельство того, что государство может испытывать интерес к игровой индустрии не только в культурном, но и в экономическом смысле. Виртуальная собственность представляет собой основной источник дохода от игр различных игровых компаний, и для таких компа-

ний актуальны разные подходы к оценке налоговых аспектов своей деятельности. В некоторых случаях подходы игровых компаний и государства могут расходиться именно в свете разнонаправленной правовой оценки природы виртуальной собственности.

По мере развития общественных отношений, связанных с виртуальной собственностью, могут появляться и другие формы взаимодействия, которые могут создать основания для других направлений, обуславливающих практическую актуальность проблемы виртуальной собственности.

Современное состояние

На сегодняшний день отсутствует какое-либо единообразие в вопросе о правовой квалификации виртуальной собственности. Среди основных подходов к теоретическому осмыслению проблемы правовой природы виртуальной собственности, основанных на теоретических предпосылках и имеющейся эмпирической (преимущественно правовой) практике, которые были обобщены, например, А. И. Савельевым¹, подходы, предполагающие невмешательство правоприменительных органов в отношения в игровом пространстве, применение по аналогии положений вещного права, редуцирование виртуальной собственности до предмета лицензионных соглашений, рассмотрение виртуальной собственности как «иного имущества» в гражданско-правовом смысле. Кроме того, рассматривается и возможность описывать отношения по поводу виртуальной собственности как услуги. Более подробно данные подходы будут рассмотрены в параграфе 6.5 настоящего издания.

С учетом актуальности налоговых аспектов для государства и игровых компаний в дальнейшем можно ожидать развития практики по правовой квалификации виртуальной собственности. При этом указанный пятый подход, при том что он не соответствует правовым позициям и практике многих игровых компаний, может получить серьезные дополнительные аргументы в силу своего содержания.

2.9. Накопление и динамика системных проблем

Сложно усомниться в том, что накопление и динамика системных проблем правового регулирования отношений в сети Интернет является самостоятельной системной проблемой.

Интернет — предельно *динамичная* область технологического развития информационного общества. Развитие Интернета проходит стремительно. Еще совсем недавно глобальная информационно-телекоммуникационная сеть либо использовалась в закрытых технологиях, либо представляла собой артефакт технической субкультуры. Но на сегодняшний день она представляет собой поистине глобальное явление. То же самое можно сказать и об отдельных технических предпосылках системных проблем — буквально до 2006 г. те же социальные сети не имели такого значения, какое они имеют на сегодняшний день.

¹ См.: Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 127–150.

При этом развитие архитектуры Интернета свидетельствует о том, что присущие данной области системные проблемы *накапливаются*, а не последовательно появляются и разрешаются. Какая-либо практика в Интернете становится системной проблемой в целом тогда, когда она получает социальное и (или) экономическое значение для того, чтобы попасть в фокус законодательства или правоприменительной практики, и с этого момента она становится системной правовой проблемой, требующей своего разрешения. При этом ранние системные проблемы — идентификации пользователей или ответственности информационных посредников — никуда не пропадают, более того, они подчас трансформируются на новом технологическом витке и предстают в новом виде, как в случае с пиринговыми технологиями.

В самом общем смысле накопление и динамику системных проблем можно охарактеризовать как *авторефлексивную* (т.е. в данном контексте замыкающуюся саму на себя) системную проблему Интернета.

Технологические предпосылки

Технологические предпосылки системной правовой проблемы накопления и динамики системных проблем в самом общем виде предельно просты и обусловлены научно-техническим прогрессом общества.

Под влиянием различных факторов, в первую очередь, экономических, в информационном обществе происходит постоянное качественное и количественное развитие информационно-телекоммуникационных технологий. Новые технологии при этом конкурируют со старыми технологиями, но старые технологии в то же время не всегда отправляются в прошлое.

Это интересно

Любопытным примером может послужить пейджинг. Первоначально, если рассматривать широкое, в том числе ведомственное, использование — то уже во второй половине XX в. в целом были популярны устройства, созданные специально для получения коротких сообщений. В России пейджеры были популярны в начале 1990-х гг. Впоследствии появились интернет-мессенджеры, заняв примерно этот же сегмент потребностей (*ICQ, QIP* и др.), сейчас они частично заменены имеющимися коммуникативными интернет-технологиями, но основные правовые проблемы, связанные с таким форматом информационных отношений, остались прежними.

Теоретическая значимость

Рассмотрение накопления и динамики правовых проблем сети Интернет в качестве самостоятельной системной проблемы правового регулирования заслуживает внимания в самом широком теоретико-правовом аспекте.

По сути дела, Интернет и информационно-телекоммуникационные технологии в целом представляют собой уникальную область правового регулирования и юридической практики, которая существенно отличается от многих других областей, таких как, например, мореплавание, где также актуальны проблемы, например юрисдикции, но общий формат отношений в значительной степени не менялся на протяжении веков (тогда как в случае с Интернетом формат отношений меняется регулярно).

В общем смысле слова Интернет и информационно-телекоммуникационные технологии являются продуктом экспоненциального развития в контексте научно-технического прогресса.

Одно из следствий данной системной проблемы выражается и в динамике самого научного знания, которое формируется в рамках дискурса интернет-права.

Практическая актуальность

Практическая актуальность системной проблемы накопления и динамики системных проблем находит общее выражение во всех областях человеческой деятельности, связанных с юриспруденцией.

Например, в *законотворчестве* данная проблема отражается в том факте, что нормативные правовые акты, связанные с регулированием отдельных аспектов информационно-телекоммуникационных технологий, потенциально могут устареть еще к моменту их принятия.

В свою очередь, в *юридической практике* данная проблема выражается в сложности построения правовых моделей и разработке правовых позиций. Поскольку интернет-технологии развиваются в значительном темпе, каждая практическая задача фактически предстает как новая.

Современное состояние

Накопление и динамика системных проблем на сегодняшний день не находит удовлетворительного решения в законотворческой деятельности и в юридической практике. Более того, есть серьезные теоретические основания сомневаться в том, что такое решение в принципе может быть найдено.

Несмотря на наличие уже довольно обширного научного и организационного материала, посвященного регулированию отношений в информационно-телекоммуникационных сетях, законотворческая и юридическая практика, как правило, вынужденно ориентируется преимущественно на ситуации, когда тот или иной фрагмент отношений получает социальную и (или) экономическую значимость, и после этого строит концепцию правового регулирования или разрабатывает определенную правовую позицию.

С учетом динамики процессов развития информационно-телекоммуникационных технологий представляется возможным определять только наиболее общие принципы и подходы к правовому регулированию и разрешению правовых конфликтов. В определенном смысле подход, ориентирующийся на постановку системных правовых проблем регулирования Интернета, и выражает данную общую системную проблему сам по себе.

Тесты

1. Сущность проблемы идентификации пользователей в сети Интернет заключается в том, что:

- а) взаимодействие пользователей опосредовано;
- б) взаимодействие пользователей является непосредственным;
- в) пользователи взаимодействуют посредством ботов;
- г) субъектами правоотношений выступают юридические лица.

2. Проблема идентификации пользователей на архитектурных уровнях сети, протокола и передачи данных предполагает, что:

- а) адресат может всегда однозначно определить источник запроса;
- б) при передаче информации могут быть изменены данные об источнике;

- в) источник запроса никогда не может быть определен в принципе;
- г) источник запроса не располагает сведениями об адресате (сервере).

3. Теоретическая актуальность проблемы идентификации пользователя для общей теории права и отраслевых юридических наук связана с концепцией:

- а) правоотношения;
- б) юридической силы нормативного правового акта;
- в) правового обычая;
- г) законности.

4. На современном этапе с системной проблемой идентификации пользователей наиболее тесно связаны комплексы правовых норм, имеющие следующий объект регулирования:

- а) интеллектуальная собственность;
- б) средства массовой информации;
- в) электронная подпись и персональные данные;
- г) ответственность информационных посредников.

5. Взаимозависимость интернет-сервисов как причина, обуславливающая системную проблему определения юрисдикции в сети Интернет, выражается в том, что:

- а) в цифровую эпоху пользователи зависимы от Интернета;
- б) одни интернет-сервисы зависят от других интернет-сервисов;
- в) на интернет-сервисы возложена обязанность сообщать о нарушениях всех остальных интернет-сервисов;
- г) интернет-сервисы могут скрывать от государства информацию о правонарушениях, только действуя сообща.

6. Основной раздел юридической догматики как части общей теории права, который требует пересмотра в связи с системной проблемой юрисдикции в сети Интернет — это:

- а) действие нормативных правовых актов во времени;
- б) структура правоотношения;
- в) действия нормативных правовых актов в пространстве и по кругу лиц;
- г) признание судебного прецедента источником права.

7. Ключевая составляющая объективной стороны, интерпретация которого зависит от разрешения проблемы юрисдикции в сети Интернет, для целей правоприменения в административном праве — это:

- а) место совершения правонарушения;
- б) время совершения правонарушения;
- в) способ совершения правонарушения;
- г) обстановка совершения правонарушения.

8. Современное состояние системной проблемы определения юрисдикции в сети Интернет может быть охарактеризовано постепенным принятием следующего подхода:

- а) конкуренция юрисдикций не рассматривается в качестве проблемы — государства могут принимать любые споры с иностранным элементом, если они связаны с сетью Интернет;
- б) государства могут принимать любые споры с иностранным элементом, если на данный интернет-ресурс можно выйти с компьютера, находящегося на территории данного государства;
- в) конкуренция юрисдикций не подлежит разрешению в принципе, а спор передается на рассмотрение органа по альтернативному разрешению споров;

г) конкуренция юрисдикций разрешается на основании «теста минимума контактов» (законы применяются, если интернет-ресурс нацелен на территорию данного государства).

9. Наиболее характерным примером частных интересов в контексте проблемы ответственности информационных посредников является частный интерес:

- а) государственных гражданских служащих;
- б) несовершеннолетних граждан;
- в) собственников компьютерных устройств;
- г) правообладателей объектов авторского права;

10. Провайдеры хостинга как информационные посредники относятся к следующему(-им) уровню(-ям) интернет-архитектуры:

- а) «физический» уровень;
- б) уровень приложений и контента;
- в) уровень контента и «физический» уровень;
- г) уровень сети, интернет-протокола и передачи данных.

11. С общетеоретической точки зрения допустимо сказать, что информационным посредникам в Интернете государство делегирует:

- а) функции общего контроля и надзора;
- б) судебные функции;
- в) законотворческие функции;
- г) правоприменительные функции.

12. Одна из проблем ответственности информационных посредников, которая требует разрешения и связана с правовым статусом правообладателей и иных аналогичных субъектов — это проблема:

- а) возложения обязанностей по недопущению повторных нарушений;
- б) уведомления информационных посредников;
- в) осведомленности посредников о нарушениях;
- г) окончательного характера удаления материалов.

13. Двумя наиболее распространенными и известными примерами использования пиринговых технологий могут послужить:

- а) торренты и криптовалюты;
- б) социальные сети и электронная почта;
- в) криптовалюты и электронные деньги;
- г) социальные сети и криптовалюты.

14. Соотношение «клиент» — «сервер» в рамках пиринговых технологий между пользователями представлено тем, что:

- а) один пользователь — «клиент», а остальные — «серверы»;
- б) один пользователь — «сервер», а остальные — «клиенты»;
- в) каждый пользователь является и «клиентом», и «сервером»;
- г) данное соотношение не может быть описано с помощью такой аналогии.

15. Существующие концепции правоотношения:

- а) позволяют объяснить пиринговые технологии;
- б) не позволяют объяснить пиринговые технологии;
- в) позволяют объяснить только криптовалюты;
- г) позволяют объяснить только торренты.

16. Правовая квалификация, которая была дана *Bitcoin* Центральным банком РФ, заключается в том, что *Bitcoin* — это:

- а) иностранная валюта;
- б) денежный суррогат;
- в) имущественное право;
- г) иное имущество в смысле ст. 128 ГК РФ.

17. В контексте системной правовой проблемы гипертекста Интернет как таковой может быть представлен как:

- а) совокупность разрозненных единиц информации;
- б) одно информационное сообщение;
- в) собственно гипертекст как взаимосвязанная информация;
- г) информация.

18. Пользователи, размещающие гиперссылки в сети Интернет, за размещение гиперссылок:

- а) могут претерпевать юридическую ответственность в зависимости от обстоятельств;
- б) ни при каких условиях не могут нести ответственность;
- в) всегда несут юридическую ответственность;
- г) могут нести только уголовную ответственность при наличии прямого умысла;

19. Правовая природа «кросс-постинга» подразумевает распространение информации по следующей причине:

- а) информация содержит гиперссылку;
- б) информация не содержит гиперссылку;
- в) помимо гиперссылки информация приведена в полном объеме;
- г) пользователь может осуществлять «кросс-постинг» только умышленно.

20. Термин «право на забвение» в текущих условиях подразумевает, что пользователь:

- а) может потребовать удаления определенной информации о себе из поисковой системы;
- б) может потребовать удаления любой информации о себе из поисковой системы;
- в) может потребовать изменения информации о себе у владельца сайта;
- г) может потребовать размещения информации о себе у владельца сайта и оператора поисковой системы.

21. Исторически и концептуально проблема автоматизированных действий появилась:

- а) на этапе Web 2.0;
- б) с появлением первого механизма;
- в) с появлением первого компьютера;
- г) на этапе Web 1.0.

22. Футурологический прогноз относительно трансформации проблемы автоматизированных действий предполагает следующий вектор развития:

- а) семантический поиск;
- б) искусственный интеллект;
- в) виртуальная реальность;
- г) голографические технологии.

23. Ключевой критерий, предположительно позволяющий разрешить проблему ответственности за автоматизированные действия, это:

- а) сложность программы;
- б) опосредованность между действиями пользователя и действиями программы;
- в) правовой статус лица, с которым пользователь взаимодействует посредством программы;
- г) нацеленность программы на причинение вреда.

24. Распространение компьютерных вирусов и иного вредоносного программного обеспечения как преступление:

- а) предполагает причинение крупного ущерба;
- б) не обязательно предполагает причинение какого-либо ущерба;
- в) предполагает причинение ущерба в особо крупном размере;
- г) предполагает причинение вреда здоровью двум и более лицам.

25. Сущность системной правовой проблемы игрового пространства выражается в следующем:

- а) необходимость разграничения сферы действия правил игры и «реального» права;
- б) определение пределов ответственности игроков за распределение внутри игры игровых предметов;
- в) правовая квалификация игрового пространства с точки зрения права интеллектуальной собственности;
- г) ответственность разработчика за действия, связанные с изменением параметров игрового мира.

26. Ключевым признаком, отличающим многопользовательские онлайн-игры, которые в наибольшей степени релевантны рассматриваемой проблеме, от всех других видов игр, известных культуре, выражается:

- а) в повышенной степени насилия;
- б) в постоянстве игрового мира;
- в) в значительном количестве игроков;
- г) в особой социальной миссии.

27. Пользователи, которые создают пользовательский контент в играх, с точки зрения права интеллектуальной собственности:

- а) могут вносить творческий вклад в данные объекты;
- б) являются безусловными правообладателями нового контента;
- в) ни при каких условиях не приносят творческого вклада;
- г) всегда нарушают правила игры.

28. Основным фактором различия подходов игровых компаний и государства при оценке правового режима виртуальных миров является:

- а) ценность продукта, созданного игровой компанией;
- б) организационно-правовая форма игровой компании;
- в) налоговые последствия и защита прав потребителей;
- г) насилие в компьютерных играх.

29. Модель монетизации онлайн-игр, для которой наиболее актуальна проблематика виртуальной собственности, характеризуется как:

- а) смешанная;
- б) условно-бесплатная;
- в) платная;
- г) бесплатная.

30. С экономической точки зрения актуальность проблемы виртуальной собственности обусловлена тем, что архитектура онлайн-игры обеспечивает:

- а) азарт;
- б) соревновательный характер игры;
- в) ценность виртуальных объектов и (или) услуг;
- г) общий доступ к игре.

31. В отношения по поводу виртуальной собственности в виртуальном мире могут вступать между собой:

- а) пользователи, а также пользователи и разработчики;
- б) разработчики и государство;
- в) пользователи и третьи лица, не играющие в игру;
- г) государство и третьи лица, не играющие в игру.

32. Что предполагает пятый «смешанный» подход к правовой квалификации виртуальной собственности, упомянутый ранее?

- а) виртуальная собственность относится к игровому миру, и отношения по поводу нее не регулируются правом;
- б) виртуальная собственность — это факт реального мира, который может быть описан терминологией вещного права;
- в) виртуальная собственность может по аналогии рассматриваться как электронные деньги;
- г) виртуальная собственность относится к игровому миру, но отношения по поводу нее должны пониматься как услуги.

33. Согласно представленному подходу системные проблемы регулирования отношений в сети Интернет:

- а) сменяют друг друга последовательно;
- б) теоретически ограничены;
- в) способствуют определенности интернет-права как науки;
- г) накапливаются, при этом сохраняя свою актуальность.

34. Технологические предпосылки системной правовой проблемы накопления и динамики системных проблем связаны:

- а) с морально-этическими ориентирами общества;
- б) с уровнем законодательной техники;
- в) с научно-техническим прогрессом;
- г) с правовыми позициями интернет-компаний;

35. Системная правовая проблема накопления и динамики системных проблем отражается на законотворческой практике тем, что:

- а) нормативные правовые акты сохраняют свою актуальность независимо от развития технологии;
- б) нормативные правовые акты могут утратить свою актуальность в силу развития технологии;
- в) нормативные правовые акты обладают особо точной юридической техникой;
- г) нормативные правовые акты включают основные определения интернет-права.

36. Общий проблемный подход, представленный в настоящем учебнике, сам по себе:

- а) является выражением системной проблемы накопления и динамики системных проблем;

- б) не соответствует системной проблеме накопления и динамики правовых проблем;
- в) не является «рабочим» подходом, обусловленным текущим уровнем развития технологии;
- г) отражает исключительно практические соображения, основанные на судебной практике.

Рекомендуемая литература

Архипов, В. В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований / В. В. Архипов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2013. — № 2.

Демьянец, М. В. Предпринимательская деятельность в сети Интернет : монография / М. В. Демьянец, В. М. Елин, А. К. Жарова. — М. : Юркомпания, 2014 (параграф 3.1 гл. 3).

Наумов, В. Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики / В. Б. Наумов. — М. : Книжный дом «Университет», 2002 (гл. 9).

Рассолов, И. М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. — 2-е изд., доп. — М. : Норма, 2009 (гл. 3).

Савельев, А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — М. : Статут, 2014 (гл. 2).

Глава 3

ИНТЕРНЕТ-ПРАВО КАК НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- предмет и метод интернет-права, основные предпосылки доктрины интернет-права, состояние современного этапа развития доктрины интернет-права;

уметь

- оперировать научными и юридическими понятиями, используемыми для описания интернет-права как науки;

владеть

- научной и юридической терминологией, используемой при описании интернет-права как науки;
 - навыками работы с научными и правовыми текстами, имеющими значение для доктрины интернет-права;
 - навыками анализа правоприменительной и правоохранительной практики, оказывающей воздействие на формирование доктрины интернет-права.
-

3.1. Предмет и метод интернет-права

Предмет интернет-права как науки

Интернет-право представляет собой новую, формирующуюся область знаний, **объектом** которой является динамично-развивающаяся область информационно-телекоммуникационных технологий.

Что касается **предмета** интернет-права как науки, то он может определяться по-разному в зависимости от общетеоретических и методологических подходов к предмету юридических наук в целом. При этом в рамках настоящего учебника за основу был взят проблемно-ориентированный подход, основанный на выделении нескольких системных проблем интернет-права, которые находят свое отражение во всех (общие проблемы) или отдельных наиболее значимых (специальные проблемы) случаях, когда тем или иным отношениям в сети Интернет или их аспектам необходимо дать правовую квалификацию. Данные проблемы допустимо также рассматривать как субинституты интернет-права, поскольку само интернет-право рассматривается как правовой институт.

В этом смысле предметом интернет-права как науки является действующее законодательство и практика его применения в той части, в которой она связана с отношениями, складывающимися в контексте информационно-телекоммуникационных технологий. Также в предмет интернет-права входит история его развития и опыт его развития в зарубежных странах.

Предмет интернет-права как науки отличается от предмета интернет-права как комплексного правового института, поскольку основной задачей интернет-права как науки является как систематизация нормативного правового и практического материала по определенным принципам, так и разработка таких принципов, а также теоретических подходов к разрешению новых системных проблем, которые могут быть использованы в юридической практике.

Выработанные наукой интернет-права подходы формируют содержание интернет-права. Характерной спецификой интернет-права является то, что данная область юридических знаний, по сравнению со многими другими, является новой, и в ней мало устоявшихся или, тем более, проверенных веками (очевидно, в силу специфики самого объекта) понятий, выводов, концепций и иных системных элементов, как это можно было бы сказать, например, о гражданском праве.

Мнение специалистов

В то же время ученые, развивающие интернет-право как науку, сходятся в мысли о необходимости данного направления знаний и наличии всех оснований для такого научного направления. В частности, И. М. Рассолов отмечает: «Новое научное направление “интернет-право” характеризуется следующими чертами:

- 1) социальной потребностью в знаниях нового типа;
- 2) особым профессиональным объединением ученых, занимающихся данной проблематикой и разделяющих общие научные идеи, общие теоретические принципы, методологию исследования (научное сообщество);
- 3) наличием монографических и диссертационных работ по данной теме исследования; научных наработок, методов, накопленных знаний;
- 4) высоким уровнем дисциплинарной организации и взаимодействия ученых;
- 5) подготовкой специалистов данного профиля в рамках информационного права (наличие специальности 12.00.14, учебных курсов, учебников, кафедр)»¹.

С наблюдениями И. М. Рассолова можно только согласиться, добавив, что в силу междисциплинарного характера на сегодняшний день проблематика интернет-права исследуется не только в рамках информационного права (хотя его предмет в наиболее полной степени связан с предметом интернет-права), но и в рамках иных научных специальностей.

При этом, поскольку и нормативный материал интернет-права далеко не всегда носит полный и системный характер, многие понятия и категории интернет-права как науки не имеют законодательного воплощения, однако приобретают теоретико-познавательное значение и могут быть использованы как в правотворческой деятельности, так и при разработке правовых позиций в юридической практике.

В целом **интернет-право как науку** можно определить как систематизированную определенным образом совокупность междисциплинарных правовых знаний о правовом регулировании общественных отношений,

¹ *Рассолов И. М.* Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2009. С. 12 // СПС «КонсультантПлюс».

опосредуемых информационно-телекоммуникационной сетью Интернет, основанную на представлении о самостоятельных системных особенностях (системных правовых проблемах) данных отношений.

При этом следует отметить, что *квалификации* различных концепций интернет-права как науки в современной науке подвергаются критике. В некоторых случаях с такой критикой можно согласиться, в некоторых — нет, особенно если происходит отождествление понятий области знания и отрасли права (на данный момент интернет-право отраслью права или каким-либо определенным правовым институтом, принадлежащим к какой-либо отрасли, считать действительно сложно). Но в чем сомнения едва ли могут быть, так это в том, что отношения, опосредуемые сетью Интернет, действительно обладают системными особенностями, и что аспекты их правового регулирования можно изучать самостоятельно.

Методология интернет-права как науки

Каждая область научного знания характеризуется не только своим предметом, но и определенным набором приемов, способов и средств решения научных задач, т.е. методологии.

Поскольку интернет-право представляет собой комплексный междисциплинарный правовой институт, а соответствующая ему область знаний также по своей природе междисциплинарна, интернет-право полагается на различные *частнонаучные* методы познания, опираясь при этом, однако, на *общенаучные* методы.

Заостряя внимание на частнонаучных методах познания, используемых интернет-правом, следует отметить прежде всего *метод системного анализа*, основанный на рассмотрении соответствующих явлений как систем, состоящих из нескольких взаимосвязанных элементов и обладающих определенной структурой.

Интернет-право при этом использует и *метод комплексного анализа*, изучая правовые явления в своей предметной области во взаимосвязи с другими правовыми явлениями.

Особенное значение для интернет-права, с учетом глобального характера информационно-телекоммуникационной сети, имеет *сравнительно-правовой метод*, предполагающий анализ правового регулирования однородных отношений в различных правовых системах.

В зависимости от конкретной научной задачи, интернет-право может обращаться и к другим частнонаучным методам познания, особенно, с учетом его междисциплинарной природы.

Интернет-право в системе юридических наук

Интернет-право как область научного знания развивается в общей системе научного знания, которая включает в себя как *науки о праве*, так и *иные науки*. При этом особенностями интернет-права являются не только специальный характер знаний, ориентированных на особые общественные отношения, связанные с сетью Интернет, архитектура которой во многом определяет возможные пределы и способы их регулирования, но и их междисциплинарность.

Междисциплинарный характер интернет-права в контексте наук о праве обуславливает взаимосвязь данной области правовых знаний практически со всеми юридическими науками.

Так, интернет-право связано с *общей теорией права* как с фундаментальной юридической наукой. Более того, данная связь имеет двусторонний характер, поскольку многие аспекты интернет-права как области правового регулирования заставляют по-новому взглянуть на отдельные принципы и выводы общей теории права, как это было показано в гл. 2 учебника. В таком же отношении интернет-право находится и с другими правовыми науками.

Очевидна связь интернет-права и *информационного права*, которое, несмотря на существующие дискуссии, может быть рассмотрено как самостоятельная область научного знания в юриспруденции.

Из фундаментальных наук в значительной степени интернет-право связано с *гражданским правом*, поскольку Интернет — это область практики, где значительна роль саморегулирования, которое чаще всего принимает форму гражданско-правовых отношений.

Интернет-право и иные науки

Интернет-право связано и с *иными науками*, которые прежде всего выполняют вспомогательную, но не менее важную функцию, нацеленную на прояснение различных технологических аспектов функционирования информационно-телекоммуникационных сетей, принципов работы криптографических алгоритмов и иных подобных вопросов, которые необходимы для понимания пределов правового регулирования в условиях архитектуры информационно-телекоммуникационных сетей.

В этом смысле интернет-право связано прежде всего с *информационной наукой*, которую также можно рассматривать как междисциплинарную область знаний, предметом которой являются различные аспекты анализа, сбора, классификации, обработки, хранения, поиска и распространения информации как таковой.

3.2. Лоренс Лессиг как основатель доктрины интернет-права

Одним из первых и при этом наиболее авторитетным автором, который оказал существенное влияние на формирование доктрины интернет-права, был Лоренс Лессиг (р. 1961), долгое время профессор Школы права Гарвардского университета, затем — основатель Центра Интернета и общества Стэнфордского университета.

Биография Л. Лессига весьма интересна, и за свою карьеру юриста и общественного деятеля он успел оставить заметный след в развитии различных представлений, относящихся к дискурсу интернет-права — от основ архитектурного подхода к регулированию отношений в сети Интернет до проблем защиты авторских прав в цифровую эпоху и свободных лицензий. Некоторое время он работал в должности помощника судьи Седьмого Окружного апелляционного суда Ричарда Познера — автора знаменитого

«Экономического анализа права», и затем — судьи Антонина Скалиа Верховного Суда США.

В настоящее время Л. Лессиг в большей степени сосредоточен на общественно-политической деятельности, вместе с тем его творческий и научный вклад в анализ проблем интернет-права остается в значительной степени непревзойденным с учетом его роли в развитии знаний в данной области¹.

Обоснование ценности «киберправа»

Позиция Л. Лессига оформилась в дискуссии с судьей Фрэнком Г. Истербруком, который также был одним из первых юристов, занимавшихся проблематикой интернет-права (в основном, разрешая дела, связанные с охраной интеллектуальных прав в формирующемся интернет-контексте).

Мнение специалистов

Ф. Истербрук полагал, что нет необходимости разрабатывать одну или несколько дисциплин, специально нацеленных на проблемы интернет-права, поскольку данная область сама по себе лишена предметного единства и ничем не отличается, например, от «лошадиного права»: «Лучший способ изучать право, применимое к особым отношениям, заключается в изучении общих правил. Много дел связано с куплей-продажей лошадей, другие связаны с людьми, пострадавшими от удара лошадиных копыт, очень много спорных ситуаций возникает вокруг лицензирования лошадиных забегов, с ветеринарной деятельностью, с призами на выставках. Но любая попытка объединить все это в единый курс «Лошадиного права» обречена на размытый результат без объединяющих принципов. Изучение одних лишь дел о случаях, когда людям был причинен вред здоровью после удара копытом, будет плохим способом изучения деликтного права»².

Данная точка зрения не была принята Л. Лессигом, полагавшим, напротив, что интернет-право обладает предметным единством, а изучение проблем правового регулирования под данным углом зрения, более того, способно пролить свет и, наоборот, на ряд фундаментальных проблем теории права. В качестве ответной цитаты Л. Лессига по отношению к цитате Ф. Истербрука может быть приведена следующая: «...Беспокойство Истербрука оправдано. Как он пояснил, курсы на юридических факультетах «должны быть ограничены только теми, которые позволяют высветить все право в целом». «Лучший способ изучать право, применимое к особым отношениям, заключается в изучении общих правил». А «право киберпространства, понимаемое как деликтное право в киберпространстве, право собственности в киберпространстве и т.п. таким не является. Но я утверждаю обратное. Я согласен с тем, что курсы должны “высвечивать все право в целом”, но уверен, в отличие от Истербрука, что из рассуждений о том,

¹ Более подробную информацию о Л. Лессиге можно найти на его персональном сайте, который также содержит отдельные его работы, распространяемые на свободной основе. URL: <http://www.lessig.org/about/#tab2> (дата обращения: 14.01.2016).

² *Easterbrook F. H. Cyberspace and the Law of the Horse // University of Chicago Legal Forum. 1996. 207.* URL: http://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2147&context=journal_articles (дата обращения: 14.01.2016).

что объединяет право и киберпространство, вытекает важное общее положение»¹.

Таким образом, основная мысль Л. Лессига по данному вопросу, которая в то же время лежит в основе и настоящего издания тоже, заключается в том, что «киберправо» представляет собой не одну из «искусственных» дисциплин, которые могут быть в большом количестве созданы вокруг произвольных явлений социальной жизни, попадающих в фокус правового регулирования, а в том, что изучение проблем «киберправа» (или интернет-права) само по себе может послужить пониманию отдельных общих положений юриспруденции, а потому имеет значительную ценность как таковое. Однако о каких общих принципах идет речь?

Проблема «разделения коммуникативного пространства»

Для пояснения своей позиции в цитируемой публикации Л. Лессиг обращается к двум примерам того, что он называет «*zoning speech*». В свободном переводе — «разделение коммуникативного пространства» (подразумевается

то, что коммуникация по-разному организована в сетевом и в «реальном» пространствах).

Первый из этих примеров характерен для раннего этапа обсуждения проблем регулирования сети Интернет и связан с *порнографией*. Л. Лессиг согласен с тем, что порнография нуждается в ограничениях распространения и, по крайней мере, должен ограничиваться доступ детей к порнографической продукции. Он задается вопросом о том, как можно представить себе гипотетическую ситуацию с распространением порнографии среди детей в Интернете и в «реальном» мире. В случае с реальным миром, заключает ученый, порнография практически полностью отделена от детей, и законодательные запреты в большей или меньшей степени эффективны.

Причин тому как минимум три. Во-первых, законодательное регулирование на ограничение распространения такой информации среди детей. Существуют запреты на распространение порнографии среди несовершеннолетних, и лица, к которым такие запреты обращены, их соблюдают. Во-вторых, порнографическая продукция, очевидно, стоит денег, причем далеко не всегда журналы, видеокассеты и иные, скорее относящиеся к «реальному» миру носители информации, стоят столько, сколько может позволить себе ребенок из своих карманных денег, если таковые у него есть. Наконец, в-третьих, само устройство «реального» мира, как бы его архитектура, предопределяют объективные сложности для самих несовершеннолетних в приобретении порнографической продукции у тех [продавцов], которые ощущают себя связанными правовыми запретами на продажу несовершеннолетним таковой. Сложно представить себе ситуацию, когда несовершеннолетний сможет успешно выдать себя за более взрослого человека. В любом случае это потребует от него серьезных усилий, что само по себе уже послужит определенным барьером. И здесь Л. Лессиг как раз делает ключевое для обсуждаемого пред-

¹ *Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach // Berkman Center for Internet & Society at Harvard University. URL: http://cyber.law.harvard.edu/publications/1999/The_Law_of_the_Horse (дата обращения: 14.01.2016).*

мета наблюдение: *регулирование в «реальном» мире во многом опирается на то, как построено реальное пространство.* Свой возраст в «реальном» мире скрыть сложно, и в большинстве случаев это самоочевидный для продавца факт. В интернет-пространстве же ситуация совершенно иная. За счет, говоря языком методологического подхода, принятого в настоящем издании, системной проблемы идентификации пользователей социальное регулирование может полагаться на правовые запреты, а также на различные экономические барьеры для распространения порнографии в сети Интернет, но крайне сложно обеспечить надежную возможность верификации возраста пользователя в сети. В некоторых случаях это можно сделать посредством введения элемента юридической презумпции или фикции (например, исходить из того, что пользователь, который может оплатить доступ к ресурсу банковской картой, уже определенно достиг совершеннолетия — такая презумпция почти всегда будет опровержимой, поскольку можно воспользоваться учетными данными или данными платежного инструмента другого лица). Но и в таком случае вопрос, скорее, изменяет форму и предполагает уже анализ меры допустимости использования такой презумпции или фикции.

Второй пример, который приводит Л. Лессиг, говоря о «разделении коммуникативного пространства», не менее актуален, особенно в контексте известных дискуссий, порожденных заявлениями Э. Сноудена. Речь идет о *праве на неприкосновенность частной жизни* и сбором информации о людях в «киберпространстве» и «реальном» мире. В реальном мире, по мнению ученого, которое подтверждается многочисленными фактами из бытового опыта, в большинстве случаев человек замечает или имеет объективную возможность заметить, что за ним осуществляется наблюдение. Например, охранник в магазине может записывать или иным образом фиксировать данные о вашей внешности, когда мы входим. В помещении может вестись видеонаблюдение, и поскольку это требует реального физического наличия средства такого наблюдения (видеокамеры), то даже если она скрыта потенциально, можно ее обнаружить, не обладая какой-либо особой квалификацией, а просто представляя, как могут выглядеть такого рода устройства. Консультант в магазине может все время ходить по пятам покупателя и отмечать время, которое было затрачено им на каждое действие (очевидна аналогия с современными инструментами, используемыми в интернет-рекламе, позволяющими, например, собирать и анализировать информацию о том, сколько времени пользователь провел на том или ином сайте). Кассир при оплате покупки каким-либо образом может фиксировать ваше имя или иную личную информацию — на текущий момент это повсеместно и с очевидностью для покупателя происходит, например, при оплате товара банковской картой, когда такая информация отображается на чеке. Но вот в «киберпространстве» в большинстве случаев аналогичные действия пользователь либо не заметит, либо даже, например, при наличии у него хороших технических знаний и навыков, в принципе не сможет заметить. В последнем случае, например, информация может собираться не на конечном устройстве самого пользователя, а на одном из серверов, через которые проходит направляемая пользователем информация или

в принципе перехватываться с каналов связи. В любом случае степень актуальной или потенциальной очевидности происходящего диаметрально противоположна.

Общетеоретические предпосылки подхода Л. Лессига

Суть рассматриваемой проблемы, по мнению Л. Лессига, с которым мы, скорее, имеем все основания согласиться, заключается в том, что в каждом из приведенных примеров по-разному преломляются проблемы информации, структуры отношений и интереса. В случае с информацией, можно сказать, что для эффективного регулирования отношений в «киберпространстве» и в первом, и во втором случае не хватает определенной информации. В примере с порнографической продукцией — информации о возрасте пользователя, в примере с наблюдением — информации о факте наблюдения либо об используемых технических средствах. Что касается структуры, то в обоих примерах можно заметить, что регулирование в «реальном» мире относительно эффективно только за счет реальных физических ограничений реального мира. Само устройство реального мира задает пределы не только регулированию, но и тому поведению, которое должно быть урегулировано. Наконец, общим наблюдением для каждого из случаев будет то, что в «киберпространстве» невозможна реализация какого-либо интереса. В первом случае это публичный интерес, связанный с ограничением распространения порнографии, а во втором — это частный интерес, связанный с ограничением сбора информации о частной жизни. При этом в обоих случаях соответствующий интерес не позволяет реализовать именно связанную с информацией особенность «виртуального» пространства.

Отсюда следует основной вопрос, связанный с правовым регулированием отношений в сети Интернет в принципе: должно ли право изменяться из-за этой системной и принципиальной особенности виртуального пространства или право, напротив, должно изменять эту особенность как таковую? Можно представить себе оба варианта развития. Например, право может как бы смириться с тем, что при реализации социальных отношений в сети Интернет логически невозможно преодолеть «юридический барьер» между, условно говоря, учетной записью пользователя и пользователем (мы не можем достоверно знать, кто находится по ту сторону экрана, а только ориентироваться на презумпцию или фикцию того, что определенная учетная запись, сведения о которой мы воспринимаем, соотносятся с определенным человеком). При этом можно представить себе и такой порядок ограничения доступа к Интернету, который предполагал бы то, что зайти в Интернет не под своим именем было бы практически невозможно. Последний вариант, вероятно, потребовал бы более серьезных и широких преобразований в обществе — можно представить себе введение вместо паспортов новых средств электронной идентификации, которые (и только которые) будут одновременно служить «картами доступа» в Интернет. Если при этом в последнем случае представить какой-либо вариант развития общества, при котором такой идентификатор будет каким-либо образом интегрирован непосредственно с организмом человека и будет использовать какие-либо биометрические данные одновременно с идентификацией,

то системная проблема идентификации пользователей будет практически решена. Однако, очевидно, последний вариант относительно «антиутопичен» и предполагает пересмотр основных подходов, в том числе к правам человека, принятых на уровне современного международного сообщества.

Вопрос в значительной мере остается открытым, и сейчас на практике формируются подходы, отражающие поиск баланса между двумя крайностями. Но основное содержание проблемы остается неизменным. Все изложенные ранее примеры Л. Лессиг приводил, в общем, для того, чтобы продемонстрировать суть «киберпространства», которая может быть отражена в следующей цитате: «У киберпространства нет природы; нет такой архитектуры киберпространства, которая не может быть изменена. Его архитектура производна от его дизайна — или... кода. Такой код может изменяться либо потому, что он развивается иначе, либо потому, что государство или бизнес каким-либо образом на него воздействуют»¹.

Идея Л. Лессига довольно проста и соответствует объективным реалиям сети Интернет, как они нам известны. Интернет — в полной мере технологический продукт человеческой деятельности. В отличие от реального мира, законы физики которого не могут быть изменены человеком (с некоторой долей иронии, присущей научному методу, можно сделать оговорку — «пока не могут быть изменены»), законы, по которым функционирует сеть Интернет, могут быть в полной мере изменены. Разумеется, на текущий момент изменение инфраструктуры глобальной информационно-телекоммуникационной сети будет исключительно затратным мероприятием, которое при этом может повлечь за собой неконтролируемые последствия, учитывая то, как сильно мировая экономическая инфраструктура в целом сейчас зависит от электронных коммуникаций в своей каждодневной деятельности, однако принципиально такая возможность есть. Более того, архитектурные изменения в сети Интернет необязательно должны быть масштабными — подчас изменение отдельных элементов может повлечь за собой серьезное изменение регулятивного ландшафта. Еще не так давно в Российской Федерации Интернет в целом воспринимался многими, и часто вполне оправданно, как область, в принципе не подверженная правовому регулированию в большинстве своих аспектов. Однако возникновение технической возможности и юридических оснований для ограничения доступа к информации, распространяемой в сети, серьезным образом изменило подход многих граждан и организаций к использованию сети Интернет.

Однако возвращаясь к доктринальным аспектам, соответствующим данному разделу, можно еще раз резюмировать то, с чего началось исследование Интернета, а именно признание отдельных системных особенностей, которые определяют правовое регулирование — либо в том ключе, что правовое регулирование должно развиваться, ориентируясь на них, либо что правовое регулирование должно быть нацелено на их преодоление. Но, в любом случае, речь идет о том, что правовое регулирование, а равно — правовая практика, должны данные аспекты в полной мере учитывать.

¹ *Lessig L. Op cit.*

3.3. Интернет-право как учебная дисциплина

Как и в случае с любой другой учебной дисциплиной, особенно находящейся в становлении, допустимы различные модели преподавания интернет-права. Вместе с тем в контексте общего методологического подхода, заложенного в настоящем издании, представляется, что основные факторы сети Интернет и системные правовые проблемы информационно-телекоммуникационных технологий объективно задают основную направленность содержания данной дисциплины.

Так, в рамках интернет-права как учебной дисциплины представляется нецелесообразным ограничиваться исключительно национальным правовым регулированием, более того, это практически невозможно. Информационно-телекоммуникационные технологии по своей природе предполагают глобальный формат взаимодействия, в том числе правового. Данный аспект, в приложении к правовым аспектам, делает необходимым в любом случае рассматривать в контексте интернет-права как общие вопросы юрисдикции (в смысле возможности государства осуществлять свои функции, прежде всего правоприменительные) на определенной территории, в том числе с учетом возможного экстерриториального действия законов, так и отдельные отраслевые подходы. Говоря о проблемах интернет-права, нельзя обойти вниманием, например отдельные нормы гражданского законодательства, регулирующие применимое право, а равно отдельные нормы процессуального законодательства, определяющие возможность национальных судов рассматривать споры с иностранным элементом. Иные системные проблемы задают содержание дисциплины интернет-права примерно в таком же ключе.

Если рассматривать интернет-право как комплексный правовой институт, то анализ и представление основных правовых проблем и способов их решения также с необходимостью ставит вопросы о соотношении различных отраслей права и конкуренции между ними. Это представляет собой как раз тот аспект «киберправа», о котором писал Л. Лессиг: например, в Российской Федерации действуют законы об информации, о персональных данных и другие специальные акты, регулирующие, строго говоря, информационные отношения, но какова их правовая природа? Особенно остро эта проблема требует разрешения именно в связи с информационно-телекоммуникационными технологиями, а ответ на вопрос об их правовой природе позволяет формулировать подходы к разрешению как теоретических, так и практических проблем.

Это интересно

Характерной проблемой, решение которой зависит от определения отраслевой природы нормативных правовых актов, регулирующих информационно-телекоммуникационные технологии, является проблема получения согласия субъекта персональных данных в электронной форме. Часть 4 ст. 9 Закона о персональных данных предусматривает, что равнозначным содержащему собственноручную подпись субъекта персональных данных согласию в письменной форме на бумажном носителе признается согласие в форме электронного документа, подписанного в соответствии с Законом об электронной подписи. В свою очередь, Закон об электронной подписи

указывает в ч. 2 ст. 6, что информация в электронной форме, подписанная простой электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, в случаях, установленных федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами или соглашением между участниками электронного взаимодействия. Допустим, под простой электронной подписью понимается в том числе сочетание логина и пароля, что возможно, основываясь на ч. 2 ст. 5 Закона об электронной подписи. Но что собой представляет соглашение между участниками электронного взаимодействия? В отсутствие каких-либо иных ясных ориентиров, можно предположить, что такое соглашение может принимать значение и форму гражданско-правового договора. Однако сейчас нет сомнений в том, что гражданско-правовой договор, несмотря на системные правовые проблемы сети Интернет, может заключаться и в электронной форме. Более того, если даже предположить что такой гражданско-правовой договор должен заключаться, исходя из смысла положений Закона об электронной подписи, в письменной форме, из системного толкования п. 3 ст. 438 и п. 3 ст. 434 ГК РФ следует, что письменная форма договора считается соблюденной, если лицо, получившее оферту (выраженную, например, в электронной форме на сайте), в указанный срок совершило действия по выполнению указанных в них условий, т.е. акцептовало ее конклюдентными действиями. Получается, что если мы допускаем возможность применения положений гражданского законодательства к отношениям по поводу электронной подписи (и, следовательно, персональных данных), можно создать механизм получения согласия субъекта персональных данных, которое будет признаваться равнозначным содержащему собственноручную подпись и исполненному на бумажном носителе, но при этом все отношения между сторонами будут полностью реализованы в электронной форме!

В контексте рассмотрения интернет-права как учебной дисциплины, не менее важно отметить и ее связь с другими правовыми дисциплинами. И здесь вновь проявляется специфика подхода: если интернет-право представляет собой комплексный межотраслевой правовой институт, то по своей природе оно связано практически со всеми другими отраслевыми дисциплинами. При этом если следовать теоретическому подходу Л. Лессига, интернет-право также связано и с комплексом теоретических и даже исторических правовых дисциплин, хотя данная область в российской науке на сегодняшний день относится к числу наименее исследованных. Предметом *общей теории права* является совокупность наиболее общих представлений о праве, и именно эти представления сейчас проходят «испытание» информационно-телекоммуникационными технологиями.

Это интересно

Классическим разделом, который можно встретить практически в любом учебнике по общей теории права или дисциплине, названной иначе, но имеющей тот же предмет, является раздел о действии закона во времени, пространстве и по кругу лиц. Чаще всего содержание таких разделов исчерпывается общеизвестными подходами, основанными на положениях международного публичного права, и связанными преимущественно с «физическими» аспектами социальной реальности (государственные границы, континентальный шельф и т.п.), а также классическими подходами к экстерриториальности в контексте международного дипломатического и консульского права. Однако изучение проблем интернет-права со всей наглядностью подсказывает, что сейчас общество и государство столкнулось с необходимостью выра-

ботки совершенно новых подходов к действию закона как минимум в пространстве, исходя из концепции «виртуального суверенитета» и общего представления о том, что государство должно оказывать управляющее воздействие в том числе правовыми способами не только на «реальную» территорию, но и на «виртуальную». Особенно это актуально в информационном обществе, где информация осознанно воспринимается как ценный ресурс, имеющий серьезное экономическое значение.

Любопытно, что и другие науки теоретического и исторического цикла могут быть релевантны предмету интернет-права в широком смысле слова — в частности, *история правовых и политических учений* содержит немало исторических подходов к пониманию того, как должно быть организовано человеческое общение в обществе, и многие модели такой организации и управления мы можем сейчас наблюдать в различных сетевых сообществах. Интернет еще молод для того, чтобы его правовое регулирование могло бы стать предметом *истории государства и права*, однако многие подходы к регулированию тех институтов, которые получили особую актуальность в цифровую эпоху (например, неприкосновенность частной жизни или, собственно, авторское право), имеют серьезные исторические прототипы, которые могут стать хорошим предметом диахронного сравнительного анализа. А само *сравнительное правоведение* неизбежно имеет методологический потенциал в контексте правовых интернет-исследований, поскольку анализ правового регулирования информационно-телекоммуникационных технологий, глобальных по своей сути, не может не быть основан на сравнительно-правовом методе.

Что касается отраслевых наук, то связь здесь очевидна, и вряд ли имеет смысл перечислять все отраслевые науки в данном фрагменте. Остановившись на самом главном, и подчеркивая ту очевидную мысль, что интернет-право, как и другие дисциплины, не может быть не основано на релевантной части *конституционно-правовых* знаний, следует прежде всего отметить *гражданское право*. Гражданское право в контексте интернет-права интересно не только особенностями заключения договоров в электронной форме, но и с точки зрения практически всех остальных своих правовых институтов в той части, в которой отношения могут быть опосредованы информационно-телекоммуникационными технологиями и при этом находиться как бы под воздействием системных правовых проблем регулирования сети Интернет. Кроме того, многие объекты, составляющие неотъемлемую часть интернет-инфраструктуры (в широком смысле слова), сами по себе часто регулируются нормами права интеллектуальной собственности, что также должно учитываться в контексте преподавания, неизбежно предполагающем взаимосвязь с данной частью гражданского права.

Кроме того, совершенно очевидно, что интернет-право в принципе невозможно без *международного частного права*, которое содержит немало ценных теоретических и практических подходов к разрешению правовых проблем, возникающих в отношениях с иностранным элементом, тогда как отношения в сети Интернет практически всегда, в той или иной степени, такой элемент содержат.

Тесты

1. Предмет интернет-права как науки может быть определен как:
 - а) сеть Интернет;
 - б) информационное право;
 - в) совокупность знаний о правовом регулировании информации;
 - г) совокупность знаний о правовом регулировании отношений, опосредуемых сетью Интернет.

2. В число методов интернет-права как науки входят:
 - а) только метод системного анализа и сравнительно-правовой метод;
 - б) только общенаучные методы;
 - в) только частнонаучные методы;
 - г) общенаучные и частнонаучные методы, обусловленные конкретными научными задачами.

3. Интернет-право в системе юридических наук связано:
 - а) со всеми дисциплинами, кроме общей теории права;
 - б) со всеми дисциплинами, кроме уголовного права;
 - в) только со специальными юридическими дисциплинами;
 - г) со всеми дисциплинами, в зависимости от того, охватываются ли отношения, опосредуемые сетью Интернет, их предметом.

4. Из всех иных наук наиболее тесно интернет-право связано:
 - а) с математикой;
 - б) с информационной наукой;
 - в) с физикой;
 - г) с информатикой.

5. Причина, по которой судья Ф. Истербрук сравнивал «киберправо» с «лошадиным правом», заключалась в том, что:
 - а) по его мнению, «киберправо» лишено предметного единства;
 - б) «киберправо» не входит в программы университетов;
 - в) «киберправо» представляет собой искусственный термин, призванный заменить авторское право;
 - г) «киберправо» связано с регулированием смежных с «лошадиным правом» отношений.

6. На чем, по мнению Л. Лессига в данном контексте, во многом построено правовое регулирование в «реальном» пространстве?
 - а) на интересах частных лиц;
 - б) на интересах государства;
 - в) на «архитектуре» реального пространства;
 - г) на предшествующей практике правоприменения.

7. В чем заключается смысл примера с «разделением коммуникативного пространства» на примере права неприкосновенности частной жизни согласно Л. Лессигу?
 - а) в том, что неприкосновенность частной жизни является фундаментальным правом человека;
 - б) в том, что обнаружить нарушение данного права в киберпространстве сложно или практически невозможно, в отличие от реального мира, что отражает архитектурные особенности одного и другого;
 - в) в том, что неприкосновенность частной жизни в Интернете может нарушаться без вреда для гражданина в целях обеспечения безопасности государства;

г) в том, что неприкосновенность частной жизни является искусственной конструкцией.

8. С точки зрения Л. Лессига, архитектура сети Интернет в качестве своей отличительной особенности в смысле правового регулирования допускает использование:

- а) нарушения неприкосновенности частной жизни;
- б) кода;
- в) правового обычая;
- г) неконтролируемого распространения информации.

Рекомендуемая литература

Волков, Ю. В. Перспективы технологического метода в юриспруденции / Ю. В. Волков // Многоконцептуальность в науке. Материалы международной научной конференции, посвященной 65-летию профессора Б. В. Личмана / под ред. проф. В. В. Запария. — Екатеринбург : Изд-во УМЦ-УПИ, 2011. URL: <http://www.russianlaw.net/files/law/doc/a277.pdf>.

Горшкова, Л. В. Место норм, регулирующих сеть Интернет, в системе российского права / Л. В. Горшкова // Информационные ресурсы России. — 2005. — № 3. URL: http://www.aselibrary.ru/datadocs/doc_284bo.pdf.

Кузнецов, П. У. Актуальные проблемы формирования знаний в области информационного права / П. У. Кузнецов, Е. В. Дженакова // Информационное право. — 2015. — № 2.

Ларош, П. О будущем информационного права как особой предметной сферы права / П. Ларош / пер. Ю. Волкова. — 2008 // Право и Интернет. Персональный сайт В. Б. Наумова. URL: <http://www.russianlaw.net/files/law/doc/a281.pdf>.

Easterbrook, F. H. Cyberspace and the Law of the Horse / F. H. Easterbrook // University of Chicago Legal Forum. 1996. P. 207. URL: http://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2147&context=journal_articles.

Lessig, L. Code. Version 2.0 / L. Lessig. — N. Y. : Basic Books, 2006. URL: <http://www.codev2.cc/download+remix/Lessig-Codev2.pdf>.

Lessig, L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach / L. Lessig // Berkman Center for Internet & Society at Harvard University. URL: http://cyber.law.harvard.edu/publications/1999/The_Law_of_the_Horse.

Раздел II

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Глава 4

ИНТЕРНЕТ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- основные положения, относящиеся к предпосылкам правового регулирования отношений в сети Интернет, в том числе относящиеся к архитектуре сети Интернет, определениям сети Интернет, информационным и коммуникационным аспектам регулирования;

- сущность и содержание основных понятий, категорий, институтов, правовых статусов субъектов, правоотношений в контексте правового регулирования сети Интернет;

уметь

- оперировать юридическими понятиями и категориями, связанными с предпосылками правового регулирования отношений в сети Интернет;

- анализировать юридические факты и возникающие в связи с ними правовые отношения, относящиеся к правовому регулированию отношений в сети Интернет;

- анализировать, толковать и правильно применять правовые нормы, относящиеся к правовой квалификации информации в контексте правового регулирования отношений в сети Интернет;

владеть

- юридической терминологией в области интернет-права, относящейся к предпосылкам правового регулирования отношений в сети Интернет;

- навыками анализа различных правовых явлений, юридических фактов, правовых норм и правовых отношений, связанных с общими вопросами правового регулирования отношений в сети Интернет.

4.1. Архитектура сети Интернет

Сеть Интернет с точки зрения технологии

Для целей настоящего издания и дисциплины не требуются специальные технические познания, относящиеся к информационным наукам, кроме того, на сегодняшний день у многих читателей уже сформированы базовые представления о том, что представляет собой Интернет с технической точки зрения. Вместе с тем имеет смысл еще раз осветить основные технические особенности сети Интернет для того, чтобы определить их взаимосвязь с системными и частными правовыми проблемами регулирования отношений в пространстве информационно-телекоммуникационных сетей, поскольку именно они задают основной характер правовых проблем.

Сам термин **Интернет** («*Internet*») этимологически восходит к словосочетанию «*interconnected networks*», т.е. «взаимосоединенные сети» (а не «*international network*», т.е. «международная сеть», как можно было бы предположить). Исходя именно из этого понимания и строится глобальная паутина. Логика здесь следующая¹. В условной исходной ситуации можно представить, что один компьютер (или, говоря языком российского законодательства, электронная вычислительная машина или, сокращенно, ЭВМ) может функционировать независимо от других. Именно так, например, значительная часть пользователей «жила» в информационном пространстве в России еще в первой половине 1990-х гг., обмениваясь друг с другом информацией первоначально на дискетах.

В то же время практически всегда компьютеры могли быть объединены между собой в сеть посредством кабеля — например, для передачи данных. Уже такое простое объединение, по сути, образует компьютерную сеть. При этом для управления таким соединением требуются определенные программные средства. Далее несколько компьютеров могут быть объединены в **локальную сеть** (*LAN — Local Area Network*). Как правило, это имеет организационное и экономическое значение в той ситуации, когда несколько компьютеров используются в рамках одной обособленной деятельности. На практике локальные сети существуют в большинстве организаций. Исторически локальные сети образовывали и интернет-провайдеры, предоставляя всем своим клиентам доступ к различным ресурсам внутри этой сети.

Далее, компьютеры, которые должны быть по разным причинам объединены в сеть на значительной территории, выходящей, как правило, за пределы одной организации, могут быть объединены в **региональную сеть** (*WAN — Wide Area Network*), которая предполагает более высокий масштаб, чем локальная сеть и также может предполагать использование программных и аппаратных средств более высокого уровня. И нередко региональные сети объединяют как индивидуальные компьютеры, так и различные локальные сети — и, по сути дела, уже образовывают «сеть сетей» в определенном масштабе.

Интернет представляет собой, говоря простым языком, глобальную компьютерную сеть, условно, — техническое объединение всех возможных локальных сетей, региональных сетей и индивидуальных компьютеров. Такое объединение было бы невозможным, если бы в Интернете не использовались унифицированные **протоколы передачи данных**, которые позволяют компьютерам взаимодействовать между собой, передавая информацию.

На сегодняшний день единство процедур передачи данных в сети Интернет обусловлено использованием набора сетевых протоколов, известных как «*TCP/IP*» — «*Transmission Control Protocol*» и «*Internet Protocol*».

¹ На сегодняшний день доступно множество различных описаний того, как устроен Интернет. Случайным примером может послужить инструкция для пользователей Университета Лидса, доступная по одной из первых ссылок поисковых механизмов при запросе по соответствующим ключевым словам, см.: An introduction to the Internet, Internet concepts, the programs necessary to use the Internet and how to connect to the Internet // University of Leeds. Information Systems Services. 2004. URL: <http://iss.leeds.ac.uk/downloads/ove8.pdf> (дата обращения: 14.01.2016).

В самом общем смысле протоколы передачи данных определяют, говоря языком информатики, на логическом уровне обмен данными между различными программами. С точки зрения архитектуры они содержат прикладной уровень (*application layer*), транспортный уровень (*transport layer*), сетевой уровень (*Internet layer*) и «канальный» уровень, или уровень связи (*link layer*), причем каждый из которых используется для разрешения различных задач, объединенных общей целью передачи данных.

Рассмотрение технических аспектов функционирования протоколов выходит за пределы настоящего учебника, в центре которого находятся юридические проблемы регулирования отношений в сети Интернет, скорее, на общем уровне приближения, однако для правовых аспектов важно, что *сеть Интернет (в отличие от информационно-телекоммуникационных сетей как общего понятия) индивидуализируется именно по критерию использования протоколов TCP/IP*. Кроме того, некоторые аспекты, связанные с работой протоколов, могут иметь значение для архитектурного подхода к правовому регулированию отношений в сети Интернет — правовое воздействие на протокол, как будет показано далее, «автоматически» оказывает опосредованное правовое воздействие на более высокие уровни интернет-архитектуры, находящиеся над протоколом, например, уровень контента как такового.

Это интересно

Одним из основных элементов, относящихся, скорее, к прикладному уровню протоколов *TCP/IP*, является протокол *UDP (User Datagram Protocol)*, который оптимален для обработки небольших запросов, поступающих на серверы от значительного числа клиентов. Посредством данного протокола возможна пересылка сообщений по сети без необходимости предварительного сообщения для установки специальных каналов передачи или путей данных и без подтверждения о доставке. В последнее время (к дате написания настоящего текста) приводилась статистика, согласно которой большое количество торрент-трекеров перешли на использование протокола *UDP* вместо *TCP*. Некоторое время назад в сети появилась информация о том, что в связи с этим, в том контексте, что торрент-трекеры широко используются для распространения контента с нарушением интеллектуальных прав, Институт развития Интернета России предложил ввести ответственность за использование юридическими лицами трафика по протоколу *UDP*. Это решение неоднозначно, поскольку сам по себе протокол *UDP* едва ли может рассматриваться как «пиратский», однако логика такого предложения заключается именно в «сильном архитектурном воздействии» на уровень протокола сети Интернет, который «автоматически» затруднит использование всех приложений, в том числе используемых для распространения «пиратского» контента. Впоследствии, однако, данная информация была опровергнута¹.

Сетевые адреса и доменные имена

Из сказанного выше следует, что сеть Интернет представляет собой глобальную сеть локальных и региональных компьютерных сетей, а также индивидуальных компьютеров, единство которой технически обеспечивается использованием единого протокола — *TCP/IP*. Как осуществляет-

¹ Лихачев Н. Глава института развития Интернета опроверг наличие планов по блокировке торрентов на уровне протокола // TJ. URL: <https://tjournal.ru/p/iri-media-map-torrents> (дата обращения: 14.01.2016).

ся идентификация ключевых узлов в сети Интернет и навигация между ними? Для этого используются **IP-адреса (сетевые адреса)** и **доменные имена**.

Устройство¹, подключенное к сети, должно быть как-либо идентифицировано для того, чтобы к нему можно было обращаться, причем идентифицировано оно должно быть как для других устройств (компьютеров), так и для человека. При этом очевидно, что такая идентификация может различаться с точки зрения оптимальности восприятия. С использованием компьютера проще обрабатывать информацию, выраженную в цифрах и числах, тогда как человеку — информацию, выраженную средствами естественного языка.

IP-адрес представляет собой своего рода «числовой ярлык», который распределен для устройства и как бы «навешен» на него в сети для того, чтобы разрешить проблему идентификации устройства и навигации к нему через сеть. Основной принцип IP-адреса — это машиночитаемость, хотя очевидно, что он также и человекочитаем, но с меньшим удобством для запоминания и выполнения любых других не технических, а юридических функций, например, индивидуализации товаров и услуг подобно товарным знакам. Например, IP-адрес сайта издательства «Юрайт» (<http://www.urait.ru/>) — 213.108.253.14. Данный IP-адрес относится к наиболее распространенному сейчас протоколу IPv4 (протокол IP версии 4)².

Это интересно

Для того чтобы привести в вышеуказанном примере IP-адрес, автор воспользовался командой «*ping*» в командной строке Windows применительно к доменному имени www.urait.ru (набрав в строке, доступной при нажатии на кнопку «Пуск» «*cmd*» для запуска командной строки и введя в ней «*ping www.urait.ru*»). Это один из нескольких доступных способов узнать IP-адрес по доменному имени. На сайт издательства при этом можно зайти, набрав в строке браузера как доменное имя, так и IP-адрес. Этот способ будет давать однозначные результаты в том случае, если с IP-адресом ассоциировано одно доменное имя. В юридической практике, связанной с отношениями в сети Интернет, часто бывает необходимым идентифицировать устройства по IP-адресам, для чего может быть использован именно такой подход.

Соответственно, в отличие от IP-адреса, основная задача **доменного имени** — обеспечить удобный для запоминания и идентификации средствами преимущественно естественного языка способ определения интернет-сайтов. Устройства как бы взаимодействуют между собой посредством IP-адресов, имеющих числовое выражение, но этого явно было бы недостаточно для реального использования адресации в общественных отношениях.

¹ В современных условиях «Интернета вещей» будет более точным говорить «устройство», чем «компьютер», если только не использовать последний термин в максимально широком (но юридически верном) смысле любой ЭВМ. Сейчас практически любое устройство, включающее ЭВМ, может быть подключено к Интернету — вплоть до бытовой техники.

² Количество адресов в данном протоколе логически ограничено, и они фактически уже исчерпаны на данный момент. В скором времени мы можем ожидать рост популярности протокола IPv6 (протокол IP версии 6, который предполагает иной формат и большее количество возможных адресов).

В случае если бы в сети Интернет использовались бы только сетевые адреса, приходилось бы запоминать IP-адрес каждого интернет-ресурса, а это не соответствует как интересам потребителей, так и интересам бизнеса. В определенном смысле появление и развитие системы доменных имен обусловлено экономическим спросом на определенный способ выражения информации, доступный для широкого использования в самых разных сферах коммуникации. Для потребителей при этом наиболее важной является простота запоминания и обращения, тогда как для бизнеса — возможность использовать доменные имена в маркетинге, а для публичных организаций — в целом как одно из средств стратегической коммуникации с аудиторией.

Также принципиально важным моментом является то, что *один IP-адрес может быть связан с несколькими доменными именами* (отсюда следует, например, что блокировка одного сайта по IP-адресу может привести к блокировке целого ряда ресурсов, содержательно и административно не связанных с блокируемым, что может нарушить права владельцев таких «третьих» сайтов).

Концепция уровней интернет-архитектуры

Можно допустить несколько различных способов конструирования формальной модели интернет-архитектуры, которые можно было бы использовать в целях развития правового регулирования отношений в сети Интернет и в целом — для разрешения различных правовых проблем, связанных с глобальной сетью. Одним из наиболее наглядных (для увязывания того, как Интернет организован с технической точки зрения, и того, как он может регулироваться) является подход, в центре которого находятся **уровни интернет-архитектуры**.

Мнение специалистов

Данный подход полноценно представлен в работе Л. Б. Солума и М. Чанга «Принцип уровней: интернет-архитектура и право»¹. Авторы предлагают рассматривать сеть Интернет в контексте правового регулирования не столько с точки зрения различных партикулярных проблем (а именно этот подход мы наблюдаем сейчас в большинстве юрисдикций — государства разрешают правовые проблемы, связанные с сетью Интернет, скорее, по мере их поступления, а не на основе какого-либо системного и фундаментального подхода к регулированию отношений в глобальной сети), сколько с точки зрения нескольких уровней, на которые может быть разбита архитектура сети Интернет.

Они, в частности, выделяют следующие уровни интернет-архитектуры:

- 1) **уровень контента**, включающий в себя информацию, которой пользователи (в широком смысле слова) обмениваются между собой;
- 2) **уровень приложений**, включающий в себя программное обеспечение, которое используется при взаимодействии посредством Интернета;
- 3) **уровень передачи** данных («транспортный» уровень), включающий в себя протокол *TCP*, разбивающий данные на пакеты;
- 4) **уровень интернет-протокола**, включающий в себя протокол *IP*, определяющий порядок передачи данных;

¹ *Solum L., Chung M. The Layers Principle: Internet Architecture and the Law // Social Science Research Network. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=416263 (дата обращения: 14.01.2016).*

5) **уровень связи** («*link layer*»), включающий в себя интерфейс между устройствами пользователей и физическим уровнем;

6) **физический уровень** — все физические устройства, включая провода, оптоволоконные кабели, устройства спутниковой связи и т.п.

Основная идея, развиваемая авторами в рамках данного подхода, заключается в том, что правовое воздействие возможно на каждый из этих уровней отдельно, но при этом воздействие на каждый нижестоящий уровень будет «автоматически» воздействовать и на вышестоящий. Самый простой и грубый пример: правовое воздействие на физический уровень будет воздействовать на все вышестоящие уровни, вплоть до уровня контента. Например, запрет на использование любых ЭВМ в принципе относился бы, скорее, к физическому уровню, но было бы весьма затруднительно нарушить авторские права в Интернете, если Интернета как такового не существует по причине невозможности использования устройств, которые могли бы быть объединены в глобальную сеть. Более мягкий пример: отсутствие в социальных сетях технической возможности загружать видеофайлы (уровень приложений) привело бы к невозможности нарушения таким способом авторских прав на кинофильмы. Читатель может продумать еще несколько аналогичных примеров — как гипотетических, так и основанных на реальной практике.

При этом допустимо привести и несколько практических примеров из актуальной практики регулирования отношений в сети Интернет в Российской Федерации.

Это интересно

Правовые конфликты, связанные с распространением порочащей информации в сети Интернет, в рамках данной модели, разрешаются преимущественно на уровне контента, а ограничение информации в соответствии со ст. 15.1 Закона об информации (например, детской порнографии) предполагает смешанную процедуру: сначала хостинг-провайдеру и владельцу сайта предлагается удалить контент (уровень контента), но если этого не происходит, осуществляется блокировка сайта (уровень интернет-протокола). В особо острых ситуациях, когда правоохранительные органы изымают у нарушителей сетевое оборудование, правовое воздействие, очевидно, осуществляется на физическом уровне.

Проблема адекватности правового регулирования

Основной проблемой правового регулирования общественных отношений, связанных с инновационными технологиями, в нашем случае — с сетью Интернет, является скорость развития данных технологий, несопоставимая с «нормальным ходом» как законотворческого процесса, так и правотворчества в широком смысле слова¹. Право по своей

¹ Например, с точки зрения одного из авторов концепции «технологической сингулярности» Р. Курцвейла, в некоторых системах, включая развитие технологий, действует «закон ускоряющейся отдачи», согласно которому такие системы развиваются экспоненциально — как если бы темп развития данных технологий мог бы быть выражен геометрической прогрессией, подразумевающей в том числе, что последующие изменения наступают быстрее, чем предшествующие.

природе консервативно. При этом еще древнегреческие мыслители писали о том, что полноценный закон как таковой, по своей сути, не может стать основой жизни общества за небольшой промежуток времени и требует для этого нескольких поколений.

В различных правовых системах можно найти много подтверждений данному тезису. Основное из них заключается в том, что само правовое регулирование отношений в сети Интернет, не считая отдельных вопросов, не имеющих прямой связи с системными правовыми проблемами данной сети (таких как, например, проблема соотношения прав на доменные имена и товарные знаки, известная уже давно и решение которой незначительно отстало от развития технологического аспекта), появилось довольно поздно. Характерным социальным отражением такого положения дел стало то, что у многих пользователей к моменту появления правового регулирования, прямо нацеленного на сеть Интернет, уже сложилось впечатление о глобальной сети как о виртуальном пространстве, где реальные законы либо не действуют в принципе (в том числе сюда относится концепция Интернета как отдельной юрисдикции), либо практически неприменимы на практике. Соответственно, любые инициативы по регулированию Интернета в некотором смысле предсказуемо воспринимались как реальное вмешательство в уже сложившиеся отношения и при этом как потенциальное посягательство на права и свободы человека и гражданина, ни больше ни меньше. Однако объективно следует признать, что *правовое регулирование сети Интернет появляется там, где отношения в данной сети перестают относиться к субкультуре.*

Так, например, в России 1990–2000-х гг., особенно в первой половине данного временного отрезка, Интернет в большей степени относился к субкультуре (в широком смысле этого слова), которая объединяла энтузиастов, что, в данном случае, является характерным признаком субкультуры, пусть такие энтузиасты и относились к широкому кругу профессиональных областей, включая инженеров-электронщиков, специалистов по информационной безопасности, по шифрованию, программистов и т.п. Необходимость прямого законодательного регулирования области отношений, которая полностью или в значительной части ограничена определенным числом людей, у которых есть объединяющий признак (например, в виде предрасположенности), явно способствующий саморегулированию в данной области, может быть поставлена под сомнение. В то же время с 2000-х гг. начинается стремительное проникновение Интернета во все области деятельности российского общества, и в число пользователей сети начинает входить все больше и больше людей, которых сложно отнести к числу именно энтузиастов информационных технологий. Если раньше статус «пользователя Интернета» подразумевал наличие определенного и нередко высокого уровня компьютерной грамотности, то на данный момент этот признак едва ли является определяющим для большей части пользователей, и данная тенденция становится лишь более интенсивной. Широкое распространение и диверсификация функциональности мобильных устройств, внедрение интернет-технологий в самые разные аспекты социальной и образовательной сферы свидетельствуют о том и делают

установку на то, что «среднестатистический пользователь» уже не обладает какими-либо особыми компьютерными навыками и знаниями. Это в том числе означает, что для такого пользователя в Интернете выше риски, а возможность найти между такими пользователями какой-либо объединяющий признак (аналогично энтузиазму, присущему пользователям на раннем этапе развития сети), который способствовал бы соблюдению неартикулированных этических стандартов, формированию гражданско-правовых обычаев и саморегулирования, значительно ниже.

Таким образом, с учетом того, что интернет-технологии из субкультуры стали элементом культуры массовой и «официальной», законодательное регулирование отношений, связанных с такими технологиями, представляет собой предсказуемо закономерный процесс. Вместе с тем проблема соответствия между темпами правотворчества и развития информационных технологий остается, и причем она весьма остра. Интернет как бы опережает законодательство на один или даже несколько шагов вперед. Например, первая редакция Закона об информации (27 июля 2006 г.) уже содержала понятие «сайта в сети “Интернет”», но не содержала никаких более принципиальных уточнений понятий либо норм, имеющих отношение к характерным (и требующим какого-либо разрешения) отношениям в сети.

Обратим внимание, что с точки зрения истории развития сети Интернет и анализа данных тенденций период примерно с 2005 по 2009 г. уже может быть описан как период, относящийся к расцвету Web 2.0¹, с его «задействованием коллективного интеллекта» посредством стимулирования пользовательского контента, использования различных аналитических технологий, и формирования широких и популярных площадок для публичного взаимодействия пользователей. Такие системные правовые проблемы регулирования сети Интернет, как идентификация пользователей, определение юрисдикции и пределы ответственности информационных посредников, актуализируются именно на этапе Web 2.0, но свое отражение в российском законодательстве они постепенно начнут находить много позже. Первым относительно прямолинейным ответом на такие вызовы в российском законодательстве можно считать, пожалуй, определение особенностей ответственности информационного посредника в разрезе гражданско-правовых отношений и интеллектуальных прав в ст. 1253.1 ГК РФ, введенной Федеральным законом от 02.07.2013 № 187-ФЗ, т.е. примерно через семь лет после принятия Закона об информации, нацеленного в том числе на регулирование отношений в сети Интернет.

4.2. Интернет и правовое регулирование: понятие и подходы

Проблема законодательного определения сети Интернет

Интернет — это глобальная сеть сетей, объединенная едиными протоколами передачи данных. В силу ее международной природы

¹ См.: O'Reilly T., Battelle J. Web Squared: Web 2.0 Five Years On // Web 2.0 Summit Oct. 20-22, 2009. URL: <http://www.web2summit.com/web2009/public/schedule/detail/10194> (дата обращения: 14.01.2016).

сложно говорить о регулировании сети Интернет в целом, но отдельные отношения, складывающиеся в сети Интернет, тем не менее требуют правового регулирования на национальном уровне, а это, в свою очередь, предполагает юридически-значимое понимание того, как следует определять сеть Интернет в правовых целях.

Понятие сети Интернет закреплено на законодательном уровне далеко не во всех странах. Примером страны, в которой данное понятие определено нормативным правовым актом, являются Соединенные Штаты Америки. Так, п. 5 параграфа 5362 подраздела IV гл. 53 разд. 4 титула 31 Кодекса Соединенных Штатов¹ определяет термин Интернет как *международную компьютерную сеть сетей данных, взаимодействующих между собой на основе пакетной коммутации (the term «Internet» means the international computer network of interoperable packet switched data networks)*². Любопытно, что титул 31, в котором содержится данное определение, называется «Деньги и финансы» («Money and Finance»), разд. 4 — «Деньги» («Money»), гл. 52 — «Денежные операции» («Monetary Transactions»), а подраздел IV — «Запрет на финансирование незаконной деятельности по организации азартных игр в сети Интернет» («Prohibition on Funding of Unlawful Internet Gambling»)³. Также примечательно (но это, скорее, совпадение), что данный пункт был введен в США в 2006 г., в тот же год, когда в Российской Федерации был принят Закон об информации.

Что касается определения термина «сеть Интернет», собственно, в Российской Федерации, несмотря на то что сам термин (в кавычках и без таковых) используется в целом ряде отечественных правовых актов, действующее российское законодательство не содержит прямого определения данного термина. Вместе с тем *системное толкование* позволяет прийти к следующим выводам.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим отношения в сети Интернет в Российской Федерации является Закон об информации. Впервые термин «сеть Интернет» упоминается в данном нормативном правовом акте в п. 13 ст. 2. Данный пункт был введен Федеральным законом от 28.07.2012 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴, и он

¹ Кодекс Соединенных Штатов по своей правовой природе с точки зрения российской правовой доктрины представляет собой результат *систематизации законодательства*, но, скорее, не *кодификацию*, а *официальную инкорпорацию*, поскольку законодательные акты в нем систематизируются преимущественно по тематическому основанию, но без изменения содержания соответствующих актов.

² См. например: 31 U. S. Code § 5362 — Definitions / U. S. Code // Cornell University Law School. URL: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/31/5362> (дата обращения: 14.01.2016).

³ Данная ситуация наглядно демонстрирует один из характерных признаков общей правовой политики регулирования сети Интернет: в тех юрисдикциях, где сеть Интернет регулируется давно, такое регулирование начиналось с «точечных» вопросов, в основе которых лежала не сама сеть Интернет, а отдельные связанные с ней аспекты, как правило, воспринимаемые особенно «чувствительно» с точки зрения общественной морали.

⁴ Данный Закон получил широкую известность в России, как в самом интернет-сообществе, так и среди специалистов, занимающихся проблемами правового регулирования ☺

определяет понятие **сайта в сети Интернет** как совокупность программ для ЭВМ и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети Интернет. Из этого определения видно, что сеть Интернет — разновидность информационно-телекоммуникационной сети.

Понятие информационно-телекоммуникационной сети раскрывается в п. 4 ст. 2 Закона об информации. **Информационно-телекоммуникационная сеть** — технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники. Таким образом, можно заключить, что «**сеть Интернет**» с точки зрения российского законодательства — частный случай информационно-телекоммуникационной сети. Поскольку сайт в сети Интернет является основным системообразующим инфраструктурным элементом глобальной паутины, можно предположить, что «сеть Интернет» допустимо интерпретировать как информационно-телекоммуникационную сеть, объединяющую информационные системы, доступ к которым осуществляется по доменным именам и (или) по сетевым адресам.

В свою очередь, доменное имя определяется как обозначение символами¹, предназначенное для адресации сайтов в сети Интернет в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети Интернет (п. 15 ст. 2 Закона об информации), а сетевой адрес — идентификатор в сети передачи

Отношений в сети Интернет в теории и на практике, под названием «Закон о черном списке сайтов» (см., например: Закон о черном списке сайтов вступил в силу в России. CMS Client Alert // Сайт юридической фирмы CMS. URL: <http://www.cmslegal.ru/newsmedia/newsletters/newsletterdetail/pages/default.aspx?PublicationGuid=1ddcd807-4f34-4f57-bcfd-270fc063ae2d> (дата обращения: 14.01.2016) и под иными аналогичными названиями. Дело в том, что данным Законом в Закон об информации были введены первые нормы, позволяющие уполномоченным органам государственной власти обеспечивать блокировку сайтов, содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (например, материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних), и вносить их в особый реестр, поддерживаемый Роскомнадзором — Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

¹ С точки зрения юридической техники определение доменного имени как обозначения *символами* не представляется идеальным, поскольку сетевой (т.е. IP) адрес, по сути, также представляет собой обозначение *символами*. Разумеется, с технической точки зрения различие между доменными именами и IP-адресами очевидно — доменные имена предназначены для осмысленного и, скорее, «эстетически адекватного» восприятия человеком, тогда как IP-адреса — машиночитаемы. Вместе с тем, строго говоря, IP-адреса так же представляют собой обозначения *символами*. Причем если IP-адреса протокола IPv4 выражены только цифрами и разделяющих их точками (что как раз и можно рассматривать как символы) — например, «192.168.0.0» (известный пример IP-адреса протокола IPv4 для частной сети), то IP-адреса протокола IPv6 также содержат буквы естественного языка — например, «2001:0db8:11a3:09d7:1f34:8a2e:07a0:765d» (пример из статьи IPv6 // Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/IPv6> (дата обращения: 14.01.2016).

данных, определяющий при оказании телематических услуг связи¹ абонентский терминал или иные средства связи, входящие в информационную систему (п. 16 ст. 2 Закона об информации).

Соответственно, из системного толкования Закона об информации следует, что под **сетью Интернет** понимается технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники [часть доктринального определения, основанная на законодательном определении информационно-телекоммуникационной сети] по доменным именам и (или) сетевым адресам [часть доктринального определения, основанная на законодательном определении сайта в сети Интернет].

Представленный подход — один из возможных в рамках формально-догматического метода, основанного на системной интерпретации действующего российского законодательства.

Интернет как информационно- телекоммуникационная сеть

В российском законодательстве в различных правовых актах используется несколько альтернативных терминов: «сеть Интернет», «информационно-телекоммуникационная сеть “Интернет”», «информационно-телекоммуникационная сеть». Часто данные термины, исходя из системного толкования норм, в которых они используются, применяются как синонимы, однако, строго говоря, это следует, скорее, считать ошибкой в юридической технике.

Понятие «информационно-телекоммуникационная сеть» следует рассматривать как родовое понятие по отношению к понятиям «сеть Интернет» и «информационно-телекоммуникационная сеть “Интернет”». Следовательно, строго говоря, при интерпретации данных понятий нужно исходить из того, что в тех случаях, когда речь идет об «информационно-телекоммуникационной сети» можно говорить как об Интернете, так и о сети, действующей по протоколу, отличному от того, что используется в инфраструктуре Интернета и (или) использует принципиально иную архитектуру и технологии.

Понятие «информационно-телекоммуникационная сеть» следует рассматривать как родовое понятие по отношению к понятиям «сеть Интернет» и «информационно-телекоммуникационная сеть “Интернет”». Следовательно, строго говоря, при интерпретации данных понятий нужно исходить из того, что в тех случаях, когда речь идет об «информационно-телекоммуникационной сети» можно говорить как об Интернете, так и о сети, действующей по протоколу, отличному от того, что используется в инфраструктуре Интернета и (или) использует принципиально иную архитектуру и технологии.

¹ Прямое определение термина «телематические услуги связи» в российском законодательстве отсутствует, вместе с тем из п. 2 постановления Правительства РФ от 10.09.2007 № 575 «Об утверждении правил оказания телематических услуг связи» (но не самих утверждаемых правил) следует, что оператор телематических услуг связи должен обеспечивать предоставление абоненту и (или) пользователю: а) доступ к сети связи лицензиата (т.е. оператора связи, получающего лицензию на оказание телематических услуг связи); б) доступа к информационно-телекоммуникационным системам информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе к сети Интернет; в) приема и передачи телематических электронных сообщений. Очевидно, что данное контекстуальное определение несовершенно с точки зрения формальной логики, поскольку определяемый термин «телематический» используется в самом определении. В данном случае, основываясь на правилах грамматического толкования правовых текстов, имеет смысл обращаться, скорее, к юридической практике, связанной с применением данного термина, интерпретируемой в контексте технологических подходов.

Таким образом, если Закон говорит об «информационно-телекоммуникационной сети», соответствующая правовая норма может быть применена и к различным «закрытым» сетям, например оборонных ведомств.

Юридически-значимые аспекты истории развития Интернета

Понимание исторических этапов развития сети Интернет в контексте системных правовых проблем регулирования отношений в данной глобальной информационно-телекоммуникационной сети позволяет, прежде всего, более точно сформулировать юридически-значимые особенности того этапа, на котором сейчас находится информационное общество, а также определить степень динамики развития правовых аспектов в сети.

Первый из этапов условно можно назвать **экспериментальным**¹. На данном этапе компьютерные сети только начали разрабатываться, и использовались исключительно в научно-исследовательских и, в отдельных случаях и в определенной форме, для оборонных целей.

Первые эксперименты в области обмена данных между компьютерами, как правило, относят к 1960-м гг. В период примерно 1960—1970-х гг. создается несколько экспериментальных сетей на основе различных протоколов: Mark I в Великобритании, ARPANET — в США, CYCLADES — во Франции и др.

Это интересно

По различным данным², начиная со второй половины 1950-х гг. в СССР также обсуждались идеи и проводились эксперименты по созданию компьютерных сетей, при этом, вероятно, преследовалось как минимум две системных цели: во-первых, использование оборонных компьютерных сетей в военных целях; во-вторых, развитие компьютерных сетей с целью интегрированного управления экономикой в рамках административно-плановой системы (отметим, что компьютерная сеть в масштабах всей страны могла бы, теоретически, оказаться эффективной для этих целей). В то же время в общедоступных источниках сейчас имеется крайне мало достоверной информации на этот счет, однако история развития подходов к компьютерным сетям в СССР сейчас, определенно представляет как минимум научно-исследовательский интерес.

В 1974—1976-х гг. Вент Серф и Боб Кан (США) разрабатывают первый вариант протокола TCP и внедряют его в составе «набора» TCP/IP в сеть ARPANET — американскую оборонную сеть, которая послужила прототипом и технологической основой современного Интернета.

Любопытно также отметить и развитие онлайн-игровых технологий, которое также пришлось примерно на этот период. В 1980 г. Ричардом Бартлом и Роем Трабшоу разрабатывается, по сути, первый основанный

¹ Здесь и далее факты приводятся преимущественно по следующему источнику: Rustad M. L., D'Angelo D. The Path of Internet Law: An Annotated Guide to Legal Landmarks // Social Science Research Network Website. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1799578.

² См.: Gerovitch Slava. InterNyet: why the Soviet Union did not build a nationwide computer network // History and Technology. Vol. 24. № 4. December 2008. P. 335–350. URL: <http://web.mit.edu/slava/homepage/articles/Gerovitch-InterNyet.pdf> (дата обращения: 14.01.2016).

на общих современных принципах многопользовательский виртуальный ролевой мир *MUD1* в сети Эссекского университета, сформировавший существующий и по сей день жанр текстовых многопользовательских ролевых игр, основанных на сетевом протоколе *Telnet*.

В 1984 г. создается система доменных имен. Количество терминалов *ARPANET* растет уже до 1000 единиц, и учреждается первая интернет-корпорация, ориентированная на потребительский рынок (*Prodigy Communications Corporation*).

На следующем этапе развития сети Интернет, который можно условно обозначить термином *Web1.0*, появляются уже первые частные интернет-сервисы (1984—1990). На этапе *Web 1.0* пользователь еще не является активным участником формирования и распространения контента в сети. Главную роль играют, скорее, владельцы и администраторы сайтов.

В 1990 г. в Гарварде состоялась первая конференция, посвященная коммерческому использованию Интернета. В этом же году разрабатывается первый графический браузер и, начиная с этого периода, существенно возрастает распространение использования Интернета в коммерческой коммуникации. В 1994 г. был сделан первый онлайн-заказ в *Pizza Hut*.

Коммерциализируется появившийся рынок доменных имен. *National Science Foundation* начинает предоставлять доменные имена по стоимости 50 долл. США за год.

Во второй половине 1990-х гг., по мере развития как технологий, так и коммерческого использования Интернета, происходит постепенный переход к третьему и на данный момент современному этапу сети Интернет, который может быть обозначен термином *Web 2.0* — этап, на котором активно развиваются дистанционные вычисления, а одну из главных ролей в формировании и распространении контента начинают играть уже сами пользователи. Соответственно, актуализируется и проблема ответственности информационных посредников.

В 1997 г. выходит в свет первый *Ultima Online* — полноценный графический виртуальный мир, ориентированный на массового потребителя¹.

В 1998 г. учреждается корпорация Google, что и допустимо считать своего рода символом перехода к условиям *Web 2.0*. Начинается интенсивное развитие поисковых механизмов и онлайн-сервисов, ориентированных на индивидуальных пользователей, которые начинают играть все большую роль в формировании контента глобальной информационно-телекоммуникационной сети.

В период 2003—2006 гг. появляются первые значимые социальные медиа, включая *MySpace* (2003), *Facebook* (2004), *YouTube* (2005), *Twitter* (2006). Социальная сеть «ВКонтакте» также была запущена в 2006 г.

Растет популярность развлекательного сегмента сети Интернет. В 2008 г. многопользовательская ролевая онлайн-игра *World of Warcraft* попадает в Книгу рекордов Гиннеса как наиболее популярная и имеющая более 10 млн подписчиков (в настоящее время этот рекорд уже значительно

¹ Строго говоря, известны и более ранние графические виртуальные миры, однако их социально-экономическое значение было куда менее серьезным.

побит *League of Legends* компании *Riot Games* и *World of Tanks* компании *Wargaming*).

На сегодняшний день количество пользователей сети Интернет растет и практически экспоненциально растет число подключенных к Интернету устройств, уже превышая количество пользователей в несколько раз. Развивается рынок облачных вычислений, новые горизонты открывает для себя сегмент электронных развлечений. Интернет начинает широко использоваться публичной властью. И в целом в мире происходит интенсификация правового регулирования Интернета.

Сам термин «Web 2.0» был введен в оборот американским предпринимателем и проponentом информационно-телекоммуникационных технологий Тимом О'Рили в 2005 г. Какими отличительными чертами с технической, организационной и деловой точек зрения может быть охарактеризован данный современный этап развития Интернета? На основе признаков, выделенных Тимом О'Рили, можно сделать следующее обобщение:

1) **пользовательский контент** (*user generated content*). Основной массив информации в сети уже производится и распространяется, а не только потребляется, самими пользователями. Пользовательский контент формирует наполнение разнообразных социальных сетей и сервисов, появляются профессиональные платформы, состоящие из пользовательского контента;

2) **сервис как платформа**. Интернет-сервис, во-первых, рассматривается не как статичный объект, а как динамичное пространство, а, во-вторых, развивается интеграция различных сервисов в один (примером может послужить функционал, предлагаемый компанией Google для своих пользователей);

3) **информационные посредники**. Если раньше роль информационных посредников сводилась преимущественно к предоставлению хостинга (размещению ресурсов интернет-сайтов на своих вычислительных мощностях), то сейчас они преимущественно являются активными операторами различных онлайн-платформ;

4) **пиринговые (P2P) технологии**. Обмен данных возможен уже непосредственно от пользователя к пользователю в рамках одноранговой сети, где уже нет традиционного взаимодействия обособленных «сервера» и «клиента», а есть множество узлов одного уровня, одновременно выступающих и как «сервер», и как «клиент» (торренты и криптовалюты);

5) **облачные вычисления**. Значительная часть программного обеспечения заменяется удаленными сервисами — вместо загрузки рабочей программы на компьютер и локальной работе (в том числе офлайн), появляется все больше возможностей осуществлять операции на удаленном аппаратно-программном комплексе;

6) **децентрализация**. Если раньше производители информации (владельцы сайтов) были централизованы и локализованы, в том числе для целей правоприменения, а потребители — нет, то в условиях Web 2.0 и производители информации также становятся децентрализованными и нелокализованными, поскольку это чаще всего уже индивидуальные пользователи, использующие различные сервисы и платформы, основанные на пользовательском контенте.

В контексте настоящего издания также важно отметить, что *по мере развития интернет-технологий накапливаются системные проблемы правового регулирования сети Интернет.*

Наглядно юридически-значимые аспекты истории развития сети Интернет представлены в табл. 4.1.

Таблица 4.1

Юридически-значимые аспекты истории развития Интернета

№	Этап развития	Особенности инфраструктуры	Общие системные проблемы	Частные системные проблемы
1	Экспериментальный	Сеть носит закрытый характер, используется в основном в исследовательских целях	Идентификация пользователей	Гипертекст, автоматизированные действия
2	Web 1.0	Сеть начинает широко использоваться в коммерческой деятельности, но актуализируется трансграничность	Идентификация пользователей, определение юрисдикции	Гипертекст, автоматизированные действия, игровое пространство
3	Web 2.0	Сеть экспоненциально развивается — пользовательский контент, сервис как платформа, информационные посредники, пиринговые технологии, облачные вычисления, децентрализация информации	Идентификация пользователей, определение юрисдикции, информационные посредники	Гипертекст, автоматизированные действия, игровое пространство, пиринговые технологии, виртуальная собственность

Примечание. Цель данной таблицы — представить наглядную *общую* картину актуализации как общих (присущих в потенциальной или актуальной форме для всех отношений, опосредуемых сетью Интернет), так и частных (присущих отдельным технологиям или сервисам) системных правовых проблем сети Интернет. В некоторых случаях, разумеется, следует допустить локальную погрешность. Общий принцип, лежащий в основе выделения актуальности тех или иных проблем — их социальная и экономическая значимость (при том, что проблемы идентификации пользователей и гипертекста выражают концептуальные особенности интернет-архитектуры, и потому фактически актуализируются уже на начальном этапе).

К вопросу о новых системных проблемах сети Интернет

На сегодняшний день сеть Интернет в целом и отдельные интернет-технологии продолжают активно развиваться, и нет никаких оснований полагать, что такое развитие в ближайшее время существенно замедлится или прекратится. С точки зрения юридической науки и практики каждый новый этап развития сети Интернет влечет за собой новые проблемы и правовую неопределенность.

Допустимо сделать предположение о том, какие из современных направлений развития Интернета, имеющие релевантные для юриспруденции качества, могут предопределить дальнейший ход событий в области правового регулирования отношений в данной области.

1. **«Интернет вещей»**. Термин «Интернет вещей» используется для обозначения состояния развития сети Интернет, в котором значительное число подсоединений к сети и цифрового взаимодействия осуществляется не самими пользователями непосредственно, а принадлежащими им устройствами в автоматизированном режиме, не предполагающем осмысленной человеческой коммуникации, при том что взаимодействие осуществляется исключительно или по большей части между устройствами.

В 1990-х гг. среди энтузиастов компьютерных технологий была распространена шутка про «драйвер для [компьютерной] мышки». Немногим спустя после этого в разработке, а затем в продаже появились профессиональные игровые мыши, которые, на удивление, действительно предполагали использование специальных драйверов. В 2000-х гг., по мере повсеместного распространения Интернета, вектор юмора сместился в сторону «чайников [для воды], подключенных к Интернету», то же самое касалось и других бытовых устройств. Однако уже в 2010-х гг. и это уже перестало восприниматься как шутка — подключенные к Интернету бытовые приборы, предполагающие автоматизированный обмен с каким-либо облачным сервисом и дистанционное управление домашним бытом через Интернет, постепенно начинают получать распространение среди пользователей.

По некоторым подсчетам, на сегодняшний день количество подключенных устройств (включая бытовые приборы и иное оборудование, не предназначенное непосредственно для коммуникации между пользователями, а подключаемое к сети с целью обеспечения возможности дистанционного управления) уже значительно превышает количество «органических» пользователей сети Интернет.

Очевидно, что «Интернет вещей» как минимум интенсифицирует и заставляет взглянуть под новым углом зрения на уже более или менее определенные системные проблемы в сети Интернет.

Так, в контексте «Интернета вещей» по-новому предстает *проблема идентификации пользователей*, поскольку бытовые и иные приборы в большей степени связаны с помещением, в котором они находятся, чем устройства, используемые для коммуникации. Определить ответственное лицо в случае каких-либо намеренных или ненамеренных нарушений становится значительно сложнее.

В значительной степени актуализируется и *проблема автоматизированных действий*. Интернет-взаимодействие в условиях «Интернета вещей» осуществляется уже не между пользователями, а между устройствами. В результате сбоя или ошибки в настройках устройств, составляющих сеть «Интернета вещей», возможно нарушение прав и законных интересов вполне реальных и живых физических лиц. Уже сейчас, несмотря на отсутствие полноценной практики, можно констатировать, что применение классических институтов юридической ответственности и процессуального права будет значительно затруднено в контексте «Интернета вещей».

В целом вряд ли значительная часть юридических импликаций «Интернета вещей» может быть определена заранее. К данной области проблем, например, относится еще одна существенная область, также связанная с автоматизированными действиями, которая до сих пор по едва понят-

ным причинам рассматривается многими юристами как относящаяся к теме научной фантастики: юридические аспекты ответственности за действия не просто автоматизированных, но роботизированных объектов, — действующие по заранее запрограммированным алгоритмам, но при этом способные к определенному анализу и корректировке своих действий, роботизированные устройства представляют собой уже не плод воображения, а реальность. Речь идет как о гражданских (в общепотребительном смысле) конструктах, таких как автоматизированные такси, так и о военных роботизированных аппаратах.

Вопрос о том, каким образом следует разрешать проблемы правоприменения в случае с роботами, на сегодняшний день является полностью открытым.

2. **«Big Data» («Большие данные»)**. Стремительным рывком развития на этапе Web 2.0 Интернет обязан главным образом пользовательскому контенту. Пользовательский контент в современных масштабах с необходимостью предполагает наличие огромного числа индивидуальных пользователей, ценность которых для интернет-компаний определяется не только тем контентом, который они генерируют на онлайн-ресурсах, частично предопределяя ценность таких ресурсов для других пользователей, но и тем объемом данных, которые пользователи оставляют на сетевых ресурсах о себе.

Далеко не всегда при этом речь идет о персональных данных в собственном смысле этого слова. Применительно к рассматриваемой проблеме данные, которые собираются от пользователей интернет-компаниями, могут быть разделены как минимум на три категории:

1) технические данные (IP-адрес, MAC-адрес, сведения об устройстве, об операционной системе, о браузере и т.п.);

2) данные, относящиеся к пользователю, но за исключением тех случаев, когда они объединены с другими, более предметными данными, не представляют собой персональные данные (геолокационные данные ограниченной точности, история просмотров, лог действий в виртуальной среде с определенной учетной записи и т.п.);

3) персональные данные пользователя (полное имя пользователя, адрес места жительства, иные данные прямо или косвенно идентифицирующие субъекта и относящиеся к нему).

Помимо случаев, когда на интернет-ресурсах осуществляется намеренный сбор такой информации, российское, зарубежное и международное законодательство предусматривает целый ряд случаев, когда такой сбор является обязательным, например для идентификации пользователей при осуществлении платежей в электронной форме.

В результате, как можно отметить с некоторой долей иронии, постепенно именно интернет-компания (а не, например, отдельные государственные органы) становятся субъектами, которые *первично* накапливают огромный объем информации об индивидуальных пользователях. Более того, интенсивность, с которой сбор данных осуществляется к настоящему моменту, а также тот факт, что законодательство об информации и о персональных данных долгое время оставляло эту область в принципе без регулирования,

позволяет предположить, что данные процессы, говоря метафорически, уже почти «необратимы».

Большие объемы информации о пользователях, как в смысле объемов информации, относящейся к каждому индивидуальному пользователю, так и в смысле широты такой информации, определяемой значительным количеством пользователей, представляют коммерческий и иной практический интерес по следующим причинам.

Во-первых, «Big Data» представляет собой уникальный инструмент для социологических исследований и любых других исследований, которые требуют большого объема статистических данных. Информация, которой по умолчанию располагают многие интернет-компании, особенно, социальные сети, пожалуй, по определению значительно превосходит любые социологические данные любого исследовательского института, занимающегося социальными науками.

Такая информация позволяет сделать обобщения (разумеется, с определенной погрешностью на пользователей, намеренно искажающих информацию о себе), по огромному количеству критериев: геолокационные данные позволяют отфильтровать данные о пользователях по территории определенных государств и их субъектов либо административно-территориальных единиц, по полу, возрасту, религиозной принадлежности, интересам и предпочтениям, а также массе других критериев, включая потенциально даже характерные черты внешности, если для анализа используются фотографии пользователей.

Результаты анализа «Больших данных» о пользователях могут быть интересны с совершенно разных точек зрения. Наиболее очевидный способ их использования интернет-компаниями заключается в проведении маркетингового анализа и корректировке как бизнес-стратегии, так и технических параметров своего сервиса. Однако при этом нельзя обойти вниманием и тот факт, что такие данные во многих случаях могут иметь стратегическое значение с точки зрения социальной политики, и даже обороны и безопасности, хотя на этот аспект обращается мало внимания даже в профессиональной литературе. Так, например, сейчас все большее распространение среди пользователей получают устройства, помогающие в определении отдельных показателей здоровья — пульса, давления и т.п. (например, так называемые «браслеты здоровья»).

Вопрос о том, как осуществляется сбор и обработка таких данных, а также каковы параметры возможного доступа к ним компании, обеспечивающей поддержку облачного сервиса для синхронизации таких данных с другими устройствами пользователя, должен, конечно, исследоваться в каждом случае индивидуально, но принципиальной остается возможность широкого сбора «Больших данных» о среднестатистическом состоянии здоровья граждан, проживающих на определенной территории (при условии, что на такой территории достаточное для статистических целей количество граждан пользуется такими устройствами).

Безусловно, такие данные могут использоваться далеко за пределами обеспечения функционирования устройств пользователей — в частности, они могут применяться в анализе вопросов экономики, здравоохранения,

а также, если допустить некоторую долю «здоровой паранойи», при разработке инновационных, высокотехнологичных и специализированных видов оружия массового поражения.

Во-вторых, «Big Data», очевидно, представляет собой ценность и в силу своей первичной природы, как большой объем контактных данных, которые в дальнейшем могут быть использованы для организации массовых или, напротив (с учетом того, что в составе таких данных может быть большое количество информации, релевантной для персонализированного маркетинга), адресных рассылок рекламного и иного подобного характера.

Данный факт, в том числе в совокупности с первой особенностью «Big Data», рассмотренной выше, придает таким данным *самостоятельную коммерческую ценность*. Сложившаяся международная рыночная практика (но далеко не всегда законодательство) фактически предполагает, что массивы данных «продаются» и «покупаются» друг у друга интернет-компаниями. Данные термины заключены в кавычки, поскольку далеко не во всех юрисдикциях, в том числе в Российской Федерации, информация сама по себе может представлять собой объект гражданских прав и выступать в качестве предмета сделки (например, в действующей редакции ст. 128 ГК РФ информация не рассматривается как объект гражданских прав), хотя коммерческие операции с информацией, помимо тех случаев, когда такая информация может быть представлена как результат интеллектуальной деятельности, также часто могут быть описаны посредством гражданско-правовых конструкций, относящихся к услугам.

Данные факты в том числе объясняют и экономическую природу как бы «бесплатного» доступа пользователей к большинству интернет-сервисов: это далеко не всегда может быть верно с точки зрения гражданского права, но с точки зрения экономики в случае с интернет-сервисами пользователи чаще всего дают интернет-компаниям полноценное встречное представление в виде своих данных, которые впоследствии могут использоваться для аналогичных коммерчески-значимых аналитических целей, и даже отчуждаться третьим лицам на возмездной основе.

Количество и глубина правовых проблем, связанных с «Big Data» и еще только подлежащих какому-либо разрешению в относительно обозримом будущем, поистине велики. Само по себе регулирование порядка обращения с большими объемами данных не может быть исчерпано законодательством о персональных данных, которое и в России, и за рубежом нацелено, в основном на регулирование индивидуального набора данных, а не их большого массива. При этом необходимость такого регулирования рано или поздно будет осознана с учетом разноплановой значимости и потенциала таких данных.

Очевидна и проблема правового статуса таких данных как объекта правовых отношений. Законодательство о персональных данных в действующем виде также не может дать адекватный ответ на этот вопрос, поскольку в ситуации с «Big Data» есть очевидная конкуренция прав: права субъектов персональных данных на их персональные данные (при этом остается неясность относительно того, можно ли рассматривать в качестве персональных данных обезличенные персональные данные) и прав соответствую-

ющей интернет-компания непосредственно на большой объем структурированных данных как базу данных, которая, как правило, может получить отдельную правовую защиту.

4.3. Сеть Интернет: информационный и коммуникативный аспекты

Интернет в контексте коммуникативного подхода в юриспруденции

Для полноты понимания правовых аспектов регулирования отношений в сети Интернет имеет смысл также обратить внимание и на тот факт, что международная информационно-телекоммуникационная сеть представляет собой не только один из современных способов коммуникации, но и полноценный артефакт современной культуры, который в определенной степени является ее результатом, но одновременно — и значимым фактором развития.

Как результат развития культуры Интернет в полном смысле является вехой на этом пути. С точки зрения антрополого-коммуникативного подхода в социальных науках главная ценность человеческого существования — не что иное, как коммуникация (или, проще говоря, общение).

В праве ценностный подход, ориентированный таким образом, встречается у широкого круга теоретиков и философов права, включая Л. Л. Фуллера, оказавшего косвенное влияние и на развитие доктрины интернет-права (он был, в частности, одним из тех авторов, которые сформировали интеллектуальный контекст доктрины, развиваемой Л. Лессигом). Раз коммуникация является главной или, по крайней мере, одной из наиболее приоритетных человеческих ценностей, то и человеческая культура, по своей сути нацеленная на выражение и развитие данных ценностей, в конечном счете может рассматриваться в коммуникативном аспекте. И с такой точки зрения, Интернет, очевидно, можно считать наиболее полным на сегодняшний день выражением основной человеческой ценности.

Как фактор развития культуры, Интернет естественным образом изменяет формат многих социальных отношений, в том числе за счет принципиальной «компрессии пространства и времени»¹. Еще в начале 1990-х гг. основным средством бытовой дистанционной коммуникации был стационарный домашний телефон. Если рассматривать его как культурный артефакт, можно прийти к весьма интересным выводам. В чем заключается особенность такого домашнего телефона?

Он, очевидно, не является персональным, — звонок по городскому телефону всегда предполагает большую вероятность того, что вам ответит не тот человек, которого вы ожидаете услышать. При этом он не является и мобильным, и как таковой исключает возможность оперативного внесения изменений в любые личные договоренности. Все это отличает стационарный телефон не только от Интернета, но и от мобильного телефона. А вот невозможность во многих случаях «проверить статус» собеседника,

¹ Термин, предложенный американским профессором Д. Харви (р. 1935). Подробнее о его деятельности можно узнать на его официальном сайте. URL: <http://davidharvey.org/> (дата обращения: 14.01.2016).

не звоня ему и не вступая с ним в непосредственную связь, отличает Интернет от обоих видов телефонной связи.

Открытыми вопросами культурологии, этики, психологии и других наук, которым может быть интересен данный объект исследования, соответственно, остаются вопросы о том, каково влияние Интернета, обладающего такими существенными отличиями от совсем недавно распространенных средств коммуникации. В качестве некоторой общей гипотезы можно предположить, что такое влияние есть, и оно может быть довольно существенным.

Говоря, скорее, обывательским языком, Интернет делает коммуникацию менее требовательной в таких условиях, когда можно легко и оперативно изменить и скорректировать планы собеседников, делать относительно основанные на фактах наблюдения о других людях и, что самое главное, иметь возможность увидеть социальный образ собеседника, как он представлен в социальных сетях (а ведь даже если сам человек не использует социальные сети, это не означает, что информация о нем не может попасть в информационные ресурсы Интернета от третьих лиц) им самим или объективно прослеживается по его действиям, позициям и публикациям пользовательского и иного контента.

В любом случае, очевидно, что Интернет на сегодняшний день является одним из наиболее значимых, если не наиболее значимым культурным артефактом, заслуживающим самого пристального междисциплинарного внимания, что лишний раз подчеркивает актуальность внимания к проблемам правового регулирования отношений в сети Интернет.

Кроме того, поскольку правовое регулирование отношений в сети Интернет содержит большое количество открытых проблемных вопросов, относящихся к юридической науке и практике, будет методологически полезным рассмотреть предмет данной дисциплины в свете одной из наиболее актуальных и релевантных общетеоретических правовых концепций — коммуникативной концепции права.

С точки зрения коммуникативной концепции права объективное право рассматривается как основанный на общепризнанных и общеобязательных нормах коммуникативный порядок отношений, участники которых обладают взаимообусловленными и взаимоопределяемыми правами и обязанностями. Особенности коммуникативной концепции права по сравнению с другими общетеоретическими правовыми концепциями заключаются в отдельных следствиях, вытекающих из рассмотрения правовой реальности как системы коммуникаций, т.е. системы актов осмысленного информационного взаимодействия между субъектами права.

Очевидно, что Интернет на сегодняшний день выступает таким средством правовой коммуникации, которое получает все большее социальное и юридическое значение. Принципиально значимым является и то, что правовая коммуникация посредством сети Интернет в полной мере оказывается под воздействием системных правовых проблем и факторов, определяющих значение глобальной информационно-телекоммуникационной сети.

Это интересно

Пункт 1 ст. 19 ГК РФ «Имя гражданина» гласит, что гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая, а в случаях, предусмотренных законом, гражданин может использовать псевдоним (вымышленное имя). Оставляя в стороне различные национальные обычаи, обладающие безусловной спецификой, закон допускает использование псевдонима, например, для авторов произведений (п. 1 ст. 1265 ГК РФ), в случае с абонентами операторов связи (ст. 53 Закона о связи), для журналистов (п. 12 ст. 47 Закона о СМИ) и для защиты участников уголовного судопроизводства (ст. 10 Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»). Вместе с тем, как должно быть хорошо известно читателю, во многих случаях взаимодействие, в том числе правовое, в Интернете является также «псевдонимным» или даже полностью *анонимным*. Может ли это означать, что граждане, действующие под псевдонимами (никнеймами), вовсе не приобретают гражданских прав и обязанностей? Такой теоретически возможный с точки зрения буквального толкования подход уже вряд ли актуален, и даже в судебной практике п. 1 ст. 19 ГК РФ не применяется в этом смысле. В данном случае очевидно изменение подхода к общей оценке правовой коммуникации.

Во многом теоретико- и философско-правовое исследование особенностей правовой коммуникации в контексте сети Интернет остается открытой областью, и в ближайшее годы можно ожидать только рост интереса теоретиков права к данной проблематике.

Коммуникация и информация: аспекты правового регулирувания

В контексте правового регулирования отношений в сети Интернет отдельного внимания заслуживает проблема правового режима *информации*. В наиболее общем смысле можно поставить следующий вопрос: допустимо ли рассматривать информацию как объект (или, точнее, предмет)

правоотношений? Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться. Информация, в отличие от многих других предметов правоотношений (разного рода благ, если мы придерживаемся соответствующей теоретической концепции), имеет фундаментальное отличие как от объектов материального мира (например, вещей в гражданско-правовом смысле), так и от «традиционных» нематериальных объектов правоотношений, таких как имущественные права.

Вещи могут быть четко обособлены и локализованы в пространстве, и как следствие, над ними возможно фактическое господство — владение. Информация как таковая не может быть обособлена в пространстве в том же смысле, как и вещь. Можно сказать, что как предмет правоотношений информация в пространстве не обособлена и не локализована. Вне зависимости от того, полагаем ли мы, что информация может «существовать» только в рамках процесса коммуникации, или если мы даже будем придерживаться каких-либо смелых концепций «информационного поля», «информационных пространства» или «ноосферы», с формально-юридической точки зрения информация как бы «висит в воздухе», и доступна для всех, если она открыта и незащищена.

С имущественными правами ситуация несколько иная, поскольку, как и в случае с информацией, нельзя сказать, что они обособлены в пространстве в том же смысле, что и вещи. Собственно, ничто не исключает возможности и сами имущественные права также рассматривать как информацию. Но различие между информацией и имущественными правами¹ как предметами правоотношения заключается в способе извлечения полезных свойств из них. Если для «извлечения полезного свойства» из имущественного права требуется его реализация — по своей сути, в рамках системы иных правоотношений, а в более широком теоретическом смысле — на основе существующих социальных конвенций (другие члены общества должны быть согласны с тем, что у кого-либо есть такое имущественное право), то информация ценна сама по себе. Соответственно, в этом смысле невозможно «украсть» имущественное право (если быть точным, то можно только обманом заставить окружающих поверить в то, что оно у кого-либо есть), но можно получить несанкционированный доступ к информации и, например, разгласить ее. В таком случае можно и без какой-либо социальной конвенции извлечь из информации полезные свойства или даже лишиться информацию полезных свойств — если это ноу-хау, ценность которого обусловлена в том числе неизвестностью для третьих лиц.

Не менее интересен вопрос и о правовом регулировании *коммуникации*. Данный вопрос можно рассматривать, очевидно, и с более узкой точки зрения правового регулирования отношений в сети Интернет, и с более широкой теоретической точки зрения, особенно если отталкиваться от методологии коммуникативной теории права. При этом и в том и в другом случае следует учитывать, что коммуникация и информация — комплементарные феномены и понятия. Информация — это статический аспект коммуникации, а коммуникация — это динамический аспект информации.

Дифференциация информации в контексте регулирования Интернета

С учетом того, что информация и коммуникация — это объект и процесс, которые имманентны сети Интернет, и как следствие, связанные с ними правовые аспекты имеют серьезное значение для правового регулиро-

вания сети, важно обратить внимание и на то, как информация регулируется в российском законодательстве.

Несмотря на то что непосредственно информации как таковой в российском законодательстве посвящен лишь Закон об информации, системное толкование (основанное в том числе на более широком теоретическом контексте) позволяет прийти к выводу, что информация является родовым понятием, а отдельные известные понятия об объектах (предметах), имеющих информационную природу, являются понятиями видовыми. Соответственно, *общие нормы законодательства об информации подлежат «субсидиарному» применению к специальным видам информации.*

Например, часть четвертая ГК РФ посвящена регулированию интеллектуальных прав в отношении результатов интеллектуальной деятельности,

¹ Здесь мы говорим, например о ситуации, когда по договору отчуждается, например, исключительное право на произведение или, для упрощения, доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, если таковую считать имущественным правом.

но сами результаты интеллектуальной деятельности прежде всего представляют собой информацию как таковую.

Виды информации в контексте регулируемого Интернета

Закон об информации дает предельно общее и имеющее только формально-юридическое значение определение информации. Согласно п. 2 ст. 2 Закона **информация** — сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Такое общее определение позволяет отнести к понятию информации широкий круг иных объектов, известных различным отраслям российского и зарубежного законодательства, например:

1) **«информация, распространение которой запрещено»** — информация, определяемая в соответствии со ст. 15.1 Закона об информации (в более широком смысле — ст. 15.1–15.5 Закона, а также иными нормативными правовыми актами). Например, материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявления о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера (подп. «а» п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Закона)¹;

2) **результаты интеллектуальной деятельности**. Результаты интеллектуальной деятельности, хотя им и обеспечена особая правовая охрана

¹ В данном контексте также сложно обойти вниманием приказ Роскомнадзора № 1022, ФСКН России № 368, Роспотребнадзора № 666 от 11.09.2013 «Об утверждении критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено». Из п. 1.4 данного документа, в частности, следует, что к «детской порнографии» относится также «текстовая информация, направленная на возбуждение сексуальных чувств по отношению к несовершеннолетним либо оправдывающая сексуальное поведение в отношении несовершеннолетних... за исключением художественных произведений, в которых описываются оправданные их жанром и (или) сюжетом отношения между несовершеннолетними, а также несовершеннолетними и взрослыми, не подпадающие под критерии, указанные в пунктах 1.1–1.3 настоящей главы». При этом п. 1.1 говорит в том числе и об изображении какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия. Из системного толкования данного ведомственного нормативного правового акта, в частности, следует, что отнесение многострадального (в смысле цензуры во многих странах мира) романа В. В. Набокова «Лолита» к категории «информации, распространение которой запрещено» [в сети Интернет], зависит от решения правоприменительных органов относительно того, оправданы ли соответствующие части данного романа жанром и (или) сюжетом. Примечательно и то, что из данного наблюдения также следует, что для запрета информации нет юридически-значимой разницы между вымышленной (романы, фильмы и т.п.) информацией и информацией «реальной». Другой похожий пример (единичный) — блокировка Роскомнадзором по решению ФСКН России форума компьютерной игры *Eve Online*, на котором обсуждались виртуальные «наркотики», которые могут «принимать» герои игры для повышения характеристик в рамках игрового процесса, при том, что часть информации о наркотиках также относится к категории запрещенной информации по ст. 15.1 Закона об информации (см. например: URL: <http://bit.ly/1E2FCp5> (дата обращения: 14.01.2016)).

на уровне ГК РФ, в частности, части четвертой ГК РФ, по своему содержанию остаются информацией. Сам Кодекс при этом не использует для их описания термин «информация», однако этого избежать сложно, и ст. 1253.1 ГК РФ уже оперирует термином «информационный посредник», по сути, указывая на родовую принадлежность данного объекта правоотношений. При этом примечательно, что до внесения изменений в ГК РФ Федеральным законом от 18.12.2006 № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», ст. 128 ГК РФ в числе объектов гражданских прав указывала *информацию*. Введение же в действие части четвертой ГК РФ, состоявшееся вскоре после принятия Закона об информации, исключило информацию как объект гражданско-правовых отношений, сократив, таким образом, объем гражданско-правовой защиты информации и способов ее использования в гражданско-правовых отношениях;

3) **конфиденциальная информация (тайна)**. Если говорить о гражданском праве, то одним из охраняемых результатов интеллектуальной деятельности является секрет производства (ноу-хау) — согласно п. 1 ст. 1465 ГК РФ секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и др.) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны. При этом, разумеется, в контексте настоящего издания конфиденциальная информация должна пониматься более широко, ноу-хау — лишь один из частных случаев. В данном смысле разновидностями конфиденциальной информации могут выступать, например, государственная тайна или любые виды профессиональной тайны (адвокатская, врачебная и т.п.). Пункт 7 ст. 2 Закона об информации определяет, что конфиденциальность информации — обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя;

4) **нематериальные блага**. Нематериальные блага — еще один объект гражданских прав, отдельные виды которого имеют информационное содержание и ценность, указанный в ст. 128 ГК РФ. Подробная регламентация отношений, связанных с нематериальными благами, содержится в гл. 8 ГК РФ. К числу «информационных» или частично «информационных» нематериальных благ относится достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, имя гражданина, авторство и иные возможные нематериальные блага, прямо не поименованные в п. 1 ст. 150 ГК РФ, но имеющие аналогичную природу — в частности, изображение гражданина, о котором идет речь в ст. 152.1 ГК РФ, которая, начиная с редакции Федерального закона от 02.07.2013 № 142-ФЗ, предусматривает специальное положение

о том, что если изображение гражданина, полученное или используемое с нарушением, распространено в сети Интернет, гражданин вправе требовать удаления этого изображения, а также пресечения или запрещения дальнейшего его распространения. В целом же, как следует из п. 1 ст. 150, нематериальные блага признаются неотчуждаемыми и непередаваемыми иным способом, а возможные средства защиты в данном случае включают в себя возмещение морального вреда, а также различные формы судебных «запретов» и «предписаний» (если проводить терминологическую аналогию с английским термином *«injunction»*);

5) **массовая информация** — исторически первый квалифицирующий признак информации, известный различным правовым системам уже на протяжении долгого времени. В России действует Закон о СМИ, принятый еще до Конституции РФ. Статья 2 Закона о СМИ определяет массовую информацию как предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы. Закон о СМИ действует без принципиальных изменений уже более 20 лет. Наиболее существенные изменения, относящиеся к предмету настоящего издания, заключаются во включении посредством Федерального закона от 14.06.2011 № 142-ФЗ¹ понятия «сетевое издание», под которым понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистрированный в качестве СМИ в соответствии с Законом о СМИ. При этом ст. 8 данного Закона содержит специальное правило, в соответствии с которым интернет-сайт *может* быть зарегистрирован как сетевое издание, но при этом сайт, не зарегистрированный в качестве СМИ, средством массовой информации не является. С учетом различной информационной и организационной природы интернет-сайтов такое решение допустимо считать сбалансированным и компромиссным. Однако в иных юрисдикциях на данный вопрос были найдены иные ответы. Например, на момент написания данного текста, в Казахстане, по общему правилу, к сайтам как раз применяются положения законодательства о СМИ;

6) **реклама** — один из наиболее актуальных квалифицирующих признаков информации в контексте отношений в сети Интернет. Реклама является одним из основных источников дохода многих интернет-компаний, представляет собой источник дополнительного дохода для многих блогеров, а отдельные аспекты, связанные с рекламой, могут иметь юридическое значение, выходящее за пределы специальных правоотношений. Закон о рекламе, как основной нормативный правовой акт, регулирующий правовые отношения, возникающие в связи с рекламой, определяет в п. 1 ст. 3 рекламу как информацию, распространенную любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение

¹ Примечательно, что фактически настоящий Закон, вносящий поправки в Закон о СМИ, закреплял на законодательном уровне положения, отраженные в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”».

на рынке. Таким образом, любая информация, отвечающая подобным признакам, в том числе распространяемая посредством сети Интернет, может быть квалифицирована как реклама. Это, в свою очередь, влечет квалификацию соответствующих субъектов правоотношений как рекламодателей, рекламопроизводителей и рекламораспространителей, возлагая на них дополнительные обязанности и риски ответственности. Закон о рекламе делает ряд исключений, например, он не распространяется на справочно-информационные и аналитические материалы (обзоры внутреннего и внешнего рынков, результаты научных исследований и испытаний), не имеющие в качестве основной цели продвижение товара на рынке и не являющиеся социальной рекламой, а также, среди прочего, на объявления физических лиц или юридических лиц, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Юридическое значение рекламы в Интернете, выходящее за пределы собственно рекламных отношений, может быть связано с определением юрисдикции посредством теста «минимума контактов», поскольку реклама является одним из способов целенаправленного таргетирования сайта на аудиторию определенной страны. Так, например, норма Закона об информации, устанавливающая «право на забвение», уже упоминавшееся ранее, определяет, что соответствующие обязанности оператора поисковой системы, установленные ст. 10.3 Закона об информации, распространяются на операторов поисковых систем, распространяющих в сети Интернет рекламу, которая направлена на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории РФ;

7) персональные данные. Еще один исключительно важный квалифицирующий признак информации, имеющий особое значение для отношений в сети Интернет, — это персональные данные. В целом правовое регулирование персональных данных как отдельная отрасль законодательства начало складываться в мире только во второй половине XX в. как ответ на вызовы современного информационного общества. Раньше, до стремительного развития компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий, было технически невозможно собирать и обрабатывать личные данные с таким же объемом, скоростью и доступностью (факторы, определяющие значение сети Интернет), как сейчас, и было достаточно классических конституционных, гражданско-правовых и иных норм о неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайне. Однако сейчас уже практически невозможно обойтись данными нормами. В связи с этим начала развиваться специальная отрасль законодательства, посвященная особой категории информации — персональным данным. Закон о персональных данных в п. 1 ст. 3 как раз и определяет персональные данные как любую *информацию*, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

Наиболее значимый методологический вывод из данного неполного перечня заключается в том, что одна и та же информация может регулироваться различными взаимодополняющими правовыми институтами. При этом просто представить себе информацию, которая будет содержать, например, один или несколько признаков «запрещенной информации»,

но при этом представлять собой результат интеллектуальной деятельности (по своему происхождению), массовую информацию (по способу и масштабу распространения), рекламу (по коммуникативному назначению), нематериальные блага и персональные данные (по содержанию, например, если такая информация содержит изображение гражданина, которое может, в свою очередь, охраняться и как нематериальное благо, и как персональные данные).

Соотношение видов информации в контексте уровней интернет-архитектуры с учетом «масштабируемой» концепции объекта и предмета регулирования представлена в табл. 4.2.

Таблица 4.2

Информация в контексте уровней архитектуры сети Интернет

№	Уровень архитектуры	Объект	Предмет
1	Контент	Информация	«Запрещенная информация»
2	Приложения		Результаты интеллектуальной деятельности
			Конфиденциальная информация (тайны)
			Нематериальные блага
			Массовая информация
			Реклама
			Персональные данные
3	Передача данных	Организация связи	Лицензирование
4	Интернет-протокол		
5	Сеть		Техническое регулирование
6	Физическая составляющая	Технические объекты	

Примечание. Цель данной таблицы — представить наглядную *общую* картину соотношения уровней правового регулирования сети Интернет и дифференциации информации по отдельным «квалифицирующим признакам», как они известны действующему российскому законодательству. С доктринальной точки зрения и на практике возможны пересечения между различными объектами и предметами регулирования и уровнями интернет-архитектуры, которые при этом не вносят искажений в общую картину.

Тесты

1. С технологической точки зрения допустимо утверждать, что концептуальное единство сети Интернет обеспечивается:

- а) использованием унифицированных протоколов передачи данных и единой системой доменных имен;
- б) объединением отдельных компьютеров в локальную сеть;
- в) объединением отдельных локальных сетей в региональную сеть;
- г) связью с физическим уровнем интернет-архитектуры.

2. Функциональное различие между сетевыми адресами и доменными именами может быть выражено в том, что:

- а) сетевые адреса нацелены на «человекочитаемость», а доменные имена — на «машиночитаемость»;
- б) доменные имена нацелены на «человекочитаемость», а сетевые адреса — на «машиночитаемость»;
- в) доменные имена могут быть выражены любыми символами, тогда как сетевые адреса — только двоичным кодом;
- г) сетевые адреса используются в государственных информационных системах, а доменные имена — в частном секторе.

3. В рамках концепции уровней интернет-архитектуры делается предположение о следующей зависимости:

- а) уровни интернет-архитектуры определяются в зависимости от существующего правового регулирования;
- б) воздействие на вышестоящий уровень архитектуры автоматически оказывает эффект на нижестоящие;
- в) воздействие на нижестоящий уровень архитектуры автоматически оказывает эффект на вышестоящие;
- г) количество уровней интернет-архитектуры зависит от количества распределенных IP-адресов.

4. На примере процедуры блокировки сайтов с «запрещенной информацией» концепция уровней интернет архитектуры может предполагать следующее описание:

- а) осуществляемые владельцем сайта действия над спорным контентом — уровень передачи данных;
- б) взаимодействие Роскомнадзора с владельцем сайта — уровень передачи данных и физический уровень;
- в) взаимодействие хостинг-провайдера с владельцем сайта — физический уровень, а с Роскомнадзором — уровень контента;
- г) взаимодействие Роскомнадзора с хостинг-провайдером — уровень контента, с оператором связи — уровень интернет-протокола.

5. Какие ключевые понятия используются в российском законодательстве для характеристики информационно-телекоммуникационных сетей?

- а) сетевые адреса, доменные имена, сетевые протоколы;
- б) владельцы интернет-сайтов, провайдеры хостинга, организаторы распространения информации в сети Интернет;
- в) информационные системы, средства защиты конфиденциальной информации;
- г) технологическая система, линия связи, информация, средства вычислительной техники.

6. В каком соотношении находятся понятия «сеть Интернет» и «информационно-телекоммуникационная сеть»?

- а) термины «сеть Интернет» и «информационно-телекоммуникационная сеть» — антонимы;
- б) термины «сеть Интернет» и «информационно-телекоммуникационная сеть» — синонимы;
- в) Интернет — частный случай информационно-телекоммуникационных сетей;
- г) информационно-телекоммуникационные сети — частный случай Интернета.

7. Что нельзя считать одним из признаков современного состояния сети Интернет (Web 2.0)?

- а) пользовательский контент;

- б) возможность доступа к сети Интернет, при прочих равных условиях, из любой точки земного шара;
- в) развитие пиринговых технологий;
- г) децентрализация субъектов, производящих информацию.

8. Концепция «Big Data» предполагает в первую очередь:

- а) анализ проблем, связанных с оборотом значительных объемов личных данных пользователей;
- б) анализ проблем, связанных с развитием технологий защиты коммерческой тайны;
- в) анализ проблем, связанных с разносторонними каналами распространения данных в рамках пиринговых сетей;
- г) анализ проблем, связанных с подключением к Интернету различных устройств (промышленных, бытовых и т.п.).

9. Информация как предмет правоотношений:

- а) может быть локализована и обособлена в пространстве;
- б) не может быть обособлена и локализована в пространстве;
- в) предполагает тот же способ извлечения полезных свойств, что и имущественные права;
- г) рассматриваться не может в принципе.

10. Результаты интеллектуальной деятельности:

- а) могут быть рассмотрены как информация;
- б) могут быть рассмотрены как информация, только если они неохранные;
- в) не могут быть рассмотрены как информация;
- г) могут быть рассмотрены как информация, только если стороны предусмотрели это в лицензионном договоре.

11. Информация потенциально может иметь:

- а) один дополнительный квалифицирующий признак;
- б) только те квалифицирующие признаки, которые стороны договорились применять к информации;
- в) два квалифицирующих признака;
- г) несколько дополнительных квалифицирующих признаков.

12. Правовая квалификация информации как рекламы может привести:

- а) к административной ответственности;
- б) к необходимости зарегистрировать СМИ;
- в) к признанию определенной юрисдикции;
- г) к необходимости подать заявление в ФАС о получении разрешения на распространение рекламы.

Рекомендуемая литература

Войниканис, Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости / Е. А. Войниканис. — М. : Юриспруденция, 2013.

Наумов, В. Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики / В. Б. Наумов. — М. : Книжный дом «Университет», 2002 (гл. 2, 6).

Рассолов, И. М. Право и Интернет. Теоретические проблемы / И. М. Рассолов. — 2-е изд., доп. — М. : Норма, 2009 (гл. 2).

Рустамбеков, И. Р. Об определении правового понятия сети Интернет / И. Р. Рустамбеков // Информационное право. — 2015. — № 3.

Савельев, А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование / А. И. Савельев. — М. : Статут, 2014 (гл. 5).

Gerovitch, S. InterNyet: why the Soviet Union did not build a nationwide computer network / S. Gerovitch // History and Technology. — 2008. — Vol. 24. — № 4. URL: <http://web.mit.edu/slava/homepage/articles/Gerovitch-InterNyet.pdf>.

O'Reilly, T. Web Squared: Web 2.0 Five Years On / T. O'Reilly, J. Battelle // Web 2.0 Summit. — 2009. — Oct. 20–22. URL: <http://www.web2summit.com/web2009/public/schedule/detail/10194>.

Rustad, M. L. The Path of Internet Law: An Annotated Guide to Legal Landmarks / M. L. Rustad, D. D'Angelo // Social Science Research Network Website. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1799578.

Solum, L. The Layers Principle: Internet Architecture and the Law / L. Solum, M. Chung // Social Science Research Network. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=416263.

Глава 5

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- основные положения, относящиеся к методам и особенностям правового регулирования отношений в сети Интернет, источникам интернет-права, субъектам и инфраструктурным элементам интернет-права;
- сущность и содержание основных понятий, категорий, институтов, правовых статусов субъектов, правоотношений, связанных с правовым регулированием отношений в сети Интернет в Российской Федерации;

уметь

- оперировать юридическими понятиями и категориями, связанными с правовым регулированием отношений в сети Интернет в Российской Федерации;
- анализировать юридические факты и возникающие в связи с ними правовые отношения, связанные с правовым регулированием отношений в сети Интернет в Российской Федерации;
- анализировать, толковать и правильно применять правовые нормы, относящиеся к правовому регулированию отношений в сети Интернет в Российской Федерации;

владеть

- юридической терминологией в области интернет-права, относящейся к правовому регулированию отношений в сети Интернет в Российской Федерации;
 - навыками анализа различных правовых явлений, юридических фактов, правовых норм и правовых отношений, связанных с правовым регулированием отношений в сети Интернет в Российской Федерации.
-

5.1. Методы и особенности правового регулирования

Диспозитивный метод: аспект саморегулирования

Вопреки распространенному подходу, диспозитивный метод более корректно может быть описан не столько посредством того, что он предполагает возможность выбора определенной модели поведения субъектами права, сколько через описание, согласно которому при применении диспозитивного метода законодатель устанавливает норму права на тот случай, если субъекты права сами не договорились о том, каким должно быть их поведение по отношению друг к другу. С некоторой долей условности можно сказать, что частное право в наиболее полном смысле слова — это право, которое формируется самими участниками правовых отношений посредством *правовой практики*, которая развивается в той области и в тех пределах, где используется диспозитивный метод правового регулирования.

Правовые отношения в сети Интернет — чрезвычайно богатая и разнообразная область для изучения правовой практики. За счет того, что в большинстве юрисдикций регулирование Интернета как такового по большей части игнорировалось государствами на протяжении 5—10 лет (в лучшем случае), но при этом возможности Интернета представляли огромный интерес для участников правоотношений уже на заре того этапа своего развития, когда Интернет стал доступным кругу пользователей за пределами научно-исследовательских кругов, на сегодняшний день накоплен уникальный по количеству и качеству объем возможных подходов к *саморегулированию отношений в сети Интернет* (что является наилучшей демонстрацией применения диспозитивного метода в интернет-праве). Как следствие, по мере развития судебной практики по разрешению споров, связанных с сетью Интернет, следует ожидать роста количества отсылок к гражданско-правовым обычаям.

Дополнительный фактор, который определяет значение диспозитивного метода правового регулирования отношений в сети Интернет для развития саморегулирования заключается в том, что многие отношения в сети Интернет предполагают принципиально новые формы взаимодействия, которые не всегда могут быть редуцированы к тем или иным диспозитивным нормам, регулирующим, например, определенные виды объектов гражданских прав или определенные виды договоров. Характерным примером здесь может выступать виртуальная собственность, проблемы которой долгое время разрешались на уровне саморегулирования исходя из диспозитивных норм права интеллектуальной собственности. Государственные органы на сегодняшний день в некоторой степени нацелены на опровержение данного подхода в судебной практике, исходя из концепции услуг по организации игрового процесса, но и эта позиция теоретически не может рассматриваться как безупречная и исчерпывающая.

**Императивный метод:
проблема юрисдикции**

Поскольку мы рассматриваем интернет-право, прежде всего, как область знаний, а нормативный материал, составляющий предмет интернет-права, включает в себя широкий круг правовых

норм различной отраслевой принадлежности, многие из этих норм закономерно относятся к числу основанных на императивном методе правового регулирования, и далеко не всегда могут быть однозначно отнесены к числу гражданско-правовых. В целом же под императивным методом правового регулирования может быть описан как подразумевающий в диспозиции правовой нормы лишь один возможный вариант поведения.

В основном применение императивного метода при правовом регулировании отношений в сети Интернет не отличается от использования императивного метода в других отраслях права. Вместе с тем в случае с сетью Интернет *применение императивного метода осложняется системной правовой проблемой определения юрисдикции*. В данном случае актуальность имеет такой аспект юрисдикции, как действие закона во времени и пространстве. В случае с диспозитивным методом такая проблема имеет меньшую актуальность (хотя полностью также устранена быть не может) в силу самой природы диспозитивных правовых норм, предусматривающих вариант поведения на тот случай, если стороны не определили свое поведение в договоре, например, в пользовательском соглашении, сами.

Основной вопрос, который на данный момент возникает на практике при введении новых императивных норм, регулирующих отношения в сети Интернет, — это вопрос о том, в какой степени, с учетом глобального и общедоступного характера большинства ресурсов Интернета, такие нормы распространяются на иностранных субъектов, которые предоставляют доступ к интернет-сайтам. Возможные подходы к разрешению данной проблемы в рамках российского права представлены в следующей главе настоящего издания.

Кроме того, актуальна и еще одна проблема — *определения отраслевой принадлежности нормативных правовых актов и отдельных правовых норм*. В зависимости от того, к какой отрасли права будет отнесена соответствующая норма, может быть сделан вывод о том, какой метод в ней использован: императивный или диспозитивный. Примером может послужить ч. 5 ст. 18 Закона о персональных данных, отражающая «поправки о локализации»: если норма диспозитивна, то персональные данные российских граждан должны храниться в Российской Федерации, но могут храниться *не только* на ее территории, если же норма имеет однозначно императивный характер и при этом не основана на принципе всеобщего дозволения, то ее следует читать так, что персональные данные российских граждан должны храниться *только* на территории РФ.

Особенности сети Интернет: контекст разделения властей

В современных правовых системах можно найти много примеров того, что, условно говоря, роль законодательной власти в регулировании отношений в сети Интернет сводится преимущественно к установлению либо системы предельно общих правил, либо, напротив, детального регулирования предельно узких областей общественных отношений, связанных с сетью Интернет. Например, регулирование персональных данных (персональные данные — правовой институт, который сложился именно в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий) в США осуществляется преимущественно на отраслевом уровне, т.е. на уровне подзаконных актов, а не законов.

Аналогичные примеры, разумеется, можно найти и в российской правовой системе. Одним из наиболее значимых изменений в правовом регулировании сети Интернет в России стало принятие Федерального закона от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Данный Закон получил широкое освещение в российских и зарубежных СМИ как «Закон о блогерах»¹, поскольку он ввел в Закон об информации ст. 10.2 «Особенности распространения блогером общедоступной информации», частично систематизировав существующие правовые нормы применительно конкретно к «блогерам», частично установив новые правила. Однако более значимым для интернет-индустрии

¹ См., например: *Корченкова Н.* К обязанностям блогеров предложили добавить права // Коммерсант. [Электронное издание]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2613142> (дата обращения: 14.01.2016).

и менее заметным по публикациям в СМИ было введение ст. 10.1 «Обязанности организатора распространения информации в сети “Интернет”».

Согласно п. 1 ст. 10.1 Закона об информации организатор распространения информации — «лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети “Интернет”». Такое общее определение, как уверенно можно сказать, лишено формальной определенности и допускает излишне широкое толкование¹. Вместе с тем на практике оно было преимущественно нацелено (и применяется, в основном, таким образом) на регулирование социальных сетей и иных коммуникационных интернет-сервисов.

Одной из ключевых обязанностей таких коммуникационных интернет-сервисов является хранение на территории РФ информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений *пользователей сети Интернет* и информацию об этих пользователях в течение шести месяцев с момента окончания осуществления таких действий, а также предоставление указанной информации правоохранительным органам. Обратим внимание, что речь не идет о хранении и обязанности предоставления на основе специальной нормы, делающей исключение из установленной процедуры, самого содержания сообщений пользователей, — оно, по общему правилу, должно охватываться тайной переписки («иных сообщений»), установленной ч. 2 ст. 23 Конституции РФ.

Очевидно, данная норма, в контексте системных проблем правового регулирования отношений в сети Интернет, содержит как минимум одну проблему, требующую разрешения — это проблема юрисдикции в смысле действия данного положения Закона об информации в пространстве. Данная проблема может быть раскрыта в двух аспектах: общем, а именно может ли данная норма российского федерального закона создавать права и обязанности для зарубежных компаний, а если да — то в каком объеме и на каких основаниях, и частном, а именно, о каких пользователях здесь идет речь? Закон об информации не раскрывает понятие и критерии пользователей, однако, что важно в контексте рассматриваемой проблемы законодательного регулирования инновационных технологий, указанная частная проблема определения юрисдикции раскрывается на уровне подзаконного акта². Оказывается, что организатор распространения информа-

¹ При буквальном прочтении под такое определение может попадать любой чат в онлайн-игре, любительский интернет-форум и т.п.

² См. п. 12 Правил хранения организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет и информации об этих пользователях, предоставления ее уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 31.07.2014 № 759.

ции должен обеспечивать хранение такой информации и ее представление правоохранительным органам не во всех случаях, а только в случаях, если пользователь, обобщая, *связан с территорией РФ*¹. Здесь мы в очередной раз можем усмотреть признаки теста «минимума контактов» в российском законодательстве в части разрешения проблемы определения юрисдикции в сети Интернет.

Данный пример характерен для правового регулирования отношений в сети Интернет тем, что *разрешение системной правовой проблемы регулирования отношений в сети Интернет вынесено на уровень подзаконного акта*. В общем, это объективно обусловлено темпами инновационного развития сети Интернет. С точки зрения консервативного взгляда на право, разумеется, такой подход можно подвергнуть критике: разрешение одного из ключевых общих вопросов фрагментарно вынесено на уровень подзаконного акта, который в целом должен издаваться исключительно во исполнение закона. Однако скорость, с которой развиваются современные информационные технологии, позволяет предположить, что в ближайшем будущем могут, например, появиться иные существенные признаки связи пользователей с территорией РФ и, как следствие, с российской юрисдикцией, которые либо должны будут стать существенным дополнением к имеющемуся списку, либо в принципе сделают его неактуальным. Вынесение подобных критериев на уровень законодательства, с учетом медленных темпов и сложности процедуры внесения изменений в закон (или принятия нового закона), по сравнению с принятием подзаконного акта, пусть даже на уровне Правительства РФ, не отвечало бы потребностям правового регулирования в области отношений в сети Интернет.

Таким образом, в условиях современного информационного общества, в части правового регулирования отношений в сети Интернет, роль законодательной власти, в определенном смысле, ограничивается, как следствие факторов, определяющих значение сети Интернет и формирующих контекст системных проблем правового регулирования данной области.

5.2. Источники интернет-права

Соотношение национального и международного права

В случае с правовым регулированием отношений в сети Интернет отсутствуют какие-либо особенности, и ч. 4 ст. 15 Конституции РФ действует в том же объеме, что и в других отношениях. Данная норма устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются частью ее правовой системы. Если международным договором РФ уста-

¹ А именно, речь идет о пользователях: а) зарегистрировавшихся с использованием сетевых адресов, определяемых организатором как используемые на территории Российской Федерации; б) авторизовавшихся с использованием таких сетевых адресов; в) указавших при регистрации документ, удостоверяющий личность, выданный российскими органами власти; г) использующих для доступа устройства или программы, содержащие геолокационные метаданные, указывающие на Россию; д) указавших в качестве контактных телефонные номера, выделенные российскими операторами связи.

новлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

При этом, разумеется, следует иметь в виду, что международные договоры должны пройти соответствующие установленные процедуры, включая ратификацию, устанавливаемые в том числе Федеральным законом от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». В свою очередь, ч. 1 ст. 15 Конституции РФ определяет, что она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ, а законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ.

С точки зрения теории и социологии права нельзя обойти стороной также и различные источники **«мягкого права» (soft law)** в широком смысле слова: международные отраслевые стандарты, «кодексы» и правила поведения, добровольно принимаемые участниками правоотношений, прочие формы саморегулирования в сети Интернет и гражданско-правовых обычаев. В зависимости от правовой природы таких правил, они могут легитимироваться в российской правовой системе как минимум в двух формах: в качестве *условий договора* (в первую очередь, включаемых посредством отсылки к определенным наборам правил) или в качестве *обычая*. Напомним, что согласно п. 1 ст. 5 ГК РФ обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе¹.

В то же время особенности соотношения источников интернет-права на международном и национальном уровне обусловлены тем, что, за редкими исключениями, как это ни парадоксально, несмотря на принципиально глобальный и международный характер сети Интернет, количество источников интернет-права на международном уровне исключительно невысоко и, как правило, имеет специальную направленность (как Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г.), не обладая при этом прямым действием.

Международно-правовые источники интернет-права

К числу международно-правовых источников интернет-права, с учетом общего подхода, описанного выше, можно отнести те международные акты, которые связаны с регулированием различных аспектов современного информационно-

го общества, и при этом прямо или косвенно затрагивают вопросы правового регулирования отношений в сети Интернет.

Так, например, И. М. Рассолов перечисляет в качестве примера в том числе следующие международно-правовые источники интернет-права:

- 1) Окинавская хартия глобального информационного общества 2000 г.;
- 2) Концепция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 г.;

¹ Обратите внимание, что такая формулировка появилась в редакции Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ. До этого ст. 5 ГК РФ говорила только об «обычае делового оборота». Таким образом, на сегодняшний день допустимо говорить об обычаях не только в предпринимательской деятельности, что актуально как раз для отношений в сети Интернет.

- 3) Декларация о свободе обмена информацией в Интернете 2003 г.;
- 4) Европейская декларация о правах человека и верховенстве права в информационном обществе 2005 г.;
- 5) Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г. (так называемая Будапештская конвенция о киберпреступности);
- 6) Европейская конвенция о трансграничном телевидении 1989 г.;
- 7) Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 г.;
- 8) Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским сообществом о сотрудничестве в области науки и технологий 2000 г.;
- 9) Соглашение о сотрудничестве в области информации 1992 г.;
- 10) Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации 2001 г.;
- 11) Декларация принципов построения информационного общества 2003 г.¹

На сегодняшний день особую актуальность имеет также Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г.

Кроме того, в контексте развития *Евразийского экономического сообщества* следует также отметить, что акты ЕАЭС также затрагивают отдельные аспекты, связанные с правовым регулированием отношений в сети Интернет, в том числе связанные с криптографическими технологиями.

Источники интернет-права на национальном уровне

В целом юридическая наука допускает различные основания для классификации источников права, в нашем случае — источников интернет-права. При этом, разумеется, первым из источников следует рассматривать **Конституцию РФ**.

Поскольку интернет-право в рамках предлагаемого подхода рассматривается как комплексный правовой институт, нормы, регулирующие правовые отношения в сети Интернет, обоснованно можно разделить на *общие* и *специальные*. Как правило, сложно подвергнуть такой классификации сами источники права, за отдельными исключениями. Конституцию РФ, в этом смысле, можно отнести к числу общих источников интернет-права, поскольку на данный момент она не содержит каких-либо специальных норм, ориентированных на регулирование соответствующих отношений.

При этом нельзя обойти вниманием и аспект уровней интернет-архитектуры, который располагает к классификации источников интернет-права не с точки зрения их общего и специального характера либо иерархии с позиций классической юридической догматики, но и с точки зрения того уровня (слоя), на регулирование которого данные источники нацелены. По сути, за исключением отдельных случаев законодательства о связи и об информационной безопасности, и с оговоркой относительно того, что

¹ *Рассолов И. М.* Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2009. С. 18 // СПС «КонсультантПлюс».

концепция уровней интернет-архитектуры имеет отдельные локальные примеры действия, подавляющее большинство актуальных источников интернет-права ориентировано преимущественно на уровень контента.

Общие нормы Конституции РФ, наиболее тесно связанные с предметом регулирования, содержатся в гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина». Наиболее релевантна ст. 29, которая гарантирует каждому свободу мысли и слова, не допускает и запрещает определенные виды пропаганды и агитации, не допускает принуждения к выражению своих мнений и убеждений и отказу от них, но (главное), за исключением случаев государственной тайны, устанавливает право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, а также гарантирует свободу массовой информации и запрещает цензуру. В последнее время применительно к отношениям в сети Интернет также актуализируется и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, определяющая, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. Данное положение имеет прямое отношение к проблемам обработки персональных данных в сети Интернет.

Также необходимо учитывать, что при толковании различных правовых текстов, общие положения Конституции РФ, определяющие основы конституционного строя, также имеют серьезное значение. В частности, согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина признаются обязанностью государства. Данный тезис наглядно виден на примере Закона о персональных данных и проблемы определения понятия персональных данных.

Это интересно

Закон о персональных данных определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (п. 1 ст. 3 Закона о персональных данных). Данное определение соответствует определению, содержащемуся в Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г., согласно которой персональные данные означают любую информацию об определенном или поддающемся определению физическом лице (п. «а» ст. 2 Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г.). В то же время при буквальном толковании такое определение позволяет отнести к понятию персональных данных практически любую информацию, поскольку практически любая информация (например, температура Солнца, поскольку она с точки зрения отдельных научных подходов косвенно может сказываться на физическом состоянии субъекта персональных данных) относится к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу — естественно, в самом общем смысле все физические лица без исключения являются определенными или определяемыми. Можно сказать, что в законодательном тексте отсутствуют слова «на основании такой информации». Соответственно, на практике не теряют актуальности дискуссии относительно того, какая именно информация (набор данных) может рассматриваться в качестве персональных данных. Судебная практика на данный момент склоняется к тому, что такая информация должна позволять идентифицировать лицо. Но в некоторых случаях и этого критерия недостаточно. Однако если вспомнить, что рассматриваемое

положение Конституции РФ воспроизводится в ст. 2 Закона о персональных данных («Целью настоящего Федерального закона является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных...»), то это следует учитывать в системном толковании определения персональных данных. Одним из результатов такого толкования может быть вывод о том, что если определенный набор данных не может быть использован для нарушения прав и законных интересов субъекта персональных данных, то это будет дополнительным аргументом против квалификации такой информации как персональных данных.

Если говорить о следующих уровнях в иерархии источников интернет-права, то значительная часть кодексов и иных федеральных законов, а также принятых во их исполнение подзаконных актов может рассматриваться как *общие* источники интернет-права, которые могут также включать в себя отдельные специальные нормы. В большинстве отраслей права и законодательства можно найти нормы, которые будут, в числе прочего, распространяться на отношения, развивающиеся в связи и по поводу использования сети Интернет, а причина этого заключается в том, что *значительная часть общественных отношений в условиях информационного общества может реализовываться в том числе посредством сети Интернет*. Поэтому неудивительно, что многие правовые тексты крайне релевантны для интернет-права, например общая часть ГК РФ.

Собственно, **ГК РФ** по очевидным причинам может рассматриваться как один из наиболее актуальных общих источников интернет-права, содержащих при этом отдельные специальные нормы. Большая часть норм Общей части ГК РФ широко применяется в регулировании отношений в сети Интернет. Наиболее простым примером может быть разд. III «Общая часть обязательственного права» и его подраздел 2 «Общие положения о договоре», на основании которых разрешается значительное число споров, вытекающих из отношений в сети Интернет. Например, п. 3 ст. 434 ГК РФ, определяющий, что письменная форма договора считается соблюденной, если письменное предложение заключить договор принято в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 438 ГК РФ. В свою очередь, п. 3 ст. 438 ГК РФ говорит о совершении лицом, получившим оферту, в срок, установленный для ее акцепта, действий по выполнению указанных в ней условий договора, что считается, по общему правилу, акцептом. Эти положения часто применяются в отношении лицензионных соглашений и соглашений с конечным пользователем, заключаемых в сети Интернет, например, посредством простановки «галочки» в графе «Принимаю условия пользовательского соглашения» или иной аналогичной. Последующие действия пользователя по использованию интернет-сервиса можно считать акцептом оферты, изложенной в соответствующем пользовательском соглашении, на условиях такой оферты¹.

Многие другие общие нормы ГК РФ как части первой, так и всех остальных частей, активно используются в правовых отношениях в сети

¹ Подробный анализ данного способа квалификации договоров, заключаемых посредством сети Интернет, см.: Савельев А. И. Электронная коммерция в России без ЭЦП: иллюзия или реальность? // Вестник гражданского права. 2013. № 3. С. 43–88.

Интернет. Нормы части второй ГК РФ используются в ситуации с различными видами договоров, опосредуемых сетью Интернет. Особое место при этом занимают положения гл. 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг, поскольку в актуальной судебной практике наблюдается переход от правовой квалификации отношений в рамках многих интернет-сервисов (программных и информационных сервисов, социальных сетей, онлайн-игр и др.) от квалификации исключительно через лицензионные отношения в смысле интеллектуальной собственности, к квалификации как услуг. К практическим примерам в данной области можно отнести концепцию *SaaS* — «*Software as a Service*» («Программное обеспечение как услуги»), применимую в широком круге отношений, включая отношения по облачному хранению и обработке данных, а также многопользовательские игры, в которых приобретение игрового контента за реальные деньги начинает рассматриваться не как получение лицензии в смысле интеллектуальных прав, а как услуги по организации игрового процесса. Раздел IV ГК РФ «Международное частное право» имеет серьезное значение для определения юрисдикции в смысле права, подлежащего применению к различным отношениям. Наконец, часть четвертая ГК РФ тесно связана с интернет-правом через призму проблематики интеллектуальных прав и их защиты.

ГК РФ при этом содержит в различных своих частях и целый ряд специальных норм интернет-права. Так, п. 5 ст. 152 ГК РФ в редакции Федерального закона от 02.07.2013 № 142-ФЗ содержит специальное положение о праве гражданина требовать удаления сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, доступных в Интернете, а также опровержения данных сведений тем же способом. Пункт 3 ст. 152.1 ГК РФ устанавливает аналогичное (за исключением, соответственно, опровержения) право требовать удаления изображения, неправомерно размещенного в сети. Пункт 1 ст. 1212 ГК РФ, хотя и прямо не использует термин «Интернет» или его эквиваленты, по сути, устанавливает право определения применимого права для отношений с участием потребителя и главным образом при использовании сети Интернет. Статья 1253.1 ГК РФ содержит принципиальную норму, определяющую особенности ответственности информационного посредника в информационно-телекоммуникационной сети. ГК РФ содержит и отдельные нормы, где упоминание сети Интернет носит сугубо утилитарный характер, например п. 4 ст. 222 ГК РФ содержит обязанность размещать в Интернете информацию о сносе самовольной постройки.

Другие кодексы и федеральные законы, а также принятые во их исполнение подзаконные акты, также содержат общие и, в меньшей степени, некоторые специальные нормы. Перечислять все из них не имеет принципиального значения для данной части настоящего издания, но в качестве примера можно привести **ГПК РФ**. Понятно, что многие споры, вытекающие из правоотношений в сети Интернет, подлежат разрешению в судебном порядке в соответствии с правилами гражданского судопроизводства. При этом ГПК РФ содержит и отдельные принципиальные специальные нормы, существенным образом влияющие на отдельные правовые отношения в сети Интернет. Так, ст. 144.1 ГПК РФ устанавливает порядок принятия предва-

рительных обеспечительных мер защиты авторских и (или) смежных прав и информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет. Пункт 10 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ устанавливает, что суды в Российской Федерации вправе рассматривать дела с участием иностранных лиц даже в случае, если организация-ответчик не находится на территории РФ или гражданин-ответчик не имеет места жительства в Российской Федерации, а также отсутствуют какие-либо специальные основания для признания юрисдикции в случае, если по делу о защите прав субъекта персональных данных, в том числе о возмещении убытков и (или) компенсации морального вреда, истец имеет место жительства в Российской Федерации. Хотя прямо об Интернете в данном пункте и не говорится, большинство способов, которыми в таких условиях могут быть нарушены права субъекта персональных данных, предполагают именно использование Интернета.

Помимо указанных выше источников интернет-права, которые, скорее, относятся к общим источникам, есть несколько федеральных законов, которые могут быть отнесены, скорее, к *специальным* источникам интернет-права. Здесь следует отметить, что разграничение источников интернет-права на общие и специальные представляет собой не более чем утилитарную формальную модель, и, разумеется, в «специальных» источниках также могут присутствовать и присутствуют общие нормы, которые используются не только в связи с отношениями в сети Интернет.

В Российской Федерации на момент написания настоящего издания отсутствует какой-либо нормативный правовой акт, который содержал бы термин «Интернет» или его эквиваленты *в своем названии*. Вместе с тем за последние годы основным специальным нормативным правовым актом, регулирующим правовые отношения в сети Интернет, стал **Закон об информации**. В условиях цифровой эпохи это неудивительно, поскольку предмет большей части информационных правоотношений в ней имеет цифровое выражение, а оборот информации обеспечивается за счет информационно-телекоммуникационных сетей и, прежде всего, сети Интернет.

Какие положения Закона об информации следует отметить как наиболее принципиальные? Прежде всего, Закон об информации содержит несколько ключевых определений, имеющих межотраслевое значение. В частности, «информационно-телекоммуникационная сеть» (п. 4 ст. 2), «сайт в сети “Интернет”» (п. 13 ст. 2), «страница сайта в сети “Интернет”» (п. 14 ст. 2), «доменное имя» (п. 15 ст. 2), «сетевой адрес» (п. 16 ст. 2), «владелец сайта в сети “Интернет”» (п. 17 ст. 2), «провайдер хостинга» (п. 18 ст. 2). Кроме того, отдельные определения вытекают из содержания последующих специальных норм, регулирующих определенные информационные отношения. Закон об информации содержит основные нормы, императивно регулирующие деятельность «организаторов распространения информации в сети “Интернет”» (ст. 10.1) — сервисов электронной почты, социальных сетей и иных коммуникационных интернет-сервисов, а также нормы, императивно регулирующие деятельность «блогеров»¹ (ст. 10.2).

¹ В Законе об информации была принята транслитерация данного популярного термина с использованием одной буквы «г» вместо более привычных двух.

При этом Закон об информации также содержит ряд специальных норм о блокировке интернет-сайтов. Статьи 15.1–15.6 Закона об информации содержат различные категории, основания и процедурные особенности блокировки интернет-сайтов по различным основаниям, от категорий «информации, запрещенной к распространению в сети “Интернет”» исторически появившихся первыми — например, детской порнографии, до нарушения законодательства о персональных данных.

Несмотря на то что Закон об информации сейчас стал практически основным нормативным правовым актом, который содержит именно *специальные* нормы, ориентированные на регулирование правовых отношений в сети Интернет, есть немало оснований для критики юридической техники данного закона. Помимо использования громоздких формулировок и терминов¹, в Законе нарушается несколько принципов юридической техники. Например, очевидно, что различные термины должны иметь различное значение — это понятное правило для правовых текстов (которое, заметим, отличается от стиля литературного языка, но на то есть особые основания, а именно необходимость ясности и однозначности нормативных предписаний). Например, ч. 1 ст. 15.1 Закона об информации говорит об «ограничении доступа к сайтам в сети “Интернет”». Часть 1 ст. 15.2 и ч. 1 ст. 15.3 Закона использует в том же контексте термины «информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть “Интернет”». В свою очередь, ч. 1 ст. 15.4 Закона использует в аналогичном случае уже термин «информационный ресурс», а в ч. 1 ст. 15.5 говорится уже просто об «ограничении доступа к информации в сети “Интернет”». В действительности, речь идет об одном и том же объекте (одной и той же ситуации). Более корректно было бы говорить, вероятно, об «ограничении доступа к информационному ресурсу в информационно-телекоммуникационной сети» (необязательно Интернет, поскольку в перспективе нельзя исключать возникновения сетей, действующих на основании иного протокола). При этом Закон об информации не содержит определения понятия «информационный ресурс [информационно-телекоммуникационной сети]», а включают только более узкое понятие «сайта в сети “Интернет”». Определения Закона об информации также могут заслуживать критики в силу своей принципиальной многозначности. Можно согласиться, разумеется, с тем, что проблема соответствия темпа развития технологий и изменения законодательства позволит в принципе когда-либо сформулировать более адекватные определения и подходы, однако свободное отношение к определениям в законодательном тексте вряд ли можно рассматривать как решение данной проблемы. В то же время Закон об информации, несомненно, играет принципиальную роль в правовой квалификации широкого круга правовых отношений в сети Интернет, и его наличие с текущим уровнем

¹ Например, Закон об информации использует термин, который в дальнейшем воспроизводится и в подзаконных актах, в том числе в названиях таких подзаконных актов: «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети “Интернет” и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети “Интернет”, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено». Сложно назвать данный термин удачным.

юридической техники более предпочтительно, чем отсутствие какого бы то ни было регулирования в принципе.

К особой категории национальных источников интернет-права следует отнести такие нормативные правовые акты, которые содержат нормы, на первый взгляд, представляющие собой общие нормы, но при этом, в силу того, что они ориентированы на регулирование отдельных категорий информации, с учетом текущего этапа развития информационного общества такие акты следует рассматривать уже скорее как специальные.

Одним из таких особых актов является **Закон о персональных данных**. Несмотря на то что данный закон содержит небольшое количество случаев прямого использования термина Интернет и иных специальных терминов, соответствующих реалиям современных информационно-телекоммуникационных технологий, ясно, что на нынешнем этапе развития информационного общества использование персональных данных (которые являются частным случаем информации как таковой) осуществляется преимущественно с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Обработка персональных данных без использования вычислительной техники представляет собой уже либо менее частую, либо менее значимую ситуацию.

Закон о персональных данных содержит также и две релевантные нормы, которые прямо сформулированы как специальные по отношению к Интернету:

1) согласно ч. 2 ст. 18.1 Закона о персональных данных (еще в первоначальной редакции), оператор, осуществляющий сбор персональных данных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, обязан опубликовать в соответствующей информационно-телекоммуникационной сети документ, определяющий его политику в отношении обработки персональных данных, и сведения о реализуемых требованиях к защите персональных данных, а также обеспечить возможность доступа к указанному документу с использованием средств соответствующей информационно-телекоммуникационной сети. Иными словами, если оператор действует в Интернете, политика персональных данных должна быть опубликована в сети;

2) в соответствии с недавними «поправками о локализации» согласно ч. 5 ст. 18 Закона о персональных данных при сборе персональных данных, в том числе посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, оператор обязан обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение персональных данных граждан Российской Федерации с использованием баз данных, находящихся на территории РФ, за отдельными исключениями. Как будет показано далее, данная норма имеет принципиальное значение для регулирования отношений в сети Интернет, а ее значение выходит далеко за область проблематики персональных данных как таковой, поскольку она фактически закрепляет начала одного из подходов к регулированию отношений в сети Интернет и определению юрисдикции.

В числе прочих нормативных правовых актов, носящих в целом общий характер, но в силу ориентированности на регулирование особого рода

информационных отношений, которые в условиях цифровой эпохи фактически следует рассматривать как отношения в информационно-телекоммуникационных сетях, — **Закон о СМИ**. Данный Закон интересен в том числе и тем, что он был принят еще даже до Конституции РФ, но при этом сохранил свое действие без системных изменений и по сей день. При этом наиболее принципиальные изменения в Закон о СМИ вносились как раз в той части, в которой Закон о СМИ затрагивал вопросы регулирования отношений в сети Интернет. На сегодняшний день, например, данный нормативный правовой акт содержит отдельное понятие *сетевого издания*. Под сетевым изданием согласно ст. 2 Закона о СМИ понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистрированный в качестве СМИ в соответствии с данным Законом. Примечательно, что в соответствии с действующим подходом статус интернет-сайта как СМИ, соответственно, определяется на основании не объективного, а субъективного критерия: если владелец интернет-сайта зарегистрировал свой сайт как СМИ, то сайт будет обладать таким статусом, а если нет — то не будет. И то и другое с практической точки зрения имеет как положительные, так и отрицательные стороны, в зависимости от конкретной практической ситуации.

Еще одним федеральным законом, устанавливающим общие нормы, которые в условиях цифровой эпохи в значительной степени ориентированы на отношения в сети Интернет, является **Закон о рекламе**. Реклама, как персональные данные и СМИ, может рассматриваться как отдельный квалифицирующий признак информации в целом, поэтому значительная часть норм данного Закона, определяющая правила, применимые к содержанию рекламного контента, все в большей степени относится к правовым отношениям в сети Интернет. Кроме того, специальная норма ч. 1 ст. 18 Закона о рекламе определяет, что распространение рекламы по сетям электросвязи (еще один общий термин, который, в свою очередь, включает в себя и информационно-телекоммуникационные сети), в том числе посредством использования телефонной, факсимильной, подвижной радиотелефонной связи, допускается только при условии предварительного согласия абонента. Недавняя практика ФАС России, на которую возложены обязанности по контролю в сфере рекламы, показывает, что в современных условиях термин «абонент», использованный в данной норме, первоначально ориентированной на технический уровень, в котором Интернет еще не играет принципиальной роли, следует трактовать расширительно, не только в контексте законодательства о связи. «Абонент» в данном случае используется и для обозначения пользователей сети Интернет. При этом само правило о предварительном согласии на получение рекламных материалов представляет собой не что иное как правило «*opt-in*», как оно известно в зарубежных юрисдикциях.

Делая *обобщение* относительно действия специальных (или как бы «скорее, специальных, чем общих» — в условиях цифровой эпохи) нормативных правовых актов, нацеленных на регулирование правовых отношений в сети Интернет, следует отметить, что они в целом находятся по отношению к Закону об информации, в некотором смысле, как части к целому.

И персональные данные, и СМИ, и реклама, а также любые иные специализированные квалифицирующие признаки информации, к которым можно отнести и отдельные нормы части четвертой ГК РФ, в том числе об интеллектуальных правах на объекты авторского права, применяются в дополнение к нормам Закона об информации и должны иметь приоритет над последними, как основанные на специальных нормах. В числе таких нормативных правовых актов следует упомянуть также **Закон о защите детей**.

Отдельно следует отметить как минимум еще две группы нормативных правовых актов, *регулирующих физический уровень интернет-архитектуры*. Это, в первую очередь, законодательство о связи, а также законодательство об информационной безопасности.

В наиболее общем смысле к источникам позитивного законодательства, предметом которого выступают правовые отношения в сети Интернет, могут быть отнесены и иные нормативные правовые акты, которые регулируют различные аспекты информационного взаимодействия, поскольку такое взаимодействие сейчас с необходимостью опосредуется информационно-телекоммуникационными сетями.

Роль судебной практики в развитии интернет-права

Правовая система Российской Федерации относится к романо-германской правовой семье, в которой основным источником права является нормативный правовой акт, а не судебный прецедент. Официально судебный прецедент

не признается в качестве источника права во многих странах романо-германской правовой семьи, в том числе и в России.

Вместе с тем сложно переоценить роль *судебной (и еще досудебной — правовой) практики* в развитии правового регулирования отношений в сети Интернет в Российской Федерации. Это происходит по той очевидной причине, что суды, как правило, сталкиваются с системными правовыми проблемами регулирования отношений в сети Интернет еще задолго до законодателя, поскольку не могут отказать истцам в праве на судебную защиту.

Примерами судебной практики, которая оказала воздействие на регулирование отношений в сети Интернет и впоследствии — на развитие законодательства, нацеленного на такое регулирование, могут послужить практически все приведенные в настоящем издании судебные акты.

В этом контексте также нельзя обойти вниманием **практику Конституционного Суда РФ**, отдельные решения которого специально ориентированы на разрешение проблем правового регулирования отношений в сети Интернет, хотя и не могут рассматриваться как источники права с точки зрения многих теоретических подходов. На данный момент самым ярким примером, пожалуй, будет Постановление от 09.07.2013 № 18-П¹. Данное Постановление было связано с Решением Сургутского городского суда

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова».

Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 01.06.2010, которым была признана часть сведений, распространенных на сайте «Сургутский форум» неизвестными пользователями, порочащими честь и достоинство гражданина и не соответствующими действительности, а другая часть – негативными оценочными мнениями и суждениями, совершенными в унижительной и оскорбительной формах, несовместимыми с природой права на свободное выражение мнений и убеждений, выходящими за допустимые пределы осуществления этого права, умаляющими честь и достоинство гражданина. Помимо ряда ценных заключений в части нематериальных благ, данное Постановление развивает подход к решению проблемы ответственности *информационных посредников*. В частности, Конституционный Суд РФ в нем заключил, что на информационного посредника может быть возложена обязанность по удалению противоправного контента, но такая обязанность не выражает юридическую *ответственность* информационного посредника, поскольку на нем, при прочих равных условиях, не лежит вина за совершенное правонарушение, тогда как виновными лицами будут пользователи, даже если они неизвестны и установить их невозможно.

5.3. Субъекты правоотношений в сети Интернет

Нельзя исключать, что в будущем, по мере развития доктрины интернет-права и интернет-права как структурной составляющей системы права, будет сформирована особенная концепция субъектов правоотношений для данной области знаний и практики. Вместе с тем на сегодняшний день в рамках предлагаемого подхода, в качестве субъектов правоотношений в сети Интернет могут рассматриваться *любые субъекты права, признаваемые таковыми общей теорией права*. При этом в зависимости от конкретного вида правоотношения, которое предполагает опосредованность сетью Интернет, данные субъекты могут быть конкретизированы на уровне соответствующей отрасли права. Например, как субъекты гражданско-правовых отношений, обладающие гражданско-правовой правосубъектностью, и относящиеся к определенному виду, например, к категории юридических лиц.

Уже на данном этапе очевидно, что *субъекты правоотношений в сети Интернет нуждаются и в конкретизации с учетом архитектурных особенностей данной сети*. Место субъекта соответствующих правоотношений в общей сетевой инфраструктуре может существенным образом влиять как на его права и обязанности с точки зрения информационного права, так и на особенности применения к такому субъекту норм фундаментальных отраслей права. На сегодняшний день Закон об информации содержит несколько ключевых определений субъектов, обусловленных необходимостью конкретизации правового статуса отдельных участников правоотношений в сети Интернет с учетом их отношения к сетевой инфраструктуре.

Отдельно при этом следует отметить, что применительно к отношениям в сети Интернет часто используется понятие *пользователя*, однако у него нет какого-либо специального определения. Как правило, данный термин

используется для обозначения субъекта правоотношения, который получает в рамках такого правоотношения определенное благо и (или) извлекает для себя определенные полезные свойства в процессе использования отдельных ресурсов сети Интернет. В этом смысле пользователями также могут быть любые субъекты правоотношений, хотя часто данный термин используется для обозначения физического лица, которое может иметь статус *потребителя* по Закону о защите прав потребителей либо лицензиата в рамках отношений, регулируемых правом интеллектуальной собственности.

С методологической точки зрения следует отметить, что настоящий параграф содержит обзор основных субъектов правоотношений в сети Интернет с точки зрения преимущественно архитектурного и инфраструктурного аспектов, но специальное законодательство может определять и иные категории субъектов, так что данный обзор не может считаться исчерпывающим.

Владельцы сайтов

Исторически одним из первых законодательных определений в данной области стало определение владельцев сайтов в сети Интернет.

Закон об информации содержит термин **«владелец сайта в сети “Интернет”»** и определяет его как лицо, самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта в сети Интернет, в том числе порядок размещения информации на таком сайте (п. 17 ст. 2 Закона об информации).

Термин «владелец» согласно принципам филологического толкования и сложившемуся фактическому порядку отношений не следует в данном случае соотносить с гражданско-правовой концепцией владения как фактическим господством над вещью. «Владение» в интернет-праве связано исключительно с информационными и архитектурными аспектами.

Другое понятие, установленное Законом об информации, с которым понятие владельца сайта в сети Интернет может соотноситься, это понятие **«обладатель информации»**, который определяется как лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам (п. 5 ст. 2 Закона об информации).

Исходя из складывающейся практики можно сформулировать две основных концепции соотношения данных понятий:

1) *владелец сайта всегда представляет собой обладателя информации в отношении всей информации, размещенной на сайте* (даже если этот сайт — блог-платформа). Такой подход подтверждается той судебной практикой, в которой, например, было признано разглашением конфиденциальной информации загрузка такой информации на личный закрытый почтовый ящик в общедоступной системе электронной почты. Причина — такой сер-

вис электронной почты может иметь доступ к информации в таком ящике и, кроме того, может удалить его в соответствии с правилами использования. Данный подход не учитывает особенность функций и деятельности информационных посредников;

2) *владелец сайта представляет собой обладателя информации только в отношении «собственной» информации на сайте.* При таком подходе обладателем информации в ящике электронной почты, созданном в информационной системе третьего лица, может считаться только пользователь такого сервиса. Дополнительно может быть введена опровержимая презумпция неприкосновенности информации (со стороны владельца сайта), содержащейся в таком электронном почтовом ящике. Такая презумпция может вытекать из общей презумпции добросовестности участников гражданско-правовых отношений. Данный подход учитывает особенности функций и деятельности информационных посредников.

В целом выбор каждого из указанных подходов является на данный момент предметом дискуссий. В первом случае закон интерпретируется таким образом, что обеспечивает более высокий стандарт конфиденциальности информации, во втором же он устанавливает за счет потери такого стандарта более благоприятные условия для развития рынка услуг информационных посредников.

Информационные посредники

Инфраструктура сети Интернет невозможна без информационных посредников на каждом уровне сетевой архитектуры. В определенном смысле, информационный посредник — это любое лицо, которое участвует на том или ином этапе или уровне передачи информации. Как правило, в передаче единицы информации в сети Интернет участвует несколько информационных посредников.

Термин «информационный посредник» используется в интернет-праве в нескольких смыслах.

Во-первых, как общий доктринальный термин, обозначающий любое лицо, которое участвует в обеспечении технологического процесса производства, обработки, распространения и передачи информации. Информационные посредники — это провайдеры хостинга, операторы связи, интернет-провайдеры, организаторы распространения информации в сети Интернет (владельцы сайтов, предназначенных для коммуникации между пользователями). В широком смысле слова, пользователи в условиях Web 2.0 — это тоже информационные посредники, хотя строгое юридическое значение данной квалификации остается под вопросом.

Во-вторых, как специальный термин ГК РФ, непосредственно применяемый в отношениях, связанных с нарушением интеллектуальных прав в сети Интернет. Пункт 1 ст. 1253.1 ГК РФ указывает на три вида информационных посредников, тем самым определяя общий термин:

1) лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет;

2) лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети;

3) лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети.

Как видно, специальное понимание информационных посредников соответствует общему доктринальному пониманию, хотя в каждой конкретной ситуации могут быть трудности с определением того, к какой именно категории следует относить конкретного информационного посредника.

Провайдеры хостинга

Российское законодательство предусматривает и отдельное определение провайдера хостинга.

Согласно п. 18 ст. 2 Закона об информации **провайдер хостинга** — лицо, оказывающее услуги по предоставлению вычислительной мощности для размещения информации в информационной системе, постоянно подключенной к сети Интернет.

Исторически провайдер хостинга представляет собой одну из наиболее ранних разновидностей информационных посредников. На уровне приложений (речь идет об уровне интернет-архитектуры) интернет-сайт предельно упрощенно может быть представлен как совокупность определенным образом структурированных файлов определенного технического содержания, которые будучи размещенными в папке на жестком диске сервера, поддерживаемого хостинг-провайдером, воспроизводят целостное отображение на экране пользователя.

Провайдер хостинга при этом зачастую обеспечивает и предоставление доступа в Интернет (т.е. действует как интернет-провайдер или оператор связи) или регистрирует доменные имена. Крупные интернет-компании часто выступают как собственные хостинг-провайдеры.

К хостинг-провайдерам могут быть обращены требования государственных органов как к информационным посредникам, связанные с удалением информации, размещенной на сайтах клиентов хостинг-провайдеров.

Интернет-провайдеры и операторы связи

Понятие интернет-провайдера не установлено в законодательстве именно в таком виде, но из системного толкования Закона о связи следует, что **интернет-провайдер** — это частный случай оператора связи. Часть 5 ст. 46 Закона о связи использует термин «оператор связи, оказывающий услуги по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”», тем самым определяя данное понятие. Законодательство в целом при этом оперирует понятием «оператор связи», подразумевая интернет-провайдеров в соответствующих случаях.

Понятие **оператора связи** содержится в п. 12 ст. 2 Закона о связи — это юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, оказывающие услуги связи на основании соответствующей лицензии.

Сама по себе **услуга связи**, при этом, согласно п. 32 ст. 2 Закона о связи, представляет собой деятельность по приему, обработке, хранению, передаче, доставке сообщений электросвязи или почтовых отправлений.

В свою очередь, **электросвязь** по п. 35 ст. 2 Закона о связи — это любые излучение, передача или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам.

Как мы видим, подключение к сети Интернет, обеспечиваемое интернет-провайдером как оператором связи, — это частный случай услуг связи.

Регистраторы доменных имен

Отдельно следует сказать, что Интернет невозможен не только без провайдеров хостинга и операторов связи, но и без тех, кто обеспечивает систему адресации и маршрутизации с использованием се-

тевых адресов и доменных имен, т.е. **регистраторов доменных имен**.

Ключевую роль в системе делегирования доменных имен (и распределения IP-адресов) играет *ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers*, т.е. корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами), представляющая собой некоммерческую организацию, зарегистрированную по праву штата Калифорния, США, и осуществляющую свою деятельность на основании соглашения, заключенного с Департаментом торговли США¹. Такой порядок обусловлен историческим контекстом развития Интернета, однако он вызывает дискуссии и критику как со стороны международного сообщества, так и со стороны США, поскольку Интернет имеет уже глобальное значение, но маршрутизация в Интернете технически администрируется частной организацией одной определенной юрисдикции, хотя она и построена по принципу долевого участия в определении решений.

Доменные имена структурируются по уровням (примеры доменного имени первого уровня — .com, пример доменного имени второго уровня — google.com и т.д.), и *делегируются в рамках иерархической системы саморегулирования сообщества ICANN*. При этом *ICANN* делегирует право распределять доменные имена организациям условно нижестоящего уровня в рамках данной системы, в иерархию могут также при этом включаться «реселлеры», осуществляющие предпринимательскую деятельность в виде регистрации доменных имен. Владельцы сайтов выступают владельцами доменных имен.

В некотором смысле регистраторы доменных имен также могут рассматриваться как особая разновидность информационных посредников в широком смысле по двум причинам. Во-первых, без их деятельности была бы практически невозможна навигация в сети Интернет. Во-вторых, они располагают фактической возможностью, которая часто используется на практике, пресекать правонарушения, связанные с использованием доменных имен, например, в случае нарушения права на товарный знак (в отдельных

¹ Устав *ICANN* размещен в открытом доступе на сайте организации (URL: <https://www.icann.org/resources/pages/governance/articles-en>), как и текст действующего на момент написания настоящего издания соглашения с приложениями (URL: <https://www.icann.org/resources/pages/agreements-en> (дата обращения: 14.01.2016)).

случаях возможно использование процедуры альтернативного разрешения споров *UDRP – Unified Domain-Name Dispute Resolution Policy*)¹.

Деятельность регистраторов доменных имен не имеет специального регулирования в Российской Федерации, и может рассматриваться как характерный и наиболее стабильный сегмент саморегулирования в сети Интернет².

Организаторы распространения информации

Потребность в правовом регулировании особой категории информационных посредников — владельцев сайтов, представляющих собой как классические коммуникационные интернет-сервисы (например, электронная почта), так и социальные платформы Web 2.0, привела к введению в российское законодательство специальной категории организатора распространения информации в сети Интернет.

Согласно ч. 1 ст. 10.1 Закона об информации **организатором распространения информации в сети Интернет** является лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для ЭВМ, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети Интернет.

На организаторов распространения информации в сети Интернет возлагается ряд обязанностей. Так, организаторы обязаны уведомить федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере СМИ, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, о начале осуществления своей деятельности. В ходе осуществления деятельности он обязан хранить на территории РФ информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки любых электронных сообщений пользователей и информацию об этих пользователях в течение шести месяцев, а также передавать данную информацию уполномоченным государственным органом. Организатор также должен отвечать техническим требованиям, обеспечивающим возможность такой передачи.

Исключение из данных требований установлено для операторов государственных информационных систем, муниципальных информационных систем, операторов связи (в части лицензируемой деятельности), а также для граждан, осуществляющих данную деятельность для личных семейных и домашних нужд³.

Блогеры

Возрастающая роль, которую владельцы личных регулярно обновляемых интернет-страниц (блогов) стали играть в условиях Web 2.0, стала поводом также и для появления в Законе об информации ст. 10.2 «Особенности распространения блогером общедоступной информации».

¹ Подробнее см.: URL: <https://www.icann.org/resources/pages/udrp-2012-02-25-ru> (дата обращения: 14.01.2016).

² Подробнее о правовом статусе регистраторов в российской правовой системе см.: Даниленков А. В. Правовой статус регистратора доменных имен // Информационное право. 2014. № 5.

³ Перечень таких нужд определяется постановлением Правительства РФ от 31.07.2014 № 747.

Согласно ч. 1 ст. 10.2 Закона об информации, **блогер** — это владелец сайта и (или) страницы в сети Интернет, на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более 3000 пользователей сети Интернет.

Блогеры обязаны при размещении и использовании указанной информации соблюдать законодательство РФ, в частности не допускать использование блога для целей нарушения российского законодательства, включая разглашение охраняемой законом тайны, экстремистскую деятельность и т.п. Отметим — «не допускать» подразумевает и комментарии, оставляемые в блоге другими пользователями.

На блогеров дополнительно возлагается обязанность проверять достоверность размещаемой общедоступной информации *до ее размещения* и незамедлительно удалять недостоверную информацию. Кроме того, на блогеров возложена обязанность соблюдать требования законодательства РФ, регулирующие порядок распространения массовой информации, хотя правовой статус блогеров от этого не изменился. Блогер при этом также обязан не использовать Интернет в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений и распространения заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений.

Дополнительно блогеры обязаны размещать в блоге свою фамилию и инициалы, а также электронный адрес для направления ему юридически значимых сообщений. При этом Роскомнадзор ведет также реестр блогеров и обладает правом запрашивать у организаторов распространения информации в сети Интернет информацию, необходимую для ведения такого реестра.

Лица, которые владеют сайтами, отвечающими признакам блога, но уже зарегистрированными в качестве СМИ, исключаются из диспозиции ст. 10.2 Закона об информации.

Операторы поисковой системы

Количество специальных субъектов интернет-права в российском позитивном праве растет. В контексте развития подходов к «праву на забвение» в ЕС, в Закон об информации Федеральным законом от 13.07.2015 № 264-ФЗ с 1 января 2016 г. введено понятие поисковой системы и установлено специальное регулирование обязанностей оператора поисковой системы в связи с указанным правом граждан.

Согласно п. 20 ст. 2 Закона об информации **поисковая система** — информационная система, осуществляющая по запросу пользователя поиск в сети Интернет информации определенного содержания и предоставляющая пользователю сведения об указателе страницы сайта в сети Интернет для доступа к запрашиваемой информации, расположенной на сайтах в сети Интернет, принадлежащих иным лицам¹, за исключением информационных систем, используемых для осуществления государственных и муниципальных функций, оказания государственных

¹ Из чего следует, что внутренний поиск на собственном сайте не может рассматриваться в качестве «поисковой системы» в смысле Закона об информации.

и муниципальных услуг, а также для осуществления иных публичных полномочий, установленных федеральными законами.

Закон об информации в части обязанностей оператора поисковой системы *прямо затрагивает системную проблему определения юрисдикции*. Согласно ч. 1 ст. 10.3 Закона об информации требования к операторам поисковых систем распространяются на тех операторов поисковых систем, распространяющих в сети Интернет рекламу, которая направлена на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории РФ, тем самым развивая в российском законодательстве подходы, соответствующие «тесту минимума контактов».

Такие операторы поисковых систем по требованию гражданина обязаны прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет (закон также указывает на термин «ссылка» как на синоним), позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства РФ, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость.

Закон устанавливает требования к содержанию обращения гражданина и к процедуре его обработки. Примечательно, что он также содержит обязанность оператора не раскрывать информацию о факте обращения к нему заявителя с таким требованием.

Государственные органы

Рассматривая специальные случаи участия государственных органов в правовом регулировании отношений в сети Интернет, следует отметить, что круг таких органов определяется особенностями конкретного правоотношения. Например, в процедурах блокировки сайтов на основании наличия информации, запрещенной к распространению, решения о таких блокировках могут применяться в том числе ФСКН, Роспотребнадзор или ФНС России.

В то же время следует отдельно выделить роль специального органа исполнительной власти, на который возложены основные полномочия, связанные с реализацией государственных функций, связанных с регулированием отношений в сети Интернет. Таким органом является *Роскомнадзор*.

Согласно Положению о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, утвержденному постановлением Правительства РФ от 16.03.2009 № 228, Роскомнадзор является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере массовой информации, в том числе электронных, и массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, функции по контролю и надзору за соответствием обработки персональных данных требованиям законодательства РФ в области персональных данных, а также функции по организации деятельности радиочастотной службы (п. 1).

Роскомнадзор осуществляет государственный контроль и надзор, в том числе за соблюдением операторами связи требований к пропуску трафика и его маршрутизации, за соответствием обработки персональных данных требованиям российского законодательства в данной области, за соблюдением требований законодательства в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, отвечает за создание, формирование и ведение Единого реестра запрещенной информации, а также осуществляет иные полномочия, прямо или косвенно относящиеся к областям, связанным с правовыми отношениями, опосредованными Интернетом.

Роскомнадзор выполняет системообразующие функции по контролю за деятельностью информационных посредников в той части, в которой российское законодательство требует блокировки интернет-сайтов.

5.4. Инфраструктурные элементы сети Интернет

Российское законодательство, наряду с определением основных специальных субъектов интернет-отношений, определяет и ряд отдельных объектов, представляющих собой элементы сетевой инфраструктуры.

Как правило, данные объекты по смыслу связаны с той или иной (либо несколькими) категориями специальных субъектов. Например, информационная система — это общая категория, которая включает в себя в том числе интернет-сайт, основной объект «владения» владельца сайта. При этом такой сайт может представлять собой коммуникационный интернет-сервис, и тогда владелец такого сайта будет квалифицирован как организатор распространения информации в сети Интернет.

На сегодняшний день создание базовой нормативно-правовой основы для регулирования инфраструктурных элементов сети Интернет носит определенно целенаправленный характер, однако его в полной мере нельзя назвать системным. Новые определения появляются только по мере ситуативной актуализации тех или иных проблем регулирования сети Интернет. Отметим, что такой подход также может иметь определенное обоснование в контексте системной проблемы накопления и динамики системных проблем как таковых.

С методологической точки зрения следует отметить, что настоящий параграф содержит обзор основных инфраструктурных элементов сети Интернет с точки зрения преимущественно архитектурного и инфраструктурного аспектов, но специальное законодательство может определять и иные категории элементов и (или) соответствующих практик (таких как, например, электронные аукционы), так что данный обзор не может считаться исчерпывающим.

Информационная система

Информационная система, строго говоря, является одним из системообразующих понятий информационного права в цифровую эпоху.

Согласно п. 3 ст. 2 Закона об информации **информационная система** — это совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспе-

чивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Строго говоря, информационная система необязательно должна быть компьютеризированной (она может представлять собой и бумажную картотеку), но именно цифровые информационные системы лежат в инфраструктуре современных информационно-телекоммуникационных сетей.

Дополнительно Закон об информации устанавливает в п. 12 ст. 2 определение понятия оператора информационной системы. **Оператор информационной системы** представляет собой гражданина или юридическое лицо, осуществляющее деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных. Например, социальную сеть можно рассмотреть как информационную систему. Соответствующий организатор распространения информации в сети Интернет будет тогда оператором информационной системы, поскольку он осуществляет ее эксплуатацию. Но поскольку понятие эксплуатации включает в себя и деятельность по обработке содержащейся в информационной системе информации, оператором такой информационной системы могут признаваться и любые третьи лица, которые осуществляют такую обработку.

Информационные технологии как понятие, лежащее в основе определения информационной системы, определяются в п. 2 ст. 2 Закона об информации как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. Сама же **информация**, как указано в п. 2 ст. 1 Закона об информации представляет собой сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Интернет-сайт

В литературе не раз высказывались позиции относительно правовой природы интернет-сайта, однако всегда следует учитывать, в каком контексте такая правовая природа определялась. Действительно, есть сложности в определении правового режима интернет-сайта как объекта интеллектуальной собственности, однако для правовых отношений в сети Интернет (и информационно-правовых отношений) он в достаточной степени определен.

Согласно п. 13 ст. 2 Закона об информации, **сайт в сети Интернет** представляет собой совокупность программ для ЭВМ и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети Интернет.

Из данного определения следуют юридически-значимые признаки сайта в сети Интернет, которые необходимы для того, чтобы определять те ресурсы, которые, например, могут стать объектом блокировок или иного регулятивного воздействия. Обратите внимание, что определение

сайта не содержит такого функционального признака, как *воспроизводимость через интернет-браузер*.

В этом смысле определение интернет-сайта — тот редкий случай, когда юридическое понятие по содержанию шире обыденного. Формат доступа — например, через браузер или через какое-либо приложение-клиент — не важен для квалификации информационной системы как интернет-сайта. По этой причине интернет-сайтом в юридическом смысле могут считаться, например, отдельные разделы какого-либо мобильного магазина (например, *Google Play* или *AppStore*) или даже серверы компьютерных игр, подключение к которым осуществляется посредством специальной программы-клиента.

Дополнительно Закон об информации содержит также определение **страницы сайта в сети Интернет (интернет-страница)** — это часть сайта в сети Интернет, доступ к которой осуществляется по указателю, состоящему из доменного имени и символов, определенных владельцем сайта в сети Интернет.

Коммуникационный интернет-сервис

Коммуникационный интернет-сервис, по сути, это квалифицирующая характеристика сайта в сети Интернет, владельцем которого выступает организатор распространения информации в сети Интернет.

Определение коммуникационного интернет-сервиса установлено на уровне подзаконного акта — Правил хранения организаторами распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и информации об этих пользователях, предоставления ее уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 31.07.2014 № 759.

Согласно п. 2 Правил **коммуникационный интернет-сервис** представляет собой информационную систему и (или) программу для электронных вычислительных машин, которая предназначена и (или) используется для приема, передачи и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети Интернет в целях обмена электронными сообщениями между пользователями сети Интернет, в том числе для передачи электронных сообщений неопределенному кругу лиц.

Правила также содержат еще несколько релевантных инфраструктурным элементам интернет-сервисов юридически-значимых определений.

В частности, **регистрация** определяется как первичное внесение пользователем сети Интернет или организатором распространения информации в сети Интернет информации о пользователе сети Интернет в коммуникационный интернет-сервис, после которого у пользователя сети Интернет

появляется возможность осуществлять прием, передачу, доставку и (или) обработку электронных сообщений с использованием такого коммуникационного интернет-сервиса.

При этом далее **авторизация** определяется как внесение зарегистрированным пользователем сети Интернет информации в коммуникационный интернет-сервис, необходимой для получения доступа к функциональным возможностям указанного коммуникационного интернет-сервиса.

Наконец, **идентификатор пользователя в коммуникационном интернет-сервисе** определяется как совокупность информации (перечень критериев), присваиваемой при регистрации, на основании которой коммуникационный интернет-сервис идентифицирует (выделяет из числа иных пользователей) конкретного пользователя такого коммуникационного интернет-сервиса. Обратите внимание, что данное понятие, по сути, идентично понятию *учетной записи*.

Проблема квалификации инфраструктурных элементов как результатов интеллектуальной деятельности

Проблема квалификации инфраструктурных элементов как результатов интеллектуальной деятельности (РИД) повсеместно обсуждается в научной литературе и диссертационных исследованиях, поэтому ее нельзя обойти стороной и в настоящем издании.

Суть данной проблемы заключается в том, что *квалификации, содержащейся в Законе об информации, недостаточно для оборотоспособности данных объектов*. На уровне информационного законодательства данные объекты рассматриваются в их регулятивном аспекте, но оборот этих объектов подразумевает, что такое правоотношение будет связано уже не с государственным регулированием, а с имущественными отношениями равноправных субъектов. В свою очередь, соответствующий инфраструктурный элемент должен найти форму того или иного объекта гражданских прав.

В рамках текущего регулирования информация не рассматривается как объект гражданских прав согласно ст. 128 ГК РФ. При этом перспективной представляется категория «иного имущества» для оборота различных информационных объектов, ценность которых никак не связана с интеллектуальным или творческим вкладом (подход А. И. Савельева). В то же время для значительной части случаев оборот таких объектов как, например, интернет-сайт, допускает использование конструкций права интеллектуальной собственности.

Вместе с тем многие подходы, предполагающие рассмотрение объектов, подобных интернет-сайту, в качестве РИД, исходят из той презумпции, что им должна соответствовать одна определенная форма, установленная ГК РФ. Например, тот же интернет-сайт (или, скажем, компьютерную игру) часто склонны рассматривать в качестве мультимедийного продукта как разновидности сложного объекта в соответствии со ст. 1240 ГК РФ. Такой подход, если он рассматривается как универсальный, однако, представляется не вполне оправданным, поскольку интернет-сайт, равно как и иные объекты — чрезвычайно разносторонний объект в контексте права интеллектуальной собственности.

Так, интернет-сайт и другие подобные объекты могут содержать как охраняемые, так и неохранные РИД. Неохраняемые РИД для права интеллектуальной собственности *de jure* не существуют. Соответственно, такой объект, по своей природе чаще всего сложный, необязательно будет включать в себя и программу для ЭВМ — если такая программа не относится к числу охраняемых. Вывод — подобные объекты могут представлять собой как произвольный «простой» объект, так и сложный объект любого состава.

В крайнем случае он будет представлять собой как минимум просто информацию в смысле Закона об информации. Но как тогда обеспечить его оборотоспособность в смысле гражданского права? Во-первых, в таких случаях не следует забывать о таком РИД, как база данных¹. Но, во-вторых, можно также вспомнить и контекст виртуальной собственности, попробовав на практике обратиться к одному из двух подходов — категории иного имущества или способу описания отношений по поводу такого объекта, как системы услуг.

5.5. Особенности правоотношений в сети Интернет

Правоотношения в сети Интернет в общей системе правоотношений

Согласно подходу, предлагаемому как рабочий в настоящем издании, в качестве субъектов правоотношений в сети Интернет могут рассматриваться любые субъекты права, признаваемые таковыми общей теорией права. Соответственно, условная интеллектуальная конструкция «правоотношение в сети Интернет» может использоваться применительно к любому правоотношению, при условии, что оно опосредовано сетью Интернет.

Следует оговориться, что такой подход не предполагает принципиального вывода о «существовании» (к слову, что может означать термин «существование» в праве?) отдельных самостоятельных «интернет-отношений». Мы рассматриваем интернет-право, прежде всего, как систему определенных знаний, но не рассматриваем его как самостоятельную отрасль права. Соответственно, правоотношения, которые по своей правовой природе по критерию соответствия определенной отрасли системы права способны рассматриваться, например, как гражданско-правовые или уголовно-правовые, могут получать дополнительную теоретическую квалификацию в виде характеристики «отношение в сети Интернет».

Такая характеристика подразумевает, во-первых, что элементом объективной стороны действий каждого из субъектов правоотношения будет сеть Интернет, во-вторых, что архитектура сети Интернет будет ограничи-

¹ Согласно п. 1 ст. 1334 ГК РФ исключительное право изготовителя базы данных может возникать в отношении таких баз данных, создание которых требовало существенных финансовых, материальных, организационных или иных затрат. По общему правилу, такой базой данных признается база данных, содержащая не менее 10 000 самостоятельных информационных элементов (материалов), но таких элементов может быть и меньше при наличии доказательств существенных затрат.

вать способы реализации данного правоотношения и задавать их специфику, и, в-третьих, в таком правоотношении будут присутствовать системные проблемы правового регулирования отношений в сети Интернет, актуализированные в зависимости от обстоятельств.

Субъекты и инфраструктурные элементы правоотношений в сети Интернет

Идея, согласно которой концепция «правоотношения в сети Интернет» может быть использована как минимум в качестве дополнительного квалифицирующего признака правоотношения любой отраслевой принадлежности, подтверждается еще и тем, что

существующая система понятий, предусмотренных позитивным правом, уже достаточна для того, чтобы описать «интернет-аспект» таких правоотношений в ряде случаев уже посредством специальных терминов и конструкций.

Например, с гражданско-правовой точки зрения можно сказать о том, что физическое лицо и юридическое лицо заключили гражданско-правовой договор оказания услуг. А с точки зрения интернет-права допустимо такое правоотношение дополнительно описать как заключение гражданско-правового договора между физическим лицом — пользователем сети Интернет и юридическим лицом, которое является владельцем сайта в сети Интернет, организатором распространения информации в сети Интернет и информационным посредником. Предметом договора является оказание услуг о предоставлении доступа к коммуникационному интернет-сервису. Такая квалификация позволит более точно — и с юридической, и с фактической стороны — описать природу правоотношения.

Аналогичный подход будет работать и в случае с другими правоотношениями. Его практическая ценность заключается в том, что он подразумевает в себе как минимум системное толкование законодательства, подразумевающее необходимость исходить на практике одновременно из положений гражданского права и из специальных норм, содержащихся в Законе об информации.

Предметное единство правоотношений в сети Интернет

В свете указанного подхода к понятию правоотношения в сети Интернет и особенностям его применения в теории и на практике следует также отметить *предметное единство* таких правоотношений. С одной стороны, эта категория

объединяет правоотношения, относящиеся к различным отраслям права, с другой — за этой категорией стоит комплекс знаний, накопленных и развиваемых интернет-правом, относительно тех особенностей, которые возникают в правоотношениях в случае, если последние опосредованы сетью Интернет.

О чем идет речь? Представим себе гражданско-правовое отношение, возникающее из договора. Затем уголовно-правовое отношение, возникающее из факта совершения преступления. В рамках устоявшихся конвенциональных юридико-догматических представлений по своей правовой природе это будут совершенно разные правовые отношения. Теперь представим себе, что и гражданско-правовое, и уголовно-правовое право-

отношение из примера опосредуется сетью Интернет. При этом в каждом из случаев один из субъектов правоотношений (сторона договора в первом случае и правонарушитель — во втором) находится за рубежом и взаимодействует с российским гражданином только через Интернет.

В такой ситуации автоматически возникнет проблема определения юрисдикции, и как минимум один из способов ее разрешения — исходя из теста «минимума контактов» — будет в равной степени применим в каждом из видов правоотношений, тогда как принципы такого подхода разрабатываются интернет-правом как отдельной областью знаний. Данный пример может быть экстраполирован и на иные системные правовые проблемы сети Интернет, и именно они обеспечивают концептуальное предметное единство понятию «правоотношения в сети Интернет».

Системные правовые проблемы в правоотношениях, опосредуемых Интернетом

Представленный подход к понятию «правоотношение в сети Интернет», предполагающий, что предметное единство данных правоотношений различной отраслевой принадлежности обусловлено системными правовыми проблемами сети Интернет, демонстрирует «масштабируемость» данной концепции.

Системные правовые проблемы обеспечивают предметное единство интернет-права как особой области знаний, имеющей обособленный предмет. В случае если мы рассматриваем интернет-право и как комплексный правовой институт, именно данные проблемы, обусловленные архитектурой и инфраструктурой правового регулирования сети Интернет, обеспечивают как единство, так и дифференциацию структуры интернет-права как комплексного правового института.

В целом смысл настоящего параграфа заключается в том, чтобы показать возможность и методологические перспективы использования термина «правоотношение в сети Интернет» в юридической теории и практике.

Тесты

1. Саморегулирование в сети Интернет может рассматриваться как следствие применения:

- а) императивного метода;
- б) диспозитивного метода;
- в) сочетания императивного и диспозитивного методов;
- г) методов, альтернативных императивному и диспозитивному.

2. В рамках приведенного подхода основная системная правовая проблема регулирования отношений в сети Интернет, с которой связан императивный метод, — это:

- а) проблема информационных посредников;
- б) проблема идентификации пользователей;
- в) проблема определения юрисдикции;
- г) проблема игрового пространства.

3. Определение объема диспозиции правовой нормы, нацеленной на регулирование отношений в сети Интернет, зависит:

- а) от органа, который принял данную норму;

- б) от социально-исторического контекста данной нормы;
- в) от процедуры принятия данной нормы;
- г) от определения отраслевой принадлежности нормы.

4. Какая особенность, связанная с факторами, определяющими значение сети Интернет, проявляется в контексте принципа разделения властей?

- а) исполнительная власть начинает выполнять функции, скорее, относящиеся к судебной власти;
- б) судебная власть начинает выполнять функции, скорее, относящиеся к исполнительной власти;
- в) законодательная власть принимает на себя функции судебной и исполнительной власти;
- г) судебная власть начинает самостоятельно ограничивать свои функции и отказываться от разрешения споров.

5. Положением Конституции РФ, наиболее релевантным правовому регулированию отношений в сети Интернет, является:

- а) право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию;
- б) право на неприкосновенность жилища;
- в) свобода совести и вероисповедания;
- г) право на отдых;

6. По вопросу об ответственности информационных посредников Конституционный Суд РФ высказал следующую правовую позицию:

- а) информационный посредник несет ответственность за распространение пользователями информации;
- б) информационный посредник может быть обязан пресечь распространение такой информации, но не может нести ответственность за ее распространение;
- в) информационный посредник несет ответственность за любые действия пользователей;
- г) информационный посредник может не нести ответственность за действия пользователей только в случае обстоятельств, исключающих неправомерность деяния.

7. Заключение лицензионного соглашения с конечным пользователем в Интернете может рассматриваться:

- а) как действие, не подпадающее под правовое регулирование;
- б) как административное правонарушение;
- в) как заключение гражданско-правового договора в соответствии с положениями ГК РФ;
- г) как обязанность пользователей.

8. Наиболее объемная и детализированная часть норм, прямо регулирующих отношения в сети Интернет, содержится:

- а) в ГК РФ;
- б) в постановлениях КС РФ;
- в) в Законе о рекламе;
- г) в Законе об информации.

9. С точки зрения юридической догматики субъектами правоотношений, опосредуемых Интернетом, могут быть:

- а) только субъекты гражданско-правовых отношений;
- б) специальные субъекты интернет-права;

- в) только субъекты конституционно-правовых отношений;
- г) субъекты любых правовых отношений, опосредуемых Интернетом.

10. Может ли провайдер хостинга рассматриваться в качестве интернет-провайдера и оператора связи?

- а) нет, ни при каких условиях;
- б) да, если он оказывает соответствующие услуги;
- в) да, по умолчанию;
- г) да, в силу определения, установленного законом;

11. Гипотеза нормы, определяющей обязанности оператора поисковой системы, прямо затрагивает системную проблему:

- а) пиринговых технологий;
- б) гипертекста;
- в) определения юрисдикции;
- г) обратного действия закона.

12. Основным государственным органом, деятельность которого предметно связана с отношениями в сети Интернет, является:

- а) Роскомнадзор;
- б) Роспотребнадзор;
- в) ФСКН России;
- г) ФНС России.

13. Если что-либо квалифицируется как информационная система, это обязательно предполагает:

- а) использование компьютерных технологий;
- б) использование сети Интернет;
- в) использование информационных технологий;
- г) наличие сайта в сети Интернет.

14. С точки зрения законодательного определения информации, что из перечисленного не может рассматриваться как информация, хотя бы в одном из своих юридически-значимых свойств?

- а) вещи;
- б) имущественные права;
- в) результаты интеллектуальной деятельности;
- г) реклама.

15. В каком соотношении находятся понятия «коммуникационный интернет-сервис» и «сайт в сети Интернет»?

- а) любой сайт – коммуникационный интернет-сервис;
- б) коммуникационный интернет-сервис может быть в том числе сайтом;
- в) нет таких сайтов, которые могут представлять собой коммуникационный интернет-сервис;
- г) эти понятия не связаны между собой.

16. С точки зрения представленного ранее подхода интернет-сайт как результат интеллектуальной деятельности:

- а) может представлять собой любой охраняемый результат интеллектуальной деятельности, которому он фактически соответствует;
- б) во всех случаях должен рассматриваться как мультимедийный продукт;
- в) во всех случаях должен рассматриваться как программа для ЭВМ;

г) не охраняется и представляет собой только информацию независимо от иных обстоятельств.

17. В рамках представленного подхода понятие «правоотношение в сети Интернет» используется:

а) для обозначения особого правоотношения конкретной отраслевой принадлежности;

б) в качестве дополнительной характеристики иных правоотношений, если они опосредуются сетью Интернет;

в) для обозначения особой разновидности гражданско-правового правоотношения;

г) для обозначения особой разновидности гражданско-правовых и уголовно-правовых правоотношений.

18. Существующие определения субъектов и инфраструктурных элементов сети Интернет согласно представленному подходу:

а) не позволяют описать правоотношения с использованием специальных понятий;

б) позволяют описать правоотношения с использованием специальных понятий в той части, в которой это отвечает характеру правоотношений в сети Интернет;

в) позволяют описать правоотношения с использованием специальных понятий;

г) представляют собой ошибки законодательной техники и не должны использоваться в принципе.

19. Предметное единство правоотношений в сети Интернет обеспечивается:

а) благодаря доктрине гражданского права;

б) за счет юридической техники;

в) в силу проблемы определения юрисдикции;

г) системными проблемами сети Интернет.

20. Термин «правоотношение в сети Интернет» по своей природе, скорее, связан:

а) с фундаментальной отраслью права;

б) с отраслью законодательства;

в) с субинститутом гражданского права;

г) с отдельной областью знаний.

Рекомендуемая литература

Агеев, А. С. Свобода информации и презумпция открытости информации: их соотношение и воплощение в нормах российского конституционного права / А. С. Агеев // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 6.

Архипов, В. В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности / В. В. Архипов, Е. В. Килинкарлова, Н. В. Мелашенко // Закон. — 2014. — № 6.

Беглова, О. А. Регулирование распространения информации через Интернет: перспективы в России / О. А. Беглова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2010. — № 6.

Демьянец, М. В. Предпринимательская деятельность в сети Интернет : монография / М. В. Демьянец, В. М. Елин, А. К. Жарова. — М. : Юркомпания, 2014 (гл. 2, 3).

Кучеренко, А. В. О правовом статусе блогера / А. В. Кучеренко // Информационное право. — 2015. — № 1.

Наумов, В. Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики / В. Б. Наумов. — М. : Книжный дом «Университет», 2002 (гл. 3, приложение 2).

Савельев, А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование / А. И. Савельев. — М. : Статут, 2014 (гл. 3, 6).

Терещенко, Л. К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства : монография / Л. К. Терещенко. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; ИНФРА-М, 2013 (гл. 4).

Глава 6

РАЗРЕШЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СИСТЕМНЫХ ПРОБЛЕМ ИНТЕРНЕТ-ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- основные положения российского законодательства и основные направления практики, направленные на разрешение отдельных системных проблем интернет-права;

уметь

- оперировать юридическими понятиями и категориями интернет-права, относящимися к известным российским подходам к разрешению отдельных системных проблем интернет-права;

- анализировать юридические факты и возникающие в связи с ними правовые отношения, относящиеся к отдельным системным проблемам интернет-права в Российской Федерации;

- анализировать, толковать и правильно применять правовые нормы, используемые при разрешении отдельных системных проблем интернет-права в Российской Федерации;

владеть

- юридической терминологией в области интернет-права, связанной с разрешением отдельных системных проблем интернет-права в Российской Федерации;

- навыками работы с правовыми актами, нацеленными на разрешение отдельных системных проблем интернет-права;

- навыками анализа различных правовых явлений, юридических фактов, правовых норм и правовых отношений, являющихся объектами профессиональной деятельности в области разрешения отдельных системных проблем интернет-права;

- навыками анализа правоприменительной и правоохранительной практики в области разрешения отдельных системных проблем интернет-права.

6.1. Проблема идентификации пользователей

Проблема идентификации пользователей обусловлена тем, что взаимодействие в сети Интернет объективно опосредовано за счет архитектурных особенностей данной информационно-телекоммуникационной сети. Причем такая опосредованность проявляется на различных уровнях интернет-архитектуры. Данная проблема находит свое выражение в различных отраслях права, но в каждой из них она связана именно с указанными особенностями интернет-архитектуры.

При этом юридическое выражение проблемы идентификации пользователей имеет два аспекта, которые условно можно обозначить как «позитивный» и «негативный» (данные термины имеют функциональный, а не оценочный характер).

«**Позитивный**» аспект системной проблемы идентификации пользователей выражается в *необходимости определить пользователя как субъекта правоотношений*. До цифровой эпохи идентификация субъекта правоотношений также могла составить проблему, но причина такой проблемы, как правило, коренилась в воле другой стороны, желающей скрыть свое «истинное» имя, фирменное наименование, организационно-правовой статус или иные юридические качества, которые нацелены на обособление лица в системе правоотношений. В современных условиях информационно-телекоммуникационных сетей такая проблема уже не зависит от воли стороны, а определяется базовыми техническими параметрами способов осуществления правовой коммуникации. В гражданском праве Российской Федерации, по общему правилу, граждане (п. 1 ст. 19) и юридические лица (п. 1 ст. 48) приобретают права и обязанности под своим именем, а не под сетевым псевдонимом — правда, именно этот аспект на практике не рассматривается как препятствие для действительности первоначально анонимных или «псевдонимных» правовых отношений в сети Интернет. В административном и уголовном праве данная проблема не дает возможности достоверно определить лицо, совершившее правонарушение. В иных отраслях права и законодательства данная проблема проявляется аналогичным образом.

«**Негативный**» аспект системной проблемы идентификации пользователей выражается в *необходимости защиты прав пользователей сети Интернет как субъектов персональных данных*. В данном случае, напротив, актуализируется обратная сторона проблемы идентификации пользователей. В современном Интернете накапливается столько информации о пользователях, что даже в том случае, если пользователь прямо не сообщает неопределенному (или определенному, но ненадежному) кругу лиц свои паспортные данные, рано или поздно объем информации в Интернете позволяет установить личность определенного пользователя любому заинтересованному лицу. На сегодняшний день в Российской Федерации активно развивается законодательство о персональных данных, но сам Закон о персональных данных основан на Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г., в которой на тот момент было крайне сложно учесть перспективные технологии «больших данных». Практика и дискуссии в области персональных данных в исследуемом контексте строятся вокруг ограничительного или расширительного толкования положений Закона о персональных данных, в том числе определения персональных данных. Основная сложность в этой ситуации — найти баланс между интересами индивидуальных пользователей (их правовой защитой как субъектов персональных данных) и достаточной степенью свободы развития интернет-бизнеса, многие ограничения для которого могут представлять собой административный барьер.

При этом «позитивный» аспект проблемы идентификации пользователей представляет собой классическое выражение данной проблемы. С пра-

новой точки зрения, в контексте доктринальных и практических подходов, разработанных в отечественной юриспруденции, такой подход на настоящий момент может разрешаться следующими способами, в зависимости от вида правоотношения, в котором он актуализируется:

1) **охранительные правоотношения.** Пример — уголовное право. Здесь проблема идентификации пользователей переходит в плоскость *вопроса о факте*, а личность пользователя подлежит установлению посредством криминалистических методов и по совокупности доказательств. Проявление архитектурных особенностей проблемы идентификации пользователей в охранительных правоотношениях заключается в том, что одними лишь «компьютерными» доказательствами обойтись невозможно, поскольку в любой ситуации следует допускать, что за компьютером находился другой человек, либо что источник соответствующего электронного сообщения был подделан, либо что сообщение было перехвачено по ходу следования и заменено на другое и т.п. Поэтому требуется использовать дополнительно доказательства «доцифровой эпохи» — свидетельские показания, а также отпечатки пальцев [на клавиатуре] и прочие следы в криминалистическом смысле;

2) **регулятивные правоотношения.** Пример — гражданское право. Стороны заинтересованы в том, чтобы иметь юридически-значимую и юридически-обоснованную уверенность в том, что действия, ведущие к установлению, изменению и прекращению гражданских правоотношений, осуществляются именно теми субъектами, с которыми они уже состоят в каком-либо правоотношении или намереваются в него вступить. То же самое касается и возможного примера с регулятивными отношениями в рамках административного права — субъект правоотношений в сети Интернет, например должен быть уверен в том, что требование об удалении «запрещенной информации» исходит именно от Роскомнадзора.

Общим юридическим решением в данной ситуации является **правовая презумпция** идентификации субъекта правоотношения. Данная презумпция является опровержимой — предполагаемый субъект правоотношения может опровергнуть факт, например использования определенного коммуникационного интернет-сервиса. У такой презумпции могут быть разные основания — например, правовые — закон или договор — или смешанные — например электронная подпись, которая относится, скорее, к архитектурным аспектам компьютерных технологий, но значение которой обусловлено именно законом.

Это интересно

В случае с «запрещенной информацией» взаимодействие Роскомнадзора с провайдером хостинга определяется Порядком взаимодействия оператора единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» с провайдером хостинга, утвержденным приказом Роскомнадзора от 21.02.2013 № 170. Согласно п. 5 данного Порядка, уведомление о включении в Реестр, составленное на русском и английском языках, направляется на электронную почту провайдера хостинга с электронного адреса

zapret-info-out@rkn.gov.ru и подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью оператора Реестра. В данном случае, в действительности, представлено два способа разрешения проблемы идентификации пользователя: презумпция, основанная на законе (письмо, направленное с указанного адреса, считается письмом, направленным от лица Роскомнадзора по данному вопросу) и смешанного — требуется использование усиленной квалифицированной электронной подписи.

В том же случае, если такой вопрос перетекает в охранительные, но частноправовые и основанные на принципах состязательности правоотношения, данная презумпция может носить уже процессуальный характер. Например, в споре с интернет-компанией как пользователь, так и интернет-компания, могут не оспаривать факт наличия правоотношения, хотя аргумент, вытекающий из системной проблемы идентификации пользователей в данном случае, в зависимости от обстоятельств, может оказаться полезным и для одной, и для другой стороны.

При этом наиболее интересным инструментом для разрешения «позитивного» аспекта проблемы идентификации пользователей является именно электронная подпись, которая может быть нескольких видов.

Простая электронная подпись

Простая электронная подпись заслуживает особого внимания, поскольку, во-первых, она представляет собой новый инструмент, предусмотренный Законом об электронной подписи, но отсутствовавший в предшествующем законодательстве. Во-вторых, это гибкий и открытый инструмент верификации субъекта правоотношений, который может, в зависимости от условий договора между участниками электронного взаимодействия и содержания такого договора, быть или не быть равнозначной собственноручной.

Согласно ч. 2 ст. 5 Закона об электронной подписи, **простой электронной подписью** является электронная подпись, которая посредством использования кодов, паролей или иных средств подтверждает факт формирования электронной подписи определенным лицом.

Таким образом, примерами простой электронной подписи могут быть логины и пароли учетных записей или, например, коды, получаемые посредством СМС и впоследствии вводимые в онлайн-формы.

Судебная практика

На сегодняшний день по вопросам простой электронной подписи в Российской Федерации уже есть определенная судебная практика, преимущественно в связи с потребительскими спорами в банковской сфере. Вот, например, что заключил Приморский краевой суд в Определении от 07.04.2015 по делу № 33-2865: «В соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ “Об электронной подписи” информация в электронной форме, подписанная простой электронной подписью или неквалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, в случаях, установленных федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами или соглаше-

нием между участниками электронного взаимодействия. Согласно Оферте СМС-код используется в качестве электронной подписи клиента, для формирования им каждого электронного документа. В случае идентичности СМС-кода, направленного банком и СМС-кода, введенного в форме электронного документа для подтверждения передачи клиентом соответствующего распоряжения/заявления через интернет-банк, такая электронная подпись считается подлинной и предоставленной клиентом. Факт направления СМС-кодом направленных банком заемщику, и ввод им паролей их истцом в адрес банка для подтверждения паролей истцом не оспаривался и подтвержден перечнем СМС-сообщений при обработке анкеты истца при оформлении кредитного договора, представленного ответчиком. Направление Е. заявки на предоставление кредита и карты на условиях, определенных в данном заявлении и в актах банка, устанавливающих условия кредитования и тарифы, вместе с анкетой клиента по смыслу приведенной нормы расценивается как соблюдение письменной формы договора, в связи с чем, довод Е. о том, что договор в письменной форме не был заключен, судом обоснованно не принят во внимание».

Обратите внимание, что в данной ситуации проблема идентификации пользователя как субъекта правоотношения представлена, на первый взгляд, в виде частной гражданско-правовой проблемы признания договора заключенным в письменной форме. В действительности, эти проблемы взаимосвязаны, и споры относительно возможности или невозможности при определенных условиях признать договор, заключенный посредством обмена электронными сообщениями, договором, заключенным в письменной форме, обусловлен именно «позитивным» аспектом системной проблемы идентификации пользователя.

Для использования простой электронной подписи при этом принципиальными являются случаи *признания электронных документов, подписанных такой электронной подписью, равнозначными документам на бумажном носителе, подписанным собственноручной подписью* (собственноручная подпись на бумажном носителе — средство идентификации субъекта правоотношений в «реальном» мире).

Как вытекает из ст. 6 Закона об электронной подписи, информация в электронной форме, подписанная простой электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанном собственноручной подписью, в случаях установленных федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами или *соглашением между участниками электронного взаимодействия*. При этом такие нормативные акты или соглашения должны предусматривать *порядок проверки электронной подписи*, а также соответствовать требованиям, установленным ст. 9 Закона об электронной подписи.

В свою очередь, ст. 9 Закона об электронной подписи гласит, что, во-первых, согласно ч. 1 электронный документ считается подписанным простой электронной подписью при выполнении в том числе одного из следующих условий:

1) простая электронная подпись содержится в самом электронном документе (например, код из СМС-сообщения);

2) ключ простой электронной подписи применяется в соответствии с правилами, установленными оператором информационной системы, с использованием которой осуществляются создание и (или) отправка электронного документа, и в созданном и (или) отправленном электронном документе содержится информация, указывающая на лицо, от имени которого был создан и (или) отправлен электронный документ (например, учетная запись интернет-сервиса, при соблюдении прочих условий).

Во-вторых, как следует из ч. 2 ст. 9 Закона об электронной подписи, соответствующие нормативные правовые акты или соглашения должны предусматривать:

1) правила определения лица, подписывающего электронный документ, по его простой электронной подписи;

2) обязанность лица, создающего и (или) использующего ключ простой электронной подписи, соблюдать его конфиденциальность.

К слову, любопытное сравнительное (в пределах одной правовой системы) наблюдение: если соглашение между участниками электронного взаимодействия представляет собой гражданско-правовой договор, то ч. 2 ст. 9 Закона об электронной подписи, по всей видимости, предусматривает его существенные условия.

Но главное наблюдение, которое можно здесь сделать в контексте дискурса именно интернет-права, с учетом системной проблемы идентификации пользователей, обусловленной опосредованностью интернет-взаимодействия, заключается в том, что полностью от презумпции в данном случае не уйти.

Например, согласно п. 3 ст. 434 ГК РФ письменная форма договора считается соблюденной, если письменное предложение заключить договор принято в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 438 ГК РФ. Данный пункт, в свою очередь, говорит о том, что совершение лицом, получившим оферту, в срок, установленный для ее акцепта, действий по выполнению указанных в ней условий договора считается акцептом, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не указано в оферте.

Теоретически, данные положения должны помочь разрешить ситуацию неопределенности с многочисленными документами, заключаемыми в Интернете в электронной форме (например, с пользовательскими соглашениями). Однако в некоторых случаях закон устанавливает обязанность на получение именно письменного документа на бумажном носителе, подписанного собственноручной подписью, или равнозначного ему в соответствии с Законом об электронной подписи. Например, такие требования устанавливает Закон о персональных данных применительно к тем случаям, когда требуется согласие субъекта персональных данных именно в письменной форме. Вопрос же заключается в том, будет ли соответствовать смыслу законодательства заключение в электронной форме соглашения между участниками электронного взаимодействия на указанных выше условиях (с верификацией, например, посредством СМС), и впоследствии — предоставление подписанного простой электронной подписью согласия на совершение серьезных действий с персональными данными,

если способ верификации все равно технологически опосредован? Данный вопрос на сегодняшний день можно считать открытым.

Иные виды электронной подписи

Второй предусмотренный Законом об электронной подписи вид электронных подписей — это **усиленная электронная подпись**. При этом различаются усиленная неквалифицированная электронная подпись (или просто — *неквалифицированная электронная подпись*) и усиленная квалифицированная электронная подпись (или просто — *квалифицированная электронная подпись*).

Согласно ч. 3 ст. 5 Закона об электронной подписи, **неквалифицированной электронной подписью** признается электронная подпись, которая получена в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи, позволяет определить лицо, подписавшее электронный документ, позволяет обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания (это существенное отличие от собственноручной подписи на бумажном носителе!) и создается с использованием средств электронной подписи.

Согласно ч. 4 ст. 5 Закона об электронной подписи, **квалифицированной электронной подписью** является электронная подпись, которая соответствует всем признакам неквалифицированной электронной подписи, а также при этом ключ проверки электронной подписи указан в квалифицированном сертификате, и для создания и проверки электронной подписи используются средства электронной подписи, получившие подтверждение соответствия требованиям, установленным в соответствии с Законом об электронной подписи.

Существенным отличием квалифицированной электронной подписи от остальных видов электронной подписи является то, что в соответствии с ч. 1 ст. 6 Закона об электронной подписи информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, кроме случая, если федеральными законами или иными нормативными правовыми актами, принимаемыми в соответствии с ними, не установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе. Правила признания равнозначности за неквалифицированной электронной подписью такие же, как и для простой электронной подписи.

На практике для получения усиленной квалифицированной электронной подписи, соответственно, как правило, требуется совершить какие-либо действия, которые переводят отношения из «виртуальной» плоскости в «реальную» и, таким образом, служат основанием для возникновения соответствующей презумпции для целей разрешения системной проблемы идентификации пользователей.

В целом российское законодательство об электронной подписи основано, с одной стороны, на уже существующем опыте и регулировании зару-

бежных стран, в том числе стран ЕС, а с другой — на технологических особенностях криптографии. Поэтому оно, в общем, отражает и современные мировые подходы к оценке правового значения электронных подписей.

Идентификация посредством персональных данных

По своей природе аспект персональных данных в контексте современных информационно-телекоммуникационных технологий отличается от аспекта идентификации пользователей как субъектов правоотношений на основе различных презумпций, в том числе подразумеваемых в ходе использования электронных подписей, однако его имеет смысл рассмотреть в контексте именно данной системной правовой проблемы.

В целом проблема персональных данных и их определения нашла свое отражение уже не в одной юрисдикции, но в каждом случае она сохраняет свою актуальность и релевантность. Например, одно из действующих определений персональных данных содержится в Акте о защите данных 1998 г. (*Data Protection Act, 1998*) Великобритании, в соответствии с которым «персональные данные [*personal data*] — любая информация, которая относится к живому физическому лицу, которое может быть идентифицировано: (а) на основании такой информации, и (b) на основании такой информации, а также другой информации, находящейся в распоряжении или способной оказаться в распоряжении оператора [*data controller*]»¹. Данное определение обладает достаточной ясностью за счет указания на критерий *идентификации* и необходимость разумного наличия данных в распоряжении конкретного оператора (если представить себе отсутствие последнего признака, тогда абсолютно любая информация может, при определенных условиях, быть признана персональными данными).

Россия является стороной Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных СДСЕ № 108 1981 г. Определение персональных данных в Конвенции следующее: «“Персональные данные” означают любую информацию об определенном или поддающемся определению физическом лице (“субъект данных”)» (п. «а» ст. 2 Конвенции). Аналогичным образом звучит и определение персональных данных в п. 1 ст. 3 Закона о персональных данных: «Любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». Такое определение и вызывает практические дискуссии, поскольку при буквальном толковании можно прийти к абсурдному результату: строго говоря, любая информация косвенно может быть связана действительно с любым лицом, вопрос только в длине логической цепочки. А любое лицо само по себе, разумеется, является определенным или определяемым. Очевидно, что толкование данного понятия должно идти иным путем.

¹ См.: *Data Protection Act 1998. Section 1 (1)* // The Official Home of UK Legislation. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/29/section/1> (дата обращения: 14.01.2016). Приводим оригинальный текст: «“Personal data” means data which relate to a living individual who can be identified — (a) from those data, or (b) from those data and other information which is in possession of, or is likely to come into the possession of, the data controller».

В этом контексте актуальным является вопрос о возможности отнесения технической информации, например, IP-адреса, к персональным данным. Такая информация идентифицирует ведь устройство, а не человека, который опосредованно взаимодействует с другими людьми посредством данного устройства. Но, например, Европейский Суд по правам человека в решении по делу *Scarlet Extended SA v. SABAM C-70/10* от 24.11.2011 прямо указывает буквально следующее: «Общеизвестно, во-первых, что судебное предписание, требующее установление системы фильтрации, которая является предметом спора, будет предполагать системный анализ всего контента, а также сбор и идентификацию IP-адресов пользователей, с которых неправомерный контент направляется в сеть. Данные адреса представляют собой охраняемые персональные данные, поскольку они позволяют точно идентифицировать пользователей»¹.

Российские суды, однако, в данном контексте пока занимают относительно консервативную позицию, и связывают понятие персональных данных преимущественно, во-первых, с информацией, которая позволяет идентифицировать именно личность, а не устройство или канал связи, а, во-вторых, находится в распоряжении конкретного оператора. Например, персональными данными может признаваться совокупность таких данных, как фамилия, имя, отчество и адрес проживания (см., например, постановление Нижегородского областного суда от 12.05.2015 № 4а-288/2015), паспортные данные (см., например, апелляционное определение Московского городского суда от 22.05.2014 по делу № 33-14709). Напротив, сами по себе какие-либо номера, присваиваемые гражданам для различных учетных целей, могут быть расценены не как персональные данные, как это было в случае с ИНН (см., например, апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 03.02.2015 № 33-1644/2015 по делу № 2-3097/2014).

Проблема определения персональных данных в контексте критерия идентификации субъекта (а соответственно, и в контексте системной правовой проблемы идентификации пользователей сети Интернет) на сегодняшний день остается открытой и пока до конца не разрешенной. Дело в том, что, с одной стороны, ограничительное толкование понятия персональных данных соответствует здравому смыслу «реального» мира, а с другой — в виртуальном мире тот же критерий наличия информации в распоряжении одного оператора несколько стирается. Мы можем легко установить личность, сложив «пазл» из нескольких частей, которые представляют собой информацию, распределенную пользователем в нескольких социальных сетях. Но, напротив, буквальное толкование понятия персональных данных будет противоречить уже сложившейся практике деятельности коммуникационных интернет-сервисов настолько, что само развитие информационно-телекоммуникационных технологий может остановиться или даже оказаться отброшенным назад... Хотя, возможно, и нет — однако альтернативы зависят от дальнейшего развития технологий и правовых подходов к их оценке и регулированию.

¹ URL: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=9ea7d2dc30dd95c89b4481e24ac5abc888ab62dd05c3.e34KaxiLc3qMb40Rch0SaxuQb3b0?text=&docid=115202&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=41793> (дата обращения: 14.01.2016).

6.2. Проблема определения юрисдикции

Развитие представлений о юрисдикции в Интернете

Исследование истории и современного состояния правового регулирования отношений в информационно-телекоммуникационной сети Интернет показывает наличие нескольких системных правовых проблем, проявляющихся на всех уровнях той части правовой действительности, в которой развиваются данные правовые отношения. Одной из таких системных правовых проблем является проблема определения юрисдикции. Архитектура сети Интернет на данный момент построена таким образом, что отношения, опосредуемые данной сетью, могут складываться с широким диапазоном участников, дифференцируемых по критерию национальной принадлежности, резидентства, места регистрации и т.п. На сегодняшний день наиболее подробно вопрос о юрисдикции разработан в коллизионных нормах международного частного права, но, во-первых, отношения в сети Интернет не исчерпываются частноправовыми, а, во-вторых, даже данная группа коллизионных норм не всегда может быть интерпретирована как содержащая определенный ответ на проблему определения юрисдикции в сети Интернет.

Судебная практика

Характерным примером, иллюстрирующим общую для большинства правовых систем проблему определения юрисдикции в сети Интернет может послужить дело *DFSB Kollektive Co. v. Bourne*, 897 F. Supp. 2d 871 (13th Sp. 2012), рассматривавшееся в США. Истцы из Южной Кореи — компании-правообладатели ряда популярных песен, зарегистрированные в данной юрисдикции — подали в США иск против ответчика, проживающего в Австралии, который осуществлял незаконное распространение данных произведений. Ответчик был физическим лицом, который использовал целый ряд учетных записей на различных интернет-ресурсах и деятельность, связанную с нарушением авторских и смежных прав, осуществлял довольно широко. Посетители одного из интернет-сайтов, через которые ответчик распространял контрафактные копии произведений, были преимущественно из штата Калифорния, США, и на этом основании была произведена попытка установить юрисдикцию суда в данном штате. Суд при этом заключил, что ответчик, действительно, причинил вред в штате Калифорния, и сделал это намеренно, однако счел недоказанным факт целенаправленности действий ответчика, что является одним из критериев, ранее определенных для «теста на определение юрисдикции» в делах *Schwazenegger v. Fred Marin Motor Co.*, 374 F.3d 797, 801 (9th Cir. 2004) и *Mavrix Photo, Inc. V. Brand Techs., Inc.*, 647 F. 3d 1218, 1227-28 (9th Cir. 2011).

Однако если в зарубежных правовых системах вопросы определения юрисдикции уже находят более или менее широкое отражение в правоприменительной практике, позволяющее определить основные подходы и принципы к разрешению данного вопроса, то в Российской Федерации пока еще можно говорить только о начале, с одной стороны, отражения данной проблематики в редких публикациях по данной теме, а с другой — о признании данной проблемы в законодательных формулировках и актах толкования права. К числу наиболее актуальных примеров из данной обла-

сти, подчеркивающих актуальность и практическую значимость проблемы определения юрисдикции в сети Интернет, относятся как минимум следующие:

а) ч. 5 ст. 18.1 Закона о персональных данных, которая была введена в действие с 1 сентября 2015 г. и устанавливает, что «при сборе персональных данных, в том числе посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, оператор обязан обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение персональных данных граждан Российской Федерации с использованием баз данных, находящихся на территории Российской Федерации» за определенными исключениями;

б) ст. 10.1 Закона об информации, которая вводит понятие «организатора распространения информации в сети Интернет» и определяет ряд особых обязанностей данной категории субъектов, в частности, обеспечить хранение на территории РФ информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей сети Интернет и информацию об этих пользователях в течение шести месяцев с момента окончания осуществления таких действий.

В обоих представленных случаях требует разрешения вопрос о юрисдикции в том смысле, в котором требуется прояснить неясность (и, следовательно, придать норме формальную определенность) относительно того, на какой круг субъектов распространяются данные требования. Распространяются ли они только на тех субъектов, которые имеют формальное присутствие в Российской Федерации согласно устоявшимся правовым критериям (находящиеся на территории РФ физические лица, а также зарегистрированные в России юридические лица, либо иностранные юридические лица, но имеющие аккредитованные филиалы и представительства), либо они могут распространяться на всех возможных субъектов, в том числе иностранных, так, что можно говорить об экстерриториальном действии российского законодательства о правовом регулировании сети Интернет? Следует подчеркнуть, что оба рассматриваемых примера не могут быть однозначно отнесены ни к частному, ни к публичному праву, а также к какой-либо конкретной отрасли права или законодательства, что в значительной степени повышает научную и практическую остроту обозначенной проблемы, тогда как эта же проблема проявляется и в отношении вопросов правоприменения и иных норм действующего российского законодательства.

Разрешение проблемы определения юрисдикции при регулировании отношений в сети Интернет требует научно обоснованного подхода, основанного на методологически правильных концептуальных решениях, основанных в то же время на балансе интересов, поскольку, с одной стороны, отношения в сети Интернет тесно связаны с реализацией основных прав и свобод человека и гражданина, включая конституционное право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), а с другой — информационные отношения в сети Интернет на сегодняшний день явля-

ются критически важным фактором обеспечения национальной безопасности и национальных интересов Российской Федерации.

Многообразие значений термина «юрисдикция»

Очень часто, особенно в новостных и публицистических материалах, предмет которых связан с правовыми проблемами, проистекающими из трансграничного характера сети Интернет, используется термин «юрисдикция». Использование данного термина за пределами профессиональной юридической литературы может иметь широкое значение.

Однако с классической доктринальной точки зрения данный термин не однозначен, и он используется как минимум в качестве контекстуально определенного синонима термина «*подсудность*» и «*подведомственность*» (в процессуальных отраслях), а также — в международном публичном праве — для определения правомочий государств в отношении определенной территории. В последнем случае, однако, проблема юрисдикции трансформируется в проблему *действия закона в пространстве и по кругу лиц*.

В самом общем виде на сегодняшний день в Российской Федерации продолжаются дискуссии относительно того, распространяются ли каким-либо образом требования законодательства о регулировании отношений в сети Интернет на зарубежных субъектов права, и если да, то при каких условиях. Высказываются как аргументы за, так и аргументы против. Если, исходя из одного из возможных многочисленных подходов, объединить аргументы и контраргументы, развиваемые на различных основаниях, они могут быть представлены следующим образом.

Во-первых, нормы российского законодательства могут создавать обязанности для иностранных субъектов, поскольку с точки зрения теории права субъективному праву одного лица всегда соответствует обязанность другого лица. Пользователи, взаимодействуя с зарубежными сервисами, вступают в правоотношения, соответственно, возникают корреспондирующие права и обязанности. Национальное государство защищает права российских пользователей, и, по крайней мере, в этой части, компетентно регулировать данные отношения. Контраргументом здесь может послужить суждение, согласно которому, как раз с точки зрения теории права нормы национального законодательства одного государства при прочих равных условиях не могут создавать обязанностей для субъектов другого государства. Более того, нельзя блокировать и сайты на территории «первого» государства как нарушающие указанные нормы, поскольку эти нормы не нарушаются, так как не создают обязанности.

Во-вторых, с точки зрения системного толкования, нет ничего противоречащего принципам права в том, чтобы данные отношения регулировались российским законодательством, по крайней мере, в том объеме, в котором Российская Федерация может обеспечить свои требования принуждением (блокировка сайтов, «заочная» ответственность), тем более что отношения с иностранным элементом и так уже частично подпадают под юрисдикцию Российской Федерации (п. 10 ч. 3 ст. 401 ГПК РФ о возможности подачи иска в России против иностранного лица, если речь идет о защите персональных данных, а истец проживает в Российской Федерации). В то же

время с точки зрения системного толкования и имеющихся законодательных определений, такие понятия как, например, «организатор распространения информации», «блогер», «оператор персональных данных», могут быть истолкованы как относимые только к физическим лицам, находящимся на территории РФ, а также к юридическим лицам, либо зарегистрированным в Российской Федерации, либо имеющим аккредитованные филиалы и представительства на территории РФ.

В-третьих, положительный аргумент в пользу экстерриториальности законодательства РФ применительно к правовым отношениям в сети Интернет, может заключаться и в том, что требования любых нормативных актов РФ, касающихся регулирования отношений в сети Интернет, распространяются абсолютно на любые сервисы, которые доступны с территории РФ, поскольку они, так или иначе, по умолчанию направлены на территорию РФ¹. Однако контраргументом в данном случае может послужить то, что даже если требования указанных законов распространяются на часть зарубежных компаний, то речь идет только о сайтах (иных информационных ресурсах), которые «направлены» на территорию РФ (русский язык, поддержка российских пользователей и т.п.)². Это подчеркивается тем, что ограничение доступа согласно тем же «поправкам о локализации» возможно только по решению суда, который и должен устанавливать данные обстоятельства. Правда, данный аргумент не распространяется на иные возможные случаи блокировки интернет-сайтов, которые предполагают административную процедуру ограничения доступа к информационным ресурсам в сети Интернет.

Данная дискуссия является наглядным примером того, как системные проблемы правового регулирования отношений в сети Интернет (в частности, проблема определения юрисдикции) служат основанием для развития подходов в рамках общей теории права — в части проблемы действия законов в пространстве и по кругу лиц.

Применимое право

Один из центральных вопросов международного частного права — определение права, подлежащего применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных лиц или гражданско-правовым отношениям, осложненным иным иностранным элементом. Именно такая формулировка используется в названии ст. 1186 ГК РФ. Данный институт относится к числу наиболее разработанных на сегодняшний день в юридической доктрине и практике из группы тех институтов, с которыми может соотноситься термин «юрисдикция» в контексте изучения проблем интернет-права.

¹ «Тест доступа», имеющий ряд прецедентов применения и отраженный на теоретическом уровне в России, например, в разъяснениях арбитражных судов округов о рекламе алкоголя в информационно-телекоммуникационных сетях.

² «Тест минимума контактов», используемый в США и — пока на теоретическом уровне и не во всех случаях — в России (например, новая редакция ст. 1212 ГК РФ о коллизионной норме в отношении права, подлежащего применению к договору с участием потребителя). Не так давно Минкомсвязи России предложило аналогичную интерпретацию для разрешения вопроса о действии в пространстве и по кругу лиц ч. 5 ст. 18 Закона о персональных данных. URL: <http://www.minsvyaz.ru/ru/personaldata/> (дата обращения: 14.01.2016).

Гражданские права и обязанности (в более широком теоретическом смысле — гражданские правоотношения) могут возникать в силу различных оснований, наиболее очевидным из которых являются договоры и иные сделки, а также причинение вреда другому лицу. При этом наиболее разработано именно определение применимого права в случае с договорными правоотношениями. В большинстве стран мира, включая Россию, стороны договора, если одна из них — иностранное лицо, могут самостоятельно избрать применимое право, причем это необязательно должно быть право одной из таких сторон. Известно, что на практике две иностранные стороны предпочитают избирать право какой-либо нейтральной или имеющей, по мнению сторон, особую репутацию, страны — этим, в частности, обусловлен частый выбор права Англии и Уэльса¹. Примерно такую же ситуацию мы видим в случае с отношениями интернет-компаний и пользователей, за тем исключением, что чаще всего в качестве применимого права определяется право, «родное» для такой интернет-компания. Характерным примером для интернет-сервисов США является право штата Калифорния. Российские интернет-компании, соответственно, указывают российское право в качестве применимого к отношениям с зарубежными пользователями.

Менее определенной становится ситуация, в которой участники договорных отношений, опосредуемых сетью Интернет, не определили применимое право в договоре. В таком случае подлежат применению коллизионные нормы, определяющие применимое право. Глава 68 ГК РФ устанавливает целый ряд специальных норм, регулирующих различные случаи определения применимого права к имущественным и личным немущественным отношениям: например, право, подлежащее применению к договору с участием потребителя (ст. 1212 ГК РФ), право, подлежащее применению к договору в отношении недвижимого имущества (ст. 1213 ГК РФ), право, подлежащее применению к договору о создании юридического лица и к договору, связанному с осуществлением прав участника юридического лица (ст. 1214 ГК РФ) и т.д. Общие принципы при этом определены в ст. 1211 ГК РФ, которая гласит, что если иное не предусмотрено ГК РФ или другим законом, *при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве к договору применяется право страны, где на момент заключения договора находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора.*

Пункт 2 ст. 1211 ГК РФ также содержит императивные нормы о том, в каких отношениях какая сторона осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора. Остановимся на случаях, имеющих непосредственное значение для сети Интернет:

1) *договор купли-продажи.* В интернет-контексте распространен в профессиональной деятельности интернет-магазинов и потребителей, предпочитающих покупать товары онлайн. Сторона, осуществляющая решаю-

¹ Британские юристы рассматривают формулировку «право Англии и Уэльса» как более точную и правильную, по сравнению с простой формулировкой «английское право».

щее значение для содержания договора — *продавец*, а значит, в отсутствие соглашения сторон о применимом праве применяется право страны, где находится основное место деятельности продавца. В то же время, как будет видно далее, ст. 1212 ГК РФ определяет особые условия для ситуации с участием потребителя;

2) *договор возмездного оказания услуг*. Один из наиболее распространенных договоров в самом широком круге отношений в сети Интернет, особенно для тех случаев, когда такие отношения не могут быть сведены к отношениям, предметом которых являются результаты интеллектуальной деятельности. Сторона, осуществляющая решающее значение для содержания договора, — *исполнитель*, а значит, в отсутствие соглашения сторон о применимом праве применяется право страны, где находится основное место деятельности исполнителя. Точно так же действуют особые условия ст. 1212 ГК РФ в случае с потребителем.

Отдельные условия определены для договора об отчуждении исключительного права и лицензионного договора.

Согласно п. 7 ст. 1211 ГК РФ в случае с *договором об отчуждении исключительного права* применяется право страны, на территории которой действует передаваемое приобретателю исключительное право, а если оно действует на территориях одновременно нескольких стран, — право страны, где находится место жительства или основное место деятельности правообладателя. С учетом того, как часто Интернет используется в современной цифровой экономике между участниками процесса создания и коммерциализации интеллектуальной собственности, рассмотрим применение этой нормы на простом примере, аналоги которого часто встречаются в реальной юридической практике.

Это интересно

Компания, зарегистрированная в США, заказала разработку музыкального сопровождения компьютерной игры (фонограммы как результата интеллектуальной деятельности — объекта авторских прав) у внештатного российского композитора. Стороны не использовали никаких иных инструментов для «фиксации» своих договоренностей, кроме обмена сообщениями по электронной почте. При этом они согласовали по электронной почте все существенные условия договора. Исключительное право на фонограмму действует, по общему правилу, одновременно на территории нескольких стран. Соглашение о применимом праве между сторонами отсутствует. В такой ситуации в силу п. 7 ст. 1211 ГК РФ подлежит применению право соответствующего штата США, как основное место деятельности правообладателя — компании (если, конечно, отсутствуют основания для признания другого места деятельности такой компании). В свою очередь, это может иметь интересные последствия с точки зрения авторского права: при соблюдении определенных условий в США автор может отказаться от права авторства, тогда как по российскому праву такой отказ был бы ничтожен в силу п. 2 ст. 1228 ГК РФ.

Согласно п. 8 ст. 1211 ГК РФ в отношении *лицензионного договора* применяется право страны, на территории которой лицензиату (т.е. той стороне, которая получает права) разрешается использование интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, а если такое использова-

ние разрешается на территориях одновременно нескольких стран, — право страны, где находится место жительства или основное место деятельности лицензиара (т.е. той стороны, которая передает права по лицензионному договору). Таким образом, в отношении лицензионного договора действует диаметрально противоположное правило об определении применимого права по сравнению с договором об отчуждении исключительного права, и в рассмотренном выше примере, если бы речь шла о предоставлении лицензии, применению бы подлежало право Российской Федерации. Логика такого порядка регулирования понятна: если при отчуждении исключительного права правообладатель изменяется, то при заключении лицензионного договора — нет, и было бы сложно допустить единство применимого права для объекта, правообладатель которого «не меняет юрисдикцию» (с учетом положений о свободе договора, оставляющим возможность изменений на усмотрение правообладателя).

Наконец, ст. 1211 ГК РФ содержит также оговорки и для «сложных» случаев. Так, если из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела явно вытекает, что договор более тесно связан с правом иной страны, чем та, которая определена в п. 1–8 ст. 1211 ГК РФ, то применению подлежит право страны, с которой договор более тесно связан. А к договору, содержащему элементы различных договоров, согласно п. 10 ст. 1211 ГК РФ применяется право страны, с которой этот договор, рассматриваемый в целом, наиболее тесно связан, если из закона, условий или существа этого договора либо совокупности обстоятельств дела не вытекает, что применимое право подлежит определению для таких элементов этого договора отдельно.

Отдельно следует рассмотреть ст. 1212 ГК РФ, определяющую право, подлежащее применению к договору с участием потребителя, значение которой сложно переоценить в контексте действующего подхода к определению права, применимого к отношениям в сети Интернет. Согласно п. 1 ст. 1212 ГК РФ выбор права, подлежащего применению к договору, стороной которого является физическое лицо, использующее, приобретающее или заказывающее либо имеющее намерение использовать, приобрести или заказать движимые вещи (работы, услуги) для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, не может повлечь за собой лишение такого физического лица (потребителя) защиты его прав, предоставляемой императивными нормами права страны места жительства потребителя, если контрагент потребителя (профессиональная сторона) осуществляет свою деятельность в стране места жительства потребителя либо любыми способами направляет свою деятельность на территорию этой страны или территории нескольких стран, включая территорию страны места жительства потребителя, при условии, что договор связан с такой деятельностью профессиональной стороны.

Судебная практика

В современной российской судебной практике уже встречаются подходы, в рамках которых российские суды признают свою юрисдикцию над спорами граждан Российской

Федерации с зарубежными интернет-компаниями, в случае если последние каким-либо образом (например, посредством использования русского языка и прямого приглашения российских пользователей к пользованию определенными услугами) направляют свою деятельность на территорию РФ. Для этого только требуется доказать, что такой гражданин является потребителем. Данный подход допустимо считать одним из возможных подходов к разрешению проблемы юрисдикции в сети Интернет.

Тест «минимума контактов»: развитие подхода

Термин **тест «минимума контактов»** может быть использован для обозначения модели разрешения проблемы юрисдикции в сети Интернет, которая основана на представлении о том, что российское законодательство действует в том случае, если деятельность стороны правоотношения как бы направлена на территорию РФ. Упрощая: с точки зрения логики такого подхода, в контексте, например, российской юрисдикции, если интернет-сайт содержит информацию на русском языке, если посредством такого интернет-сайта взаимодействуют главным образом российские пользователи и т.п., но при этом сервер размещен за рубежом, а оператор сервиса — это зарубежная компания, то российское законодательство все равно будет применяться к отношениям, связанным с таким сайтом. Разумеется, это исключительно иллюстрация логики подхода — в реальной ситуации, как правило, достаточно нюансов, которые редко позволяют сделать однозначный и, тем более, универсальный вывод.

В современной российской правовой системе к числу первых упоминаний такого подхода в официальных документах можно отнести интерпретации, изложенные в письме ФАС России от 03.08.2012 № АК/24981 «О рекламе алкогольной продукции в Интернете и печатных СМИ». Несмотря на узкий, на первый взгляд, предмет данного документа, содержащиеся в нем интерпретации выходят далеко за пределы правовых проблем рекламы одной группы товаров. Данный документ был связан с запретом на рекламу алкогольной продукции в сети Интернет. Часть письма, соответствующую рассматриваемой проблеме, имеет смысл воспроизвести полностью, поскольку она является наглядной иллюстрацией того, как государственные органы Российской Федерации рассматривали сеть Интернет в правовом разрезе еще совсем недавно, что в известной степени предопределяет дальнейшее развитие законодательства в этой области: «Понятие Интернета в законодательстве Российской Федерации не содержится, однако в литературе под Интернетом понимается всемирная система объединенных компьютерных сетей, построенная на базе протокола IP и маршрутизации IP-пакетов. Посредством данной системы распространяется информация различных форматов и на различных языках. В практике использования сети Интернет выделяют Рунет как русскоязычную часть всемирной сети Интернет.

Поскольку сеть Интернет не содержит ограничений в отношении территории, с которой возможно осуществить доступ к размещенной в данной сети информации, то с компьютера пользователя, расположенного на территории Российской Федерации, возможно получить доступ к информации, размещенной в различных странах мира.

Вместе с тем, учитывая особенности правового регулирования в сети Интернет, а также признание Рунета в качестве “виртуальной территории Российской Федерации”, ФАС России полагает, что для целей применения статьи 21 Федерального закона “О рекламе” под рекламой, распространенной в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, понимается реклама, размещенная на интернет-сайтах, зарегистрированных в доменных зонах .SU, .RU и .РФ., а также на русскоязычных страницах сайтов в иных зонах, поскольку информация на данных страницах предназначена для потребителей в России.

Установить лицо, являющееся владельцем (администратором) сайта, можно обратившись к регистратору доменных имен, который осуществил регистрацию данного сайта на определенное лицо. Установить регистратора сайта в зоне Рунета можно через справочный сервис www.cctld.ru или www.кц.рф. В зонах .NET, .ORG, .COM — через справочный сервис www.whois.net. Обратившись к регистратору, возможно получить наименование и контактные данные лица — владельца (администратора) сайта в сети Интернет.

Согласно части 7 статьи 38 Федерального закона “О рекламе” ответственность за нарушение части 2 статьи 21 Федерального закона “О рекламе” несет рекламодатель, которым в соответствии со статьей 3 данного закона является лицо, осуществляющее распространение рекламы любым способом, в любой форме и с использованием любых средств.

Поскольку владелец (администратор) сайта осуществляет наполнение данного сайта информацией и обладает правами модератора размещаемой информации, то именно он должен признаваться рекламодателем в случае выявления рекламы, размещенной на данном сайте, соответственно он должен нести ответственность в случае выявления нарушения части 2 статьи 21 Федерального закона “О рекламе” на данном сайте».

Помимо того, что в письме отражается несколько системных проблем правового регулирования отношений в сети Интернет, показательными в данном отрывке являются следующие фразы: «...Рунет как русскоязычная часть всемирной сети Интернет», «признание Рунета в качестве “виртуальной территории Российской Федерации”» и, разумеется, признание применения Федерального закона «О рекламе» при условии, что реклама размещена на интернет-сайтах, зарегистрированных в доменных зонах .su, .ru и .рф, а также на русскоязычных страницах сайтов в иных зонах, поскольку информация на данных страницах предназначена для потребителей в России.

Аналогичная позиция развита в уже упоминавшемся подходе Минкомсвязи России относительно действия ч. 5 ст. 18 Закона о персональных данных («требование о локализации»)¹. Согласно позиции Минкомсвязи России российское законодательство может распространяться на зарубежные интернет-сайты в том случае, если российская аудитория включена в их бизнес-стратегию. Это может подтверждаться, например, использованием русского языка, использованием доменного имени, связанного с Россией (например, .ru, .рф или .moscow), возможностью расчета в рублях, возможностью оказа-

¹ URL: <http://www.minsvyaz.ru/ru/personaldata/> (дата обращения: 14.01.2016).

ния услуг или предоставления товаров на российской территории, рекламой ресурса на русском языке и другими подобными обстоятельствами.

6.3. Проблема ответственности информационных посредников

Ответственность и меры пресечения

Проблема ответственности информационных посредников в настоящее время развивается в контексте практики блокировок интернет-ресурсов по различным основаниям — от распространения экстремистской информации до нарушения авторских прав. При этом иногда можно встретить явную или подразумеваемую точку зрения, согласно которой ограничение распространения информации в сети Интернет представляет собой одну из мер юридической ответственности. В большинстве случаев эта позиция юридически некорректна, поскольку с доктринальной точки зрения ограничение распространения информации, по общему правилу, является мерой пресечения нарушения прав в настоящем или будущем.

Судебная практика

Данный подход отражен в различных нормах интернет-права и уже послужил предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ (см., Постановление от 09.07.2013 № 18-П). Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ на информационного посредника может быть возложена обязанность по удалению противоправного контента, но такая обязанность не выражает юридическую ответственность информационного посредника, поскольку на нем, при прочих равных условиях, не лежит вина за совершенное правонарушение, тогда как виновными лицами будут пользователи, даже если они неизвестны и установить их невозможно.

Аналогичный подход отражен и в ст. 1253.1 ГК РФ применительно к вопросам нарушения интеллектуальных прав в сети Интернет. В некотором смысле данная статья заимствует и адаптирует положение о «безопасной гавани» («*safe harbor*») из Акта о защите авторских прав в цифровую эпоху США. Так, информационный посредник, осуществляющий передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, не несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав, произошедшее в результате этой передачи, при одновременном соблюдении следующих условий:

- 1) он не является инициатором этой передачи и не определяет получателя указанного материала;
- 2) он не изменяет указанный материал при оказании услуг связи, за исключением изменений, осуществляемых для обеспечения технологического процесса передачи материала;
- 3) он не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующего результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицом, инициировавшим передачу материала, содержащего соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, является неправомерным.

Информационный посредник, предоставляющий возможность размещения материала в информационно-телекоммуникационной сети, не несет

ответственности за нарушение интеллектуальных прав, произошедшее в результате размещения в информационно-телекоммуникационной сети материала третьим лицом или по его указанию, при одновременном соблюдении информационным посредником следующих условий:

1) он не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующего результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, содержащихся в таком материале, является неправомерным;

2) он в случае получения в письменной форме заявления правообладателя о нарушении интеллектуальных прав с указанием страницы сайта и (или) сетевого адреса в сети Интернет, на которых размещен такой материал, своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав. Перечень необходимых и достаточных мер и порядок их осуществления могут быть установлены законом.

К информационным посредникам, предоставляющим возможность доступа к материалу или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети применяются те же правила.

В то же время с учетом особенностей интернет-архитектуры и факторов, определяющих значение сети Интернет, возможна и *другая фактическая оценка блокировки сайта, если она осуществляется полностью, по IP-адресу*. Дело в том, что если интернет-сайт является основным активом владельца в экономическом смысле, есть причинно-следственная связь между блокировкой такого сайта и ущербом, причиненным его владельцу в случае остановки его работы. Представим себе интернет-магазин или какой-либо интернет-сервис, используемый для извлечения прибыли, который останавливает свою работу всего на несколько дней. За это время не только будет утрачена генерируемая им прибыль, но и будет создан существенный риск того, что пользователи предпочтут услуги конкурентов. Однако даже при этом ч. 4 ст. 17 Закона об информации предусматривает, что провайдер хостинга, оператор связи и владелец сайта в сети Интернет не несут ответственность перед правообладателем и перед пользователем за ограничение доступа к информации и (или) ограничение ее распространения в соответствии с требованиями Закона об информации. Это актуализирует архитектурный аспект и заставляет как субъектов интернет-права, так и регулирующие органы внимательно относиться к техническим аспектам блокировки.

Однако если данный аспект еще содержит открытые и нерешенные вопросы интернет-права, то сама по себе практика и процедуры блокировок на сегодняшний день относятся к числу наиболее детально урегулированных аспектов интернет-права в Российской Федерации.

Порядок ограничения распространения информации в Интернете

Практика ограничения распространения информации в сети Интернет в той или иной форме на сегодняшний день существует во многих юрисдикциях. Ограничение распространения информации может устанавливаться для защиты *публичных или частных интересов* и происходить в *административном порядке, судебном порядке или в порядке саморегулирования*. При этом в теории и на практике возможна любая комбинация данных видов

ограничения распространения информации в сети Интернет, хотя первым впечатлением может быть то, что защита частных интересов может осуществляться только в судебном порядке или в порядке саморегулирования, а защита публичных — только в административном.

Рассмотрим поподробнее каждый из возможных вариантов.

Защита публичных интересов в административном порядке — характерный пример ограничения распространения информации в сети Интернет в Российской Федерации, начиная с включения в Закон об информации ст. 15.1, предусматривающей создание Единого реестра запрещенной информации. Данная процедура организована в общем таким образом, что решение о первоначальной блокировке принимается органом исполнительной власти, далее владельцам сайтов и (или) хостинг-провайдерам предоставляется небольшой промежуток времени для добровольного удаления (блокировки) противоправной информации, в противном случае на операторов связи возлагается обязанность по блокировке ресурса. Впоследствии решение о блокировке может быть оспорено. Основное представление заключается в том, что такой блокировке должна подвергаться информация, имеющая наиболее высокую степень общественной опасности.

Защита публичных интересов в судебном порядке — в количественном измерении в Российской Федерации встречается реже (во многом это обусловлено относительной неэффективностью такого порядка, вызванной факторами, определяющими значение сети Интернет), но исторически объективно возникло ранее досудебных блокировок в силу наличия общих оснований для такой защиты. После создания Единого реестра запрещенной информации и появления оснований для блокировки в административном порядке у многих субъектов правоотношений возникло представление о том, что административный порядок является единственным возможным для осуществления блокировок. В действительности, это не так. Поскольку никто не может быть лишен права на судебную защиту, каждый (в том числе государство) имеет право предъявить требование о блокировке интернет-ресурса в судебном порядке, если нарушается законодательство РФ. К данному примеру условно можно отнести и распространенную практику, когда прокурор инициирует производство, действуя в интересах неопределенного круга лиц. Общая проблема такого порядка блокировки, связанная с потенциальным нарушением прав владельцев интернет-сайтов, связана преимущественно с процессуальными сложностями. Как правило, истцом в таких делах выступает какой-либо надзорный орган (в пределах своих полномочий — не все органы имеют возможность действовать в интересах третьих лиц), а вот ответчиком — не владелец интернет-сайта, а либо, в основном, интернет-провайдер и (или) оператор связи, либо с недавних пор Роскомнадзор, уполномоченный на внесение интернет-ресурсов в Единый реестр запрещенной информации с последующей блокировкой на основании судебного решения. Известны примеры и дел, в которых в принципе отсутствовал ответчик, — в случае если речь шла только о том, чтобы признать информацию запрещенной к распространению. В таких ситуациях информация просто вносится в Единый реестр запрещенной информации, будучи направленной Роскомнадзору, а опера-

тор связи ее автоматически блокирует. Проблема заключается в том, что на данный момент владельцам сайта на практике крайне сложно войти в процесс для защиты своих прав даже в статусе третьего лица в силу процессуальной сложности обоснования своей заинтересованности.

Защита частных интересов в административном порядке по своей логике возможна в отдельных прямо предусмотренных законом случаях, хотя возможны и исключения из этого правила. В Российской Федерации к данному виду ограничения распространения информации в сети Интернет следует в первую очередь отнести досудебную блокировку интернет-сайтов, на которых размещена информация с нарушением интеллектуальных прав (ст. 15.2 Закона об информации) в качестве обеспечительной меры, принимаемой судом до подачи иска. Так или иначе, данный вид ограничения осуществляется в свете потенциального судебного разрешения спора. Условно к данной категории можно отнести также и случаи осуществления уполномоченными государственными органами действий по ограничению доступа к интернет-ресурсам в рамках административной процедуры, но на основании индивидуальных заявлений отдельных пользователей, хотя с альтернативной теоретической точки зрения такую ситуацию можно описать и по-другому, а именно как реализацию государственным органом своих полномочий, нацеленных на защиту публичного интереса.

Защита частных интересов в судебном порядке как случай ограничения распространения информации в сети Интернет исторически является первой разновидностью такого ограничения. Как уже было отмечено, согласно и общетеоретическим, и закрепленным в процессуальном праве принципам, никому не может быть отказано в праве на судебную защиту даже в ситуации, когда законодательство не содержит норм, прямо предусматривающих способ защиты определенного права. Исторически два института гражданского права предопределяли развитие судебной практики по защите частных интересов в судебном порядке. Речь идет о нематериальных благах (честь, достоинство, деловая репутация) и об интеллектуальных правах. Судебной практике известны примеры инициирования ограничения доступа к интернет-ресурсам и до появления Единого реестра запрещенной информации как в случае нарушения прав на нематериальные блага, так и в случае нарушения интеллектуальных прав. Глобально, исторически первые дела, связанные с удалением информации из доступа посредством сети Интернет, в том числе в США, были связаны как раз с интеллектуальными правами, а также с защитой деловой репутации и нематериальных благ. При этом что касается нематериальных благ, то практика ограничения доступа к интернет-ресурсам в данном случае много наследует от практики по СМИ, а в некоторых случаях с ней содержательно пересекается (в тех юрисдикциях, где интернет-сайты признаются СМИ или — например, в Российской Федерации — если интернет-сайт зарегистрирован как СМИ).

Защита частных интересов в порядке саморегулирования предполагает две основных формы: во-первых, защита частных интересов в порядке саморегулирования, определяемом с учетом диспозитивных

норм, определяющих общие принципы процедуры защиты таких интересов посредством ограничения доступа к информационным ресурсам; во-вторых, защита частных интересов в порядке саморегулирования на основании процедуры, которая прямо не предусмотрена ни императивными, ни диспозитивными нормами применимого права, но прямо не противоречит им. В первом случае речь идет о различных процедурах, предусмотренных законодательством с различной степенью детализации. Основные существующие на данный момент в этой области диспозитивные нормы ориентированы на защиту авторских и смежных прав. В США это нормы, установленные на уровне Акта о защите авторских прав в цифровую эпоху. В Российской Федерации данные диспозитивные нормы были введены Федеральным законом от 24.11.2014 № 364-ФЗ на уровне ст. 15.7 Закона об информации о внесудебных мерах по прекращению нарушения авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, принимаемых по заявлению правообладателя. В данном случае речь идет об обработке жалоб и заявлений пользователей в рамках процедур, которые устанавливаются, как правило, владельцами сайтов — информационными посредниками и организаторами распространения информации в сети Интернет. Примерами здесь, к слову, могут послужить те же процедуры в рамках Акта о защите авторских прав в цифровую эпоху США, но рассмотренные с точки зрения российского законодательства.

Правовые аспекты технических способов ограничения распространения информации в сети Интернет

В самом общем смысле, как правило, ограничение распространения информации в сети Интернет подразумевает блокировку интернет-сайта в целом или отдельной интернет-страницы. В то же время следует помнить, что большинство норм Закона об информации и иных актов, из которых прямо или косвенно вытекает возможность блокировки, оперирует и более широкими поня-

тиями «ограничения доступа к информации» (без уточнения на форму ее распространения) или «ограничения доступа к [информационному] ресурсу». При этом в Законе об информации интернет-сайт определяется как «совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети “Интернет”» (п. 13 ст. 2).

Обратите внимание, что данное определение довольно широко, что имеет правовые последствия в рассматриваемом контексте. В случае с информационной системой, доступ к которой обеспечивается по доменным именам, имеющим «человекочитаемый» характер и используемым для навигации преимущественно через браузер, т.е. речь идет об интернет-сайтах в обычном смысле слова. Однако в определении используется характерное для правовых текстов объединение союзов «и (или)», что допускает возможность определить как интернет-сайт в том числе и такой ресурс, который идентифицируется по сетевым адресам без использования доменных имен.

Таких ресурсов не меньше — к этой категории могут быть отнесены любые корпоративные ресурсы, которые не имеют удобного внешнего входа для стороннего пользователя, отдельные составляющие комплексных интернет-сервисов (например, внутренних страниц онлайн-магазина цифровых продуктов для мобильных устройств) и даже устройства, не предназначенные для тех же функций, что и интернет-сайты в целом («Интернет вещей»). Данное определение допускает блокировку доступа как к «обычному» сайту, так и, например, к серверной части программного продукта, построенного по принципу «клиент-сервер» (как это может быть в случае с отдельными примерами облачного программного обеспечения или многопользовательских онлайн-игр).

Отдельного внимания заслуживает и острый вопрос о том, допустима ли блокировка по IP-адресу в условиях, когда законодательство прямо не предписывает такую блокировку. При этом интернет-сообщество выступает резко против таких блокировок по вполне обоснованной причине: поскольку с одним IP-адресом может быть связано несколько доменных имен и, соответственно, несколько отдельных сайтов, в результате такой блокировки могут пострадать и другие пользователи, информация которых соответствует закону. Общая позиция Роскомнадзора по данному вопросу прослеживается из практики блокировок: данный вопрос, по сути, делегирован на уровень саморегулирования операторам связи. В этом смысле примечательны результаты заседания Экспертного совета Роскомнадзора по массовым коммуникациям, состоявшегося 21 мая 2013 г.

Это интересно

Согласно данным информационного сообщения: «Первые полгода применения положений закона “О реестре запрещенной информации” (здесь и далее авторы сообщения имеют в виду Федеральный закон от 28.07.2012 № 139-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации”. — В. А.) подтвердили необходимость выработки совместного с операторами связи решения относительно процедур блокирования контента, внесенного в реестр. Неоднократные сигналы от представителей интернет-сообщества о рисках нарушения целостности российского сегмента сети и угрозе блокировки добропорядочных сайтов в результате блокировок по IP-адресам воспринимались сотрудниками Роскомнадзора как существенные и актуальные требования сообщества. В рамках выполнения операторских функций Роскомнадзор с целью исключения возможности причинения ущерба интересам добропорядочных пользователей Интернета и владельцев сетевых ресурсов внедрил в оперативном режиме практику дополнительного сканирования решений о включении в реестр IP-адресов. В каждом случае, когда по закону требовалось внести в реестр IP, Служба досконально проверяла наличие на этом адресе других ресурсов и при обнаружении режима мультипользования адресом предпринимала дополнительные меры по информированию и разъяснительной работе с провайдерами хостинга. Кроме того, в последние месяцы работы реестра наметилась тенденция “обхода” наркочиллерами в Интернете IP-блокировки. Владельцы “нарко-магазинов” для сохранения своего криминального бизнеса оперативно меняют IP-адреса при попадании в реестр. Роскомнадзор в этом случае также был вынужден освоить в связи с этой особенностью методы оперативного реагирования на такие ухищрения. Тем не менее такой режим работы нельзя признать долгосрочно эффективным. Поэтому Роскомнадзор планирует совместно

с отраслью принять решение о выборе методики, которая бы защищала добросовестных пользователей Интернет, обеспечивала бы 100% выполнение требований закона «О реестре запрещенной информации» и при этом не увеличивала бы финансовую нагрузку на операторов связи. В связи с этим Роскомнадзор провел исследование международного опыта взаимодействия властей с отраслью в рамках функций ограничения доступа общества к тем или иным противозаконным ресурсам. Рассматривался опыт работы уполномоченных общественных организаций и государственных ведомств в различных странах. Результатом исследования стал перечень различных методов ограничения доступа к ресурсам сети Интернет, положительных и негативных последствий применения этих методов, оценка эффективности каждого метода, финансовой целесообразности и перспектив его применения в дальнейшем. В список возможных технологий сетевого блокирования попали: DNS-блокирование — блокируется не весь IP-адрес, а только домен; блокирование по URL — блокируется не весь IP-адрес или даже домен, а конкретная страница; пакетное блокирование (DPI) — на основании результатов анализа пакетов, блокируются страницы в случае наличия на них запрещенной информации; комбинированное блокирование — блокирование с выделением по IP-адресам и фильтрацией по URL. На основании этого исследования специалисты Роскомнадзора выступили на заседании Экспертного совета по массовым коммуникациям с инициативой рекомендовать всем операторам связи Российской Федерации во исполнение требований закона «О реестре запрещенной информации» разработать собственными силами варианты применения блокировки информации по доменному адресу (DNS) либо комбинированного метода блокировки информации с выделением по IP-адресам и фильтрации по URL»¹.

В настоящее время практика блокировок с технической стороны развивается примерно в таком ключе. При этом данный аспект в очередной раз демонстрирует то юридическое значение, которое могут иметь архитектурные особенности сети Интернет. Конкретно в данном примере выбор той или иной технологии блокировки напрямую определяет соблюдение прав добросовестных пользователей Интернета.

В качестве наглядной иллюстрации, на рис. 6.1 приводится общая процедура блокировки информации в соответствии со ст. 15.1 Закона об информации.

Категория «информации, запрещенной к распространению в сети “Интернет”»

В наиболее общем смысле к информации, запрещенной к распространению посредством сети Интернет, относится информация, распространение которой связано с наиболее высокой (по оценке законодателя) степенью общественной опасности. Оценка общественной опасности предполагает в том числе и учет способа, которым осуществляется такое распространение, поскольку за счет качественных признаков сети Интернет распространение информации именно посредством глобальной информационно-телекоммуникационной сети позволяет достичь наибольшей скорости, объема и охвата аудитории.

ной опасности предполагает в том числе и учет способа, которым осуществляется такое распространение, поскольку за счет качественных признаков сети Интернет распространение информации именно посредством глобальной информационно-телекоммуникационной сети позволяет достичь наибольшей скорости, объема и охвата аудитории.

¹ В Роскомнадзоре эксперты обсудили перспективы методики блокировки запрещенной информации сети Интернет // Официальный сайт Роскомнадзора, 22 мая 2013 г. URL: <http://rkn.gov.ru/news/rsoc/news20067.htm> (дата обращения: 30.11.2015).

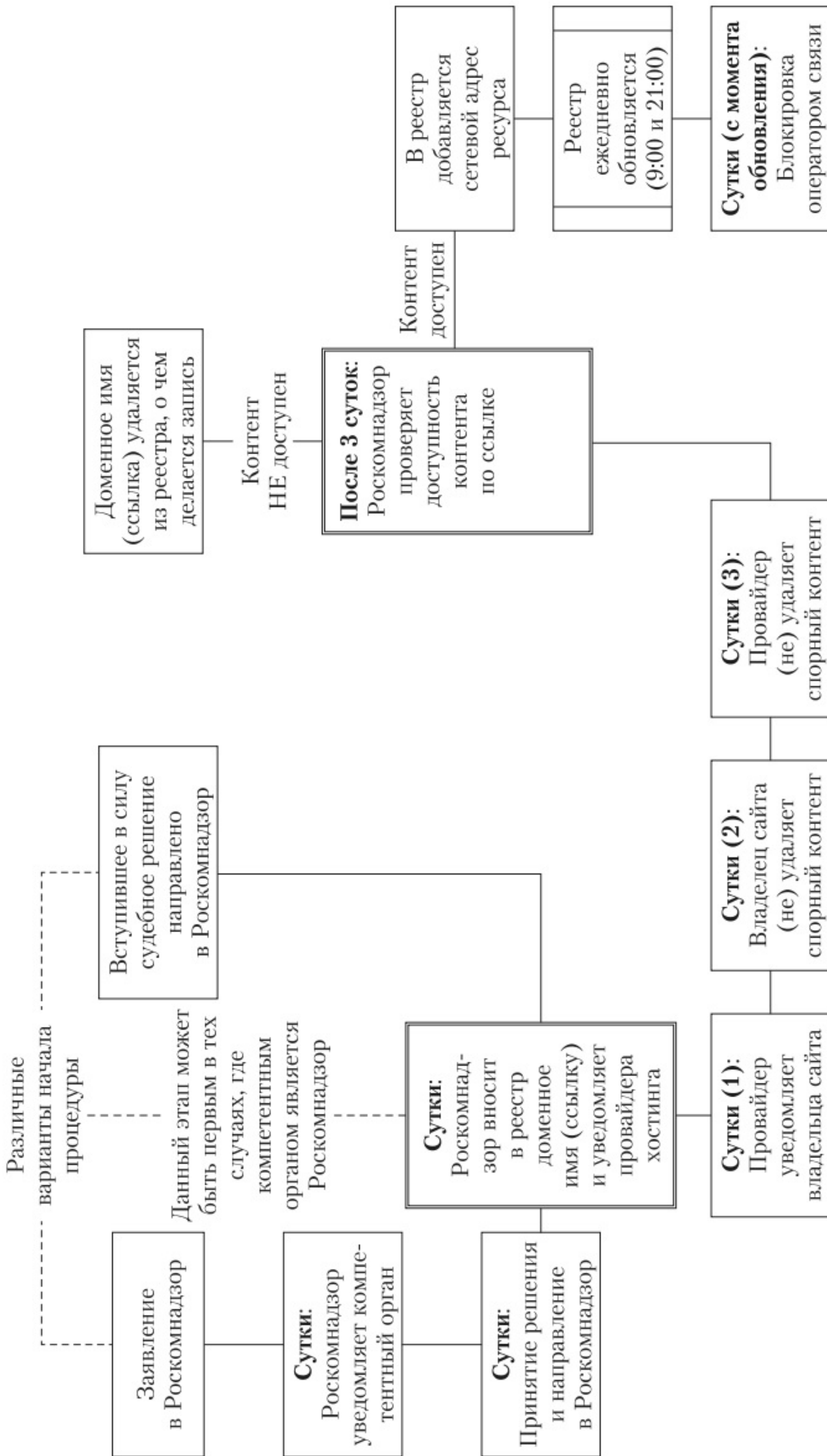

Рис. 6.1. Процедура блокировки сайта в соответствии со ст. 15.1 Закона об информации

На сегодняшний день в Российской Федерации, несмотря на наличие различных норм, определяющих отдельные критерии отнесения информации к информации, запрещенной к распространению посредством сети Интернет, отсутствует системное единство критериев такой правовой квалификации. В то же время если обобщить критерии, изложенные в различных статьях Закона об информации, перечень может получаться следующим. Для начала представим перечень в той последовательности, в которой он представлен в Законе об информации:

а) *статья 15.1* во многом является символом поворотного этапа в развитии российского законодательства о регулировании Интернета и исторически первой специальной статьей российского законодательства, посвященной блокировке интернет-сайтов органами исполнительной власти в рамках внесудебной процедуры, а федеральный закон, которым она была введена, — известность (в кругах обеспокоенной части интернет-сообщества — печальную) примерно как «Закон о черном списке Интернета». Изначально ст. 15.1 включала в качестве специальных оснований блокировки лишь те основания, которые указаны в п. 1—4 ниже:

1) детская порнография. Материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера (подп. «а» п. 1 ч. 5). Жесткие ограничения на распространение детской порнографии не являются исключительно российским изобретением — это общемировая практика. В большинстве иных юрисдикций, в отличие от Российской Федерации, отсутствуют законодательные механизмы, обеспечивающие оперативную внесудебную блокировку ресурсов, содержащих детскую порнографию;

2) наркотики. Информация о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, местах приобретения таких средств, веществ и их прекурсоров, о способах и местах культивирования наркосодержащих растений (подп. «б» п. 1 ч. 5);

3) самоубийства. Информация о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства (подп. «в» п. 1 ч. 5);

4) несовершеннолетние, пострадавшие в результате противоправных действий. Информация о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение которой запрещено федеральными законами (подп. «г» п. 1 ч. 5);

5) азартные игры и лотереи. Информация, нарушающая требования о запрете деятельности по организации и проведению азартных игр и лотерей с использованием сети Интернет и иных средств связи (подп. «д» п. 1 ч. 5);

б) *статья 15.2* определяет порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением авторских и (или) смежных прав. Данное основание для блокировки имеет и свой «квалифицированный состав», предусмотренный ст. 15.6 Закона, предусматривающей порядок ограничения доступа к сайтам в сети Интернет, на которых неоднократно и неправомерно размещалась информация, содержащая объекты авторских

и (или) смежных прав, или информация, необходимая для их получения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет;

в) *статья 15.3* определяет порядок ограничения доступа к информации, содержащей:

1) призывы к массовым беспорядкам (ч. 1);

2) призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ч. 1);

3) призывы к участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка (ч. 1);

г) *статья 15.4* определяет порядок ограничения доступа к информационному ресурсу в случае нарушения обязанностей организатором распространения информации (ч. 1);

д) *статья 15.5* определяет порядок ограничения доступа к информации в случае нарушения законодательства о персональных данных (ч. 1);

е) *статья 15.6* определяет порядок доступа к сайтам в сети Интернет за неоднократное неправомерное размещение информации с нарушением авторских прав (ч. 1).

Данное основание получило характеристику так называемой «пожизненной блокировки», поскольку не предполагает возможность восстановления доступа к интернет-сайту. Конкретно данное основание позволяет вновь обратиться к вопросу о соотношении ответственности и меры пресечения.

Особенности использования сети Интернет в деятельности органов государственной власти

При этом следует учитывать, что п. 2 ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации предусматривает включение в Единый реестр запрещенной информации вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети Интернет, информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Таким образом, потенциально любая информация, которая будет в судебном порядке признана противоречащей законодательству РФ, может пополнить Единый реестр запрещенной информации и стать основанием для блокировки интернет-ресурса.

На сегодняшний день сеть Интернет является востребованным инструментом поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, широко используемым не только субъектами частноправовых отношений, но и публичной властью. При этом по своему смыслу основные особенности использования сети Интернет в деятельности органов государственной власти также связаны с проблемой ответственности и — шире — правовой квалификации различных аспектов деятельности информационных посредников.

Так, например, ч. 4 ст. 14 Закона об информации устанавливает, что государственные информационные системы должны обеспечивать размещение информации, которая имеет статус общедоступной и определена перечнями, утверждаемыми в соответствии со ст. 14 Федерального закона от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», в сети Интернет в форме открытых данных.

Но этим (а равно и другими прямо предусмотренными законодательством случаями) фактическая роль сети Интернет в деятельности государственных органов не исчерпывается — государственные служащие, например, часто используют сеть Интернет для работы с информацией, необходимой для реализации их функций, а это может включать в себя и работу с распространенными бесплатными почтовыми системами (например, *Google Mail*), и хранение информации на облачных сервисах (например, *Evernote*).

Использование сети Интернет в деятельности государственных органов с необходимостью подразумевает появление неочевидных правовых рисков, связанных с особенностями функционирования данной сети.

При анализе особенностей инфраструктуры сети Интернет в свете государственных интересов Российской Федерации следует обратить внимание на то, как функционирует система определения соответствий между доменными именами и IP-адресами в сети Интернет.

Так, при направлении любого запроса по доменному имени (например, указываемому в адресной строке интернет-браузера) данный запрос перенаправляется на ближайший *DNS*-сервер (например, самой организации или интернет-провайдера). При невозможности разрешения запроса на данном уровне, запрос перенаправляется на вышестоящий в иерархии уровень, и в конечном счете он может перенаправиться на один из корневых *DNS*-серверов, центральные узлы которых территориально расположены в США и оперируются корпорацией *ICANN*. Данная корпорация, не являющаяся международной организацией, представляет собой некоммерческую корпорацию, зарегистрированную в штате Калифорния, и выполняет функции по координации распределения доменных имен и IP-адресов, а также координации *DNS* на основании государственного контракта, заключенного с Правительством США.

В свете соображений информационного суверенитета и безопасности Российской Федерации (но, тем не менее, учитывая общую полезную роль сети Интернет в развитии информационного общества) государственным органам имеет смысл, по возможности, «физически» разделять информационные системы на находящиеся в локальной сети без выхода в сеть Интернет и имеющие такой выход. «Закрытые» информационные системы должны использоваться для оборота информации, потенциальное распространение которой нежелательно в силу существующего законодательного регулирования.

В каждодневной практике работы различных организаций, в том числе государственных органов, не исключены случаи использования работниками своих обязанностей с использованием общедоступных интернет-сервисов. Так, для передачи информации могут использоваться сервисы бесплатной личной электронной почты (например, *Google Mail*), а для хранения и обработки — облачные сервисы (например, *Evernote* или *Trello*).

С учетом факторов, определяющих развитие сети Интернет в условиях Web 2.0, а также общего соображения информационной безопасности, согласно которому *любая* информация, попавшая в сеть, может потенциально стать всеобщим достоянием за считанные секунды, представляется целесообразным предпринимать организационные, технические и право-

вые меры, способствующие ограничению использования на рабочих местах подобных ресурсов (в том числе используя «архитектурный» подход, описанный выше).

Судебная практика

Актуальность данной проблемы обусловлена и судебной практикой. Так, суд отклонил иск бывшего работника предприятия о восстановлении на работе в связи со схожими обстоятельствами. Данный работник, будучи уполномочен на обработку персональных данных, пересылал отдельные данные на почтовый ящик в системе ООО «Мэйл.Ру». Суд счел, что почтовая компания является обладателем информации в смысле п. 5 ст. 2 Закона об информации, а значит, имел место факт разглашения персональных данных (см. определение Московского областного суда от 16.09.2010 по делу № 33-18051).

Отдельно следует отметить общую необходимость пользователей знакомиться с пользовательскими соглашениями используемых сервисов. Так, например, популярный облачный сервис работы с информацией *Evernote* допускает возможность работников компании-оператора «в отдельных случаях» осуществлять просмотр содержимого заметок пользователей¹.

6.4. Проблема игрового пространства

Компьютерные игры в современной культуре

На сегодняшний день компьютерные игры вышли далеко за пределы узкого круга энтузиастов не только как феномен массовой культуры, но и как объект научных исследований и преподавательской деятельности. Например, в Массачусетском технологическом институте разработан курс «Теория и анализ видеоигр», который представляет собой введение в междисциплинарное исследование коммерческих компьютерных игр как текстов, изучение их культурных, образовательных и социальных функций в современном контексте². В программу курса входит в том числе непосредственная игра в компьютерные игры с целью получения материала для анализа (в то же время автор курса отмечает, что излишнее увлечение игрой не может быть оправданием для пропуска даже в рамках этого курса!)³. В обязательную литературу в рамках курса входит две книги: «Хрестоматия по игровому дизайну» под ред. К. Салена и Э. Циммермана⁴ и «Почему видеоигры полезны для вашей души» Дж. П. Джи⁵.

¹ URL: <http://evernote.com/intl/ru/legal/privacy.php> (дата обращения: 14.01.2016).

² См.: Videogame Theory and Analysis. Course Home // MIT Open Courseware. URL: <http://ocw.mit.edu/courses/comparative-media-studies/cms-998-videogame-theory-and-analysis-fall-2006/> (дата обращения: 14.01.2016).

³ См.: Videogame Theory and Analysis. Syllabus // MIT Open Courseware. URL: <http://ocw.mit.edu/courses/comparative-media-studies/cms-998-videogame-theory-and-analysis-fall-2006/syllabus/> (дата обращения: 14.01.2016).

⁴ Salen K., Zimmerman E. The Game Design Reader. Cambridge, MA : MIT Press, 2005.

⁵ Gee J. P. Why Videogames Are Good For Your Soul. N. Y. : Common Ground, 2005.

Сейчас компьютерные игры часто исследуются с учетом того ошибочного представления, что они предназначены в целом для детей, хотя это противоречит существующим социологическим данным и направленности значительного сегмента игровой индустрии. Тем не менее следует учитывать и данный аспект. Так, отдельные специалисты (в частности, профессор Е. О. Смирнова и доцент М. В. Соколова) обращают внимание на роль игры в жизни ребенка и необходимость особой защиты права ребенка на игру, а также создания специальных механизмов реализации данного права. Авторы предлагают обратить внимание на то, как закреплено право ребенка на игру в международных договорах, а также на ту роль, которую играет Международная ассоциация игры¹.

В этом смысле, право ребенка на игру вытекает из п. 1 ст. 31 Конвенции о правах ребенка 1990 г., согласно которому государства-участники признают право ребенка на отдых и досуг, *право участвовать в играх* и развлекательных мероприятиях, соответствующих его возрасту, и свободно участвовать в культурной жизни и заниматься искусством.

Международная ассоциация игры (*IPA, International Play Association*) была создана в Скандинавии в 1961 г. и в этом же году провела свою первую конференцию в Копенгагене². В ноябре 1977 г. была написана Декларация Международной ассоциации игры о праве ребенка на игру, впоследствии пересмотренная в 1982 г. (Вена) и в 1989 г. (Барселона). Данная Декларация, как указывает ассоциация, должна рассматриваться системно вместе со ст. 31 Конвенции о правах ребенка. При этом в числе основных тревожных тенденций в данной области ассоциация, в частности, отмечает безразличие общества к значимости игры и излишний акцент на нездоровой конкуренции и стремлении «выиграть во что бы то ни стало» в детских спортивных играх³.

Однако сами по себе компьютерные игры как феномен современной культуры едва ли могут рассматриваться как ориентированные на сугубо детскую аудиторию, многие из компьютерных игр ориентированы на аудиторию взрослую, и в современном обществе заняли нишу вполне легитимного хобби для лиц, достигших совершеннолетия. Из этого вытекает два интересных вывода, значимых для юриспруденции. Во-первых, возникает проблема разграничения компьютерных игр по возрастным категориям. На разрешение данной проблемы направлен Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». С ним связано довольно много интересных вопросов, но он непосредственно не относится к дискурсу интернет-права. Во-вторых, интерес именно взрослых [платежеспособных] игроков стимулирует ту часть игровой индустрии, которая связана с оборотом виртуаль-

¹ См.: Смирнова Е. О., Соколова М. В. Право на игру: новый комментарий к статье 31 конвенции о правах ребенка // Психологическая наука и образование. 2013. № 1. С. 5–10. URL: <http://psyjournals.ru/psyedu/2013/n1/58592.shtml> (дата обращения: 14.01.2016).

² History // International Play Association. URL: <http://ipaworld.org/category/about-us/history/> (дата обращения: 14.01.2016).

³ IPA Declaration of the Child's Right to Play // International Play Association. URL: <http://ipaworld.org/category/about-us/declaration/> (дата обращения: 14.01.2016).

ных предметов за реальные деньги. Именно в этом социологическом контексте развиваются как системная проблема игрового пространства, так и системная проблема виртуальной собственности.

Многопользовательские компьютерные игры

До развития информационно-телекоммуникационных сетей в целом и сети Интернет в частности было сложно представить, что игры как таковые, в том числе компьютерные, могут стать значимым объектом юридического исследования и правового регулирования. Безусловно, игры были объектом изучения других наук, прежде всего, точных и социально-гуманитарных, и много ранее. «Главной» в данном смысле книгой, безусловно, является «Человек играющий» («*Homo Ludens*», 1938) нидерландского философа и культуролога Й. Хейзинги, в которой были заложены основы современных игровых исследований (*game studies*), не исключая и юридические аспекты. Хорошим примером может послужить развитие теории игр в математике, основные положения которой системно впервые были изложены в книге Д. фон Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение» («*Theory of Games and Economic Behavior*», 1944). Уместно вспомнить книгу американского психолога и психиатра Э. Берна «Игры, в которые играют люди» («*Games People Play*», 1964).

С точки зрения права игры долгое время могли быть интересны преимущественно с нескольких (довольно специальных) точек зрения. Во-первых, исторически наибольшее внимание законодательство уделяло азартным играм как игровому явлению, традиционно находящемуся в центре моральных дискуссий и время от времени выступающему в качестве объекта правовых ограничений или даже запретов. Во-вторых, классический вопрос гражданского права — это вопрос о том, могут ли получить судебную защиту требования, вытекающие из организации игр или участия в них, например, можно ли истребовать в суде карточный долг. В действующем российском законодательстве этой проблеме посвящена ст. 1062 ГК РФ «Требования, связанные с организацией игр и пари и участием в них», п. 1 которой определяет, что требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат, за отдельными исключениями, судебной защите. Наконец, в-третьих, наборы для игр, а впоследствии — первые однопользовательские компьютерные игры, очевидно, выступали в качестве предметов отношений, связанных с интеллектуальной собственностью.

В то же время поистине революционные изменения произошли на рубеже 1970—1980-х гг., когда появились первые многопользовательские ролевые онлайн-игры. Даже если «отставить в сторону» характеристику «ролевые», именно многопользовательские онлайн-игры стали поворотным явлением в вопросе о том, какое правовое значение могут иметь отношения, складывающиеся в связи и по поводу игр. Сразу следует отметить, что с точки зрения игровых исследований есть существенная разница между смысловыми особенностями понятия «игра» в различных контекстах. Под «игрой» в целом может пониматься как деятельность, в основе которой лежит состязание участников (это понятие ближе и к математи-

ческой теории игр, и к азартным играм — в последнем случае такое «состяжание» само по себе также предполагает существенный элемент случая), так и деятельность, в основе которой лежит воображение. В последнем случае мы можем говорить, например, об играх, в которые играют дети. Существенная составляющая так называемых «деловых игр» также основана на воображении. Функциональная задача таких игр — моделирование ситуаций (жизненных или исключительно фантастических). В них может иметься элемент соревнования, но такой элемент будет носить практически самостоятельный характер. Значительная часть компьютерных игр, безусловно, содержит серьезный соревновательный элемент (даже если основным соперником выступает компьютер), но именно компьютерные технологии, а впоследствии — сеть Интернет, предоставили играм принципиально новые возможности в части моделирования реальности в целом.

В современном медиа-пространстве представляется наиболее распространенной точка зрения, согласно которой первой многопользовательской ролевой онлайн-игрой в современном смысле слова является игра «*MUD*» (данная аббревиатура традиционно раскрывается либо как «*Multi-User Dungeon*», либо как «*Multi-User Dimension*», т.е. «многопользовательское подземелье» или «многопользовательское измерение» соответственно), которая первоначально разрабатывалась в Университете Эссекса, Великобритания Роем Трабшоу, а затем завершалась, поддерживалась и дорабатывалась в 1980 г. и далее Ричардом Бартлом. Будет допустимо утверждать, что в эти годы были заложены основы нового жанра компьютерных игр, обязательным условием которого является одновременное присутствие множества пользователей в одной виртуальной среде. На тот момент многопользовательские ролевые онлайн-игры были текстовыми и не имели графики в обычном смысле этого слова. На экране отображались описания воображаемой ситуации, в которой оказываются игроки, а интерфейс предполагал ввод команд с клавиатуры — не просто управление условным персонажем, а описание тех действий, которые он выполняет в виртуальном мире, например, для того чтобы персонаж прошел конвенциональное расстояние от одной точки до другой на север, было необходимо напечатать «*go north*».

С исторической точки зрения примечательно, что графические виртуальные миры, с которыми у большинства пользователей чаще всего и ассоциируется понятие «многопользовательской компьютерной игры», появились вскоре после текстовых, и речь здесь в большей степени идет о двух различных жанрах, нежели чем об этапах развития. Исторически первой графической многопользовательской онлайн-игрой, которая предполагала бы реконструирование виртуального мира, можно считать проект «*Habitat*», разработанный студией *Lucasfilm* (1986) для домашних 8-битных компьютеров *Commodore 64* (в отличие от СССР и Европы, где в то время были популярны британские *ZX Spectrum*, в США были распространены *Commodore 64*). Одним из наиболее значимых этапов в истории графических многопользовательских ролевых онлайн-игр можно при этом считать запуск компанией *Origin Systems* игры «*Ultima Online*», который состоялся 24 сентября 1997 г. Данный проект стал первой многопользовательской

ролевой онлайн-игрой, число подписчиков было более 100 тыс. Впоследствии долгое время наиболее популярным игровым графическим виртуальным миром только по количественным критериям была многопользовательская ролевая онлайн-игра «*World of Warcraft*» от компании *Blizzard*. По данным на октябрь 2012 г. число пользователей данной игры насчитывало более 10 млн игроков¹. Этот рекорд, удостоившийся Книги рекордов Гиннесса, был позднее «побит» — сначала игрой жанра *MOBA* «*League of Legends*» от компании *Riot Games* (67 млн игроков по состоянию на 2014 г.)² и известной «*World of Tanks*» (75 млн игроков по состоянию на конец 2013 г.)³ от компании *Wargaming.Net*, имеющей корни в Республике Беларусь. Что же касается виртуальных миров, не имеющих строго игровой направленности, то наиболее популярными остаются «*Second Life*», а также «*Entropia Universe*».

Правовая оценка игрового пространства

Очевидно, что значение многопользовательских онлайн-игр в контексте правового регулирования обусловлено как минимум экономическими факторами, поскольку данный вид электронных

развлечений сейчас занимает значительную долю соответствующего рынка. В то же время этому есть и другие причины, более тесно связанные с собственно юридическими аспектами. Прежде всего, имеет смысл обратить внимание на используемую в дискурсе многопользовательских онлайн-игр терминологию. На страницах настоящего издания уже было использовано несколько родственных терминов, в частности «[компьютерная] игра», «многопользовательская [ролевая] онлайн-игра», «виртуальный мир». Значение данных терминов часто бывает обусловлено контекстом, но наиболее общими терминами из этого ряда являются термины «компьютерная игра» и «виртуальный мир». Понятно, что термин «онлайн» при этом означает, что данная игра и (или) виртуальный мир функционируют с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Кроме того, многопользовательские онлайн-игры (в том числе многопользовательские ролевые онлайн-игры и виртуальные миры) представляют собой принципиально новое и социально значимое явление. Приведенные ранее показатели количества игроков различных игр (а ведь помимо упомянутых есть еще множество различных популярных онлайн-игр) косвенно демонстрируют социальную и экономическую значимость данного явления. Еще в 2012 г. общий оборот российской игровой индустрии, по данным эксперта ООО «Мэйл.Ру», представленным на «Конференции разработчиков игр» в 2012 г., превысил 1 млрд долл. США⁴. С того

¹ *Karmali L.* Mists of Pandaria Pushes Warcraft Subs Over 10 Million // IGN Entertainment Games Site. URL: <http://www.ign.com/articles/2012/10/04/mists-of-pandaria-pushes-warcraft-subs-over-10-million> (дата обращения: 06.02.2013).

² Multiplayer Online Battle Arena («Многопользовательская онлайн-боевая арена» — англ.).

³ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/World_of_Tanks.

⁴ См., например: Оборот российской игровой индустрии превысил \$1 млрд // Игры Mail.Ru, Новости. URL: http://games.mail.ru/pc/news/2012-05-21/oborot_rossijskoj_igrovoj_industrii_prevysil_1_mlrd/ (дата обращения: 18.01.2013).

времени данная сумма значительно выросла за счет увеличения популярности многопользовательских игр, в том числе по причине роста популярности компьютерных технологий, включая мобильные, в целом, а также за счет включения элементов многопользовательских игр в игры другой направленности, что видно на примере так называемых «социальных игр», представляющих собой игры, построенные на довольно простой механике, но предполагающие интеграцию с социальными сетями и добавление социального измерения в игры тех жанров, которые раньше не имели такового, например, головоломок.

Компьютерные игры — новое и социально значимое явление, при этом игровое пространство многопользовательских онлайн-игр в то же время представляет собой новое коммуникативное пространство, моделируемое при помощи информационно-телекоммуникационных технологий. Соответственно, по сравнению с играми прошлых поколений, игровое пространство стало в полном смысле слова «виртуальным» пространством, в котором, тем не менее взаимодействуют реальные люди, что может приводить к появлению правоотношений либо с использованием игрового пространства либо как бы непосредственно внутри такого игрового пространства. При этом сущность связанной с этим системной правовой проблемы выражается в необходимости разграничения (абсолютного или относительного) пространства игры, где допустимо все, что разрешено правилами игры, и «серьезного» пространства, где в полной мере действует право «реального» мира. Соответственно, принципиальный теоретический вопрос, связанный с данной системной проблемой, заключается в том, чтобы определить, где заканчивается «реальный мир», в котором определенные действия могут породить юридические последствия, и начинается «мир вымысла», в котором действия носят «шуточный» (или «виртуальный») характер, и юридически значимых последствий вызвать не могут.

Судебная практика

На сегодняшний день в российской судебной практике было отражено как минимум два подхода к игровому пространству, которые на первый взгляд различаются, хотя при более детальном рассмотрении оказываются сходными. Каждый из них связан с другой смежной проблемой — виртуальной собственности.

1. *Игровое пространство — область, не подлежащая правовому регулированию.* Данный подход основан на принципиальном разграничении игрового и неигрового пространства, и основан на предположении, что «внутри» игрового пространства «реальное» право не действует. Российское законодательство формально допускает интерпретацию п. 1 ст. 1062 ГК РФ (согласно которой требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите), в русле такого подхода. Однако такая интерпретация может и вызывать сомнения, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, ст. 1062 ГК РФ (как и гл. 58 в целом) была нацелена главным образом на азартные игры, к числу которых в юридическом смысле многопользовательские компьютерные игры как таковые, по общему правилу, скорее не относятся, хотя некоторые из них и могут содержать азартные элементы. Во-вторых, одностороннее применение данной интерпретации может привести к ситуации, когда интересы игрока как потребителя, который при этом может тратить на игру значительные суммы, окажутся полностью незащищенными. Однако, разумеется, есть и примеры, когда «реальное» право, как кажется,

действительно, не должно вмешиваться в игровые отношения. Было бы, вероятно, странно, столкнуться, например, с иском одного игрока к другому по поводу несправедливо распределенной добычи после какого-либо игрового рейда. В свете данных рассуждений определенные перспективы может иметь подход, при котором правовая защита может предоставляться игрокам в отношении разработчиков, но не в отношении других игроков. Хотя и в данном случае концепция должна предполагать, что если отношения между игроками выходят за рамки собственно игровых, то они попадают в плоскость «реального» правового регулирования.

2. *Игровое пространство* — область, операции с которой могут быть предметом оказания услуг. Впервые в российской судебной практике полноценное отражение данный подход нашел в споре между ФНС России и ООО «Мэйл.Ру Геймз», который будет рассмотрен в следующем параграфе. По существу, он предполагает, что, невзирая на игровой характер предмета правоотношений, как минимум между разработчиком и игроками есть «реальные» правоотношения, предметом которых являются не столько действия внутри игрового мира, сколько предоставление самой возможности доступа к игровому миру и различные изменения с его параметрами, которые разработчик осуществляет в соответствии с запросами игроков. Это позволяет оставить в стороне проблему «действия реального права в игровом пространстве» как таковую и рассматривать игровой мир как некую закрытую «вещь в себе», с которой как бы возможны внешние юридически-значимые манипуляции, и выступающие в качестве предмета правоотношений. Любопытно, что такой подход, в общем, теоретически применим не только к отношениям между разработчиками и игроками, но и к отношениям между самими игроками, хотя данный подход еще не стал предметом полноценного правового анализа.

В силу того, что судебная практика по данным вопросам, в первую очередь, была связана с проблематикой виртуальной собственности, более подробно она будет рассмотрена далее в параграфе 6.5. Здесь же следует отметить, что в каждом из рассмотренных случаев суды в некотором смысле устранились от разрешения проблемы именно игрового пространства, что может быть объяснимо тем фактом, что принципиальный момент в данных делах был связан именно с виртуальной собственностью. В то же время в обоих случаях прослеживается концепция, согласно которой игровой мир представляет собой нечто обособленное от реального мира. Насколько оправдана такая точка зрения?

Этот вопрос еще предстоит оценить с точки зрения различных отраслей права с учетом системных архитектурных особенностей информационно-телекоммуникационных технологий и практик игровой индустрии. В то же время можно предложить альтернативный подход к разрешению проблемы «магического круга»: *если виртуальный мир предполагает обязанность игроков (в том числе сформировавшуюся в рамках обычая внутри игры) действовать от лица персонажей, не смешивая виртуальный и реальный миры, то такое игровое пространство, действительно, может быть исключено из правового регулирования.* В противном случае реальное право будет применяться к отношениям, опосредуемым игрой, точно так же, как оно может применяться к отношениям, опосредуемым Интернетом.

Проблема клонирования игр

Среди разработчиков компьютерных игр популярен термин «клонирование игр», который обозначает полное копирование игровой механики и заимствование, подчас до степени смешения, различных объектов интеллектуальных прав, которые составляют компьютерную игру. В контексте настоящего издания клонирование игр интересно как *наглядный пример особенностей и системных проблем правового регулирования отношений*

сети Интернет, связанный с конституирующими элементами игрового пространства. Современное состояние игровой индустрии обусловлено развитием информационно-телекоммуникационных технологий, с учетом всех возможных факторов, определяющих значение таковых. Возможность практически моментального и предельно простого копирования (воспроизводства) информации порождает соблазн участников соответствующих правоотношений сократить объем затраченных усилий на производство новой информации за счет заимствований, которые оправданы далеко не всегда.

На первый взгляд, клонирование игр может вызывать споры преимущественно в контексте технологических и творческих аспектов, однако это проблема актуальная не только с точки зрения гейм-дизайна и профессиональной этики, но и с точки зрения права. Она сопровождает игровую индустрию начиная с ранних этапов, но особенно актуальна она сегодня, когда, с одной стороны, новый стремительно развивающийся рынок мобильных приложений и новые способы цифровой дистрибуции (упрощающие жизнь инди-разработчикам) дают разработчикам возможности сэкономить на разработке и прямо или косвенно заимствовать элементы более ранних успешных игр, а с другой — развивается законодательство и практика, имеющие отношение в данной области.

Практика, в частности, показывает, что при определенных условиях правообладатели таких игр могут защитить свои права в судах, несмотря на то что самый существенный элемент игрового дизайна — правила игры — по общему правилу, не является охраняемым (в Российской Федерации — в соответствии с подп. 4 п. 5 ст. 1350 ГК РФ). Отсюда следует необходимость оценки охраняемости заимствованных или заимствуемых элементов игры и юридические риски предъявления требований со стороны их правообладателей как минимум в трех случаях:

1) при начале разработки игры, когда встает вопрос о прямых или косвенных заимствованиях. Например, заимствование принципов игровой механики в большинстве юрисдикций и по общему правилу, действительно, редко может быть нарушением. Но заимствование отдельных элементов визуального дизайна (что при этом может напрямую влиять на правила игры как таковые и определять их) может стать одним из оснований для удовлетворения иска правообладателя. Наиболее ярко это видно на примере недавнего (2012) дела в США *Tetris Holding, LLC v. Xio Interactive*, в котором правообладатель «Тетриса» убедил суд в том, что сама структура фигуры, состоящей из определенного количества квадратов, скопированная молодым конкурентом в игре «Mino», является нарушением именно авторских прав;

2) если разработчик оказался на месте правообладателя игры, который вынужден сталкиваться с клонированием собственного продукта. Необходимость защиты своих прав в такой ситуации — не самоцель, и бизнес-решение может здесь диктоваться широким кругом обстоятельств (например, «клоны» попросту могут оказаться хуже собственного продукта, и тогда это может, напротив, положительно сказаться на успехе игры), но если решение принято, необходимо проанализировать, что именно

в продукте конкурента может являться нарушением интеллектуальных прав и что особенно важно для подготовки к разбирательству, каким образом будет осуществляться доказывание — иными словами, какие доказательства использовать и как их достоверно закреплять для представления в суд;

3) при неблагоприятном развитии событий даже добросовестный разработчик может оказаться в условиях, когда против него будет подан иск в связи с предполагаемым нарушением интеллектуальных прав конкурента. При таких обстоятельствах важно правильно выстраивать позицию защиты, провести внутренний «юридический аудит» дизайна и ресурсов игры, определить наиболее уязвимые моменты и аргументировать (здесь могут использоваться как юридические, так и технические аргументы, причем в последнем случае возможно официальное привлечение к процессу технического эксперта или специалиста), почему позиция является добросовестной. На практике не менее важна и сугубо юридическая сторона вопроса — например, насколько критичными будут последствия, если иск будет выигран в другой юрисдикции.

Все приведенные соображения в целом актуальны для любой правовой системы, относящейся к государствам — участникам Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 г., которая, несмотря на давность принятия, до сих пор является ключевым международным соглашением в области авторского права и применяется, по сути, и в ситуации с теми объектами, которые возникли много позже — к программному обеспечению, аудиовизуальным произведениям и т.п. Участниками Конвенции являются 168 государств¹, в том числе представляющие ключевые рынки для компьютерных игр.

Общие принципы позволяют сформулировать перечень ключевых элементов игр и разделить их по степени наличия и (или) возможности получения правовой охраны. В качестве рабочего перечня юридически-значимых элементов игры с пояснениями можно предложить следующий:

1) *игровой процесс, игровая механика* — в целом с юридической точки зрения элементы, подпадающие под определение «правил игры» и не охраняемые во многих юрисдикциях по общему правилу. Однако если в одних юрисдикциях (Россия, многие страны ЕС) невозможно защитить эти объекты в принципе, то в других, при ряде особых условий, все же можно (США);

2) *пользовательский интерфейс, его структура* — в целом общая концепция редко является охраняемой (по аналогии с игровым процессом), но буквальное воспроизведение программных или графических элементов уже может служить основанием для признания нарушения интеллектуальных прав во многих случаях;

3) *сам программный код, а также изображения и прочие ресурсы классической правовой природы (звуковой ряд, текст)* — по общему правилу, такие объекты как раз наоборот подлежат правовой охране. Более того, перера-

¹ См.: URL: http://www.wipo.int/treaties/en/ShowResults.jsp?lang=en&treaty_id=15 (дата обращения: 14.01.2016).

ботанное, например, изображение будет рассматриваться как производное произведение. Но есть и непростые вопросы — например, пародирование.

В то же время важно понимать еще два принципиальных момента, но уже связанных с юрисдикцией. Во-первых, конкретные способы защиты своих авторских (и иных релевантных) прав могут различаться в деталях от юрисдикции к юрисдикции, а во-вторых, и это важно, иск к разработчикам, в зависимости от того, какая есть возможность, обусловленная фактами и применимыми процессуальными нормами, может быть предъявлен не только в «родной» юрисдикции, но и за рубежом. Более того, в ряде случаев факт цифровой дистрибуции может упрощать подачу иска в других юрисдикциях. Широкие основания для признания юрисдикции, при том главном условии, что деятельность через Интернет можно считать направленной на местный рынок, есть и в некоторых странах ЕС, например в ФРГ.

Таким образом, в одном из трех описанных случаев, в которых может оказаться разработчик, необходимо проводить «правовой аудит» трех перечисленных групп элементов игры, а также учитывать сложные вопросы юрисдикции. При первом приближении можно оценить вопросы и исходя из здравого смысла. Так, очевидно, что точное воспроизведение чужих спрайтов скорее всего окажется нарушением интеллектуальных прав соответствующего правообладателя. Но всегда есть нюансы — например, сейчас мы видим, что многие игры, которые условно относились к «*abandonware*», таковыми не являются — они вновь появляются в продаже, на этот раз в системах цифровой дистрибуции, а это косвенный, но сильный признак того, что у них есть правообладатель, он не «потерялся» в цепочке возможных банкротств и перераспределений лицензий.

При всем при этом необходимо помнить, что в таких случаях может применяться не только непосредственно законодательство о защите интеллектуальной собственности (и, конкретно, авторское право), но и нормы антимонопольного законодательства, запрещающие недобросовестную конкуренцию (например, ст. 14 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»). Так, например, п. 5 ч. 1 ст. 14 указанного Закона признает недобросовестной конкуренцией незаконное получение, использование, разглашение информации, составляющей коммерческую, служебную или иную охраняемую законом тайну. Это имеет прямое отношение к тем отношениям в рамках игровой индустрии, которые происходят на этапе до релиза и опосредуются разного рода соглашениями о конфиденциальности (*NDA — Non-Disclosure Agreement*). В примере с данной нормой видно совпадение логики, в том числе российского и американского законодательства — по сути, именно на этом основании правообладателям *Triple Town* удалось отстоять свой продукт в споре с авторами *Yeti Town* в деле *SPRYFOX, LLC v. LOLAPPS, Inc.* (2012).

Проблема клонирования игр по своей природе сходна с проблемой клонирования программного обеспечения, но содержит дополнительное измерение, связанное с игровым дизайном как таковым, и сама по себе служит одним из наглядных примеров проблем защиты интеллектуальных прав в цифровую эпоху.

6.5. Проблема виртуальной собственности

Понятие виртуальной собственности

Термин «виртуальная собственность» является условным и, по своему смыслу, не юридическим, а экономическим. Он не отражает правовой природы виртуальных объектов с точки зрения вещного права. При этом применение по аналогии норм вещного права теоретически допустимо и является одним из способов разрешения данной системной проблемы, хотя и может вызывать серьезные сомнения с гражданско-правовой точки зрения.

Проблематика виртуальной собственности первоначально актуализировалась применительно к многопользовательским компьютерным играм и виртуальным мирам, хотя она отражает гораздо более широкую предметную область, связанную с *самостоятельной ценностью отдельных информационных объектов, их фактической и юридической оборотоспособностью*. Значительный сегмент «рынка виртуальной собственности» представлен оборотом, подчас находящимся в «серой зоне» в силу запретов пользовательских соглашений (т.е. на уровне саморегулирования), виртуальных предметов в играх. Предметом сделок между игроками становится виртуальное оружие, ездовые животные, дома и т.п. Но в более широком смысле слова, в рамках различных виртуальных сред активно включаются в оборот и иные информационные объекты — например, аккаунты в социальных сетях.

Исторически первым виртуальным миром, в котором была актуализирована проблема виртуальной собственности, и который нашел отражение в первых публикациях по данной системной проблеме, можно считать первую действительно масштабную графическую массовую многопользовательскую ролевою онлайн-игру *Ultima Online*.

Это интересно

Можно сказать, что «пожалуй, самая яркая особенность игры проявилась именно в разрезе виртуальной собственности — тех объектов, которыми игроки посредством своих персонажей могут “владеть” в виртуальном пространстве. Этому в немалой степени способствовали архитектурные особенности игры, наиболее важной из которых являлось (для всех серверов игры в целом) и является (для оставшихся серверов со старыми, более строгими правилами) отсутствие каких-либо “гарантий” для игроков в части обеспечения неприкосновенности их виртуальной собственности. На сегодняшний день многие многопользовательские онлайн-игры включают своего рода “техническую неприкосновенность” виртуальной собственности, запрещая игрокам на уровне кода произвольные действия с собственностью других игроков. В формате классических правил *Ultima Online* это не так. Объекты существуют не только в инвентаре игроков, при выбытии из которого они уничтожаются, а как бы объективно, в виртуальном мире¹. Остроту ситуации придают многоаспектные направления развития персонажа. Так, среди навыков, мастерство в которых растет по мере практики, есть и навык “воровства” (дополняют который возможность прятаться,

¹ В большинстве современных многопользовательских ролевых онлайн-игр (*World of Warcraft, The Secret World, Аллоды Онлайн* и др.) большинство наиболее ценных виртуальных предметов редко может выступать предметом прямого виртуального оборота и «привязано» к игрокам, совершившим какие-либо значимые в игре «подвиги» — победу над сильным противником и т.п.

красться и заглядывать в чужие карманы). Опытный вор, играющий на сервере с классическими правилами, может легко «обчистить карманы» того игрока, который его не заметил, похитив ценные предметы. И вот здесь начинается самое интересное: очень многие действительно ценные предметы с начала существования *Ultima Online* и по сегодняшний день выступают в качестве... предмета сделок за реальные деньги. В самом факте оборота виртуальных товаров за реальные деньги уже нет ничего удивительного, вероятно, и для читателя, не изучавшего предмет специально, но настолько яркого примера как в *Ultima Online* ... еще не встречалось. Суть его заключается в том, что *правилами игры* легитимировано потенциальное воровство предметов, которые имеют реальное денежное выражение. В то же время когда вор в данном виртуальном мире совершает хищение ценного виртуального предмета, он, таким образом, причиняет имущественный ущерб другому игроку, имеющему реальное выражение и, в определенном смысле, посягает уже на реальные, а не виртуальные отношения собственности. Конфликт между правилами игры и реальным правом здесь налицо (должен ли игрок нести ответственность в соответствии с реальным правом в отношении действий, допускаемых правилами игры в игровом пространстве), и он подчеркивает актуальность разграничения «игровых» и «неигровых» отношений — ключевую проблему виртуального права, формирующую контекст правовых проблем и виртуальной собственности как таковой. Современные модели монетизации в компьютерных играх и неигровых виртуальных мирах как бы сталкивают между собой ранее разделенные пространства игры и «серьезных отношений»¹.

Тем не менее оборот виртуальных предметов между игроками до сих пор остается наименее разработанным теоретически и на практике аспектом виртуальной собственности. Однако есть и другая форма отношений — **предоставление игрокам виртуальной собственности от разработчика** (как предметов, так и различных бонусов — чаще всего за реальные деньги в «игровых магазинах» или в рамках специальных акций). Данная практика составляет экономическую основу большинства игр, монетизация которых основана на «условно-бесплатной» модели («*free-to-play*»), которая согласно данным различных экономических исследований в значительной части случаев оказывается более выгодной, чем предоставление доступа к игре по подписке. Данная практика, связанная с оборотом виртуальной собственности, отличается от торговли между игроками тем, что на одной стороне выступает «владелец» виртуального мира, который вправе в некоторых пределах самостоятельно определять юридическую форму таких отношений. Далее речь пойдет преимущественно именно о такой форме отношений в области виртуальной собственности.

«Подводные камни» виртуальной собственности

Проблема виртуальной собственности рассматривается и в самой игровой индустрии. Основное направление правовой практики, развиваемой игровыми компаниями, предполагает максимально возможное в соответствии с нор-

мами того или иного права рассмотрение виртуального мира как исключительного объекта прав (или, собственно, *объекта исключительных прав*) разработчика игры. В этом контексте с точки зрения индустрии проблема виртуальной собственности должна также рассматриваться с точки зрения

¹ *Архипов В. В.* Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр // Закон. 2014. № 9. С. 70–71.

возможности и целесообразности наделения игроков каким-либо объемом прав (в смысле «реального» права) в отношении виртуальных предметов.

Известный британский ученый и гейм-дизайнер профессор Р. Бартл, автор первого значимого многопользовательского мира «MUD1», взглянул на данную проблему глазами разработчика в статье «Подводные камни виртуальной собственности» («*Pitfalls of Virtual Property*»)¹, в которой своей основной задачей он поставил «описать различные “подводные камни”, связанные с “реальным” обладанием виртуальной собственностью с точки зрения разработчика виртуальных миров»². Р. Бартл при этом предполагал, что читатель уже и так может рассматривать данную концепцию как положительную или неизбежную, а потому сосредоточился в основном на критических комментариях и представил пять «подводных камней» виртуальной собственности.

1. *Может ли виртуальная собственность в принципе рассматриваться как осмысленная концепция сама по себе?* Это основная проблема, и ее ключевой аспект выражается в том, что игровая собственность, безусловно, представляет осмысленную концепцию внутри игры, но представляет ли она таковую вне ее — вопрос открытый. Р. Бартл поясняет это на примере «Монополии». Если один игрок заплатит другому реальные деньги за передачу игрового имущества («недвижимости» на «улице») внутри игры, то ситуация будет выглядеть следующим образом: вне игры совершаются определенные действия над игровым процессом действительно, за деньги, но внутри игры такая «собственность» передается *бесплатно*.

Есть ли принципиальная разница между тем фактом, что виртуальная собственность имеет смысл только в рамках определенного виртуального мира, тогда как реальная собственность, в действительности, имеет значение только в рамках определенной юрисдикции либо в рамках группы юрисдикций, разделяющих одни и те же базовые представления о собственности как таковой?

Однако игроки, как отмечает Р. Бартл, склонны исходить из того, что либо купля-продажа виртуальных предметов не отличается по своей экономической природе от купли-продажи реальных предметов, либо что оборот виртуальной собственности — это оборот своего рода «жетонов» (*tokens*), которые удостоверяют определенные внутриигровые права собственности (отметим, что с формально-правовой точки зрения такой «жетон» может быть также описан как «титул» или имущественное право в смысле данного подхода Р. Бартла). Соответственно, игроки стремятся обосновывать оборот виртуальной собственности с отсылкой к одному или нескольким из пяти возможных подходов.

Во-первых, наличие «прав собственности» у игрока может им выводиться из самого факта использования реальных денег для покупки и принципа, согласно которому добросовестный приобретатель не может быть произвольно

¹ *Bartle R. A. Pitfalls of Virtual Property. April 2004. URL: <http://www.themis-group.com/uploads/Pitfalls%20of%20Virtual%20Property.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).* Здесь и далее в отсутствие специальных указаний материал излагается по данной версии с комментариями автора статьи.

² *Ibid.*

лишен права собственности. Оценивая данный аргумент, Р. Бартл, безусловно, прав в том, что отсылка к добросовестности не сработает там, где пользовательские соглашения прямо запрещают такую интерпретацию. В то же время добавим, что в отсутствие прямого запрета на оборот виртуальных предметов за реальные деньги опровергнуть данный подход будет сложнее.

Во-вторых, игрок может полагать, что предмет принадлежит ему в силу аналога давности владения. Но здесь можно только согласиться с Р. Бартлом в том, что данная аналогия не применима к виртуальным мирам, поскольку как обладатель информации разработчик никогда особенно не переставал владеть своим виртуальным имуществом (если он только прямо об этом не заявил), и постоянно имеет фактически реализуемую возможность наблюдать за фактом «владения» соответствующим виртуальным предметом, осуществляемым игроком.

В-третьих, игроки могут исходить из «трудовой теории собственности», восходящей к трудам Дж. Локка, согласно которой в собственность определенного субъекта поступает то, что им создано посредством приложения личных усилий и временных затрат. Условно говоря, в игре мог отсутствовать определенный персонаж определенного уровня, но он оказывается создан в результате усилий какого-либо игрока. В качестве контраргумента к такому подходу Р. Бартл использует аналог «магического круга»: если что-либо используется для развлечения, то трудовая теория собственности к этому не применима. Однако его подход был сформулирован до этапа Web 2.0 и повсеместного распространения пользовательского контента, поэтому такая позиция также может оставаться дискуссионной.

В-четвертых, те игроки, которые зарабатывают на жизнь игрой в смысле добывания за реальные деньги виртуальной валюты и виртуальных предметов для других игроков, а также оказания услуг в виртуальном мире, могут утверждать, что основанием виртуальной собственности является то, что они продают свое время. Критика такого подхода Р. Бартлом звучит так: «Я не продаю поддельные деньги, я продаю время и усилия, затраченные на их приобретение» (что не спасет говорящего от уголовного наказания) и «Почему бы не мне не заплатить вам за сдачу водительского экзамена за меня вместо того, чтобы я ходил на все эти скучные занятия сам?»¹

В-пятых, игроки могут считать, что у них возникают отношения виртуальной собственности постольку, поскольку разработчики подталкивают игроков к обороту виртуальной собственности и как бы вынуждают ее покупать. В качестве возможного контраргумента Р. Бартл отмечает, что игрок все же редко может рассматриваться в качестве «несчастной жертвы обстоятельств», и что логика такого подхода схожа с логикой фразы «несправедливо, что люди, у которых много времени, могут получить степень MBA, тогда как люди, у которых много денег, не могут просто купить эту степень»².

¹ *Bartle R. A. Pitfalls of Virtual Property. April 2004. URL: <http://www.themis-group.com/uploads/Pitfalls%20of%20Virtual%20Property.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).* Здесь и далее в отсутствие специальных указаний материал излагается по данной версии с комментариями автора статьи.

² *Ibid.*

2. *Ответственность разработчика за виртуальный мир.* Разработчик виртуального мира несет ответственность за игровой баланс. Дополнение виртуального мира отношениями виртуальной собственности может в значительной степени усложнить поддержку виртуального мира. Например, в результате обновления предметы пользователей могут обесцениться, и тогда может возникнуть вопрос о возмещении ущерба. Кроме того, данный вопрос может также возникнуть и в случае закрытия виртуального мира, со всем имуществом, накопленным в нем игроками.

3. *Игровой статус отношений.* Данный аспект проблемы напрямую связан с системной проблемой игрового пространства. Ценность игр и их обособленность в системе практик, существующих в современном информационном обществе, обеспечивается именно их игровым характером. Внедрение в виртуальные миры отношений виртуальной собственности, регулируемых реальным правом, может нивелировать саму игровую ценность и стать основанием для утверждения о том, что виртуальный мир больше не является игрой в принципе.

4. *Недовольство игроков.* Данный аспект рассматривается Р. Бартлом в контексте проблемы игрового баланса. Игроки не всегда рассматривают виртуальную собственность как инвестицию или как способ восстановить отрыв от продолжающих играть игроков после того, как в игре сделан перерыв. В некоторых случаях предпосылки для отношений виртуальной собственности возникают в результате объективного недовольства игроков, которые уже не могут достигнуть высокого уровня в игре, поскольку эту возможность блокируют старые и опытные игроки.

5. *Интеллектуальная собственность.* Еще одна группа «подводных камней» виртуальной собственности, которая может проявляться по-разному в зависимости от обстоятельств. Связана она прежде всего с юридическими аспектами в контексте практики разработчиков рассматривать отношения с игроками в терминах права интеллектуальной собственности. Примеры, которые приводит Р. Бартл, могут быть увязаны с системной проблемой информационных посредников, поскольку разработчик виртуального мира выступает своего рода информационным посредником для авторского пользовательского контента, создаваемого игроками в определенном игровом мире, что порождает правовую неопределенность относительно объема прав игроков и разработчиков на такой контент.

В целом проблемы и подходы, выделенные Р. Бартлом, в полной мере актуальны и по сей день и могут составлять элементы юридической аргументации в «области полутени» рассматриваемой системной проблемы.

Подходы к правовой квалификации виртуальной собственности

и дополненные по результатам развивающейся судебной практики.

1. *«Status Quo».* Согласно данному подходу право не должно вмешиваться в игровые отношения, а суды должны сохранять нейтралитет по отношению к процессам, происходящим в игровых пространствах. Дан-

Рассмотрим более подробно подходы к правовой квалификации виртуальной собственности, теоретически допустимые с точки зрения российского законодательства, выделенные ранее А. И. Савельевым

ный подход в наибольшей степени связан с теми открытыми вопросами, которые были ранее выделены Р. Бартлом. Теоретически данный подход возможен на практике, однако развитие экономической значимости отношений, связанных с виртуальной собственностью, заставляет усомниться в том, что данный подход продолжит находить свое выражение в практике.

2. Аналогия вещного права. К отношениям в связи и по поводу виртуальной собственности можно применить гражданско-правовую аналогию и распространить на виртуальные объекты нормы о вещах и праве собственности. Данный подход, с одной стороны, находится в видимом противоречии с логикой действующего российского законодательства, в котором информация исключена из объектов гражданских прав, тогда как именно она лежит в основе правовой природы виртуальных объектов. С другой стороны, представляется, что значительная часть разд. II ГК РФ «Право собственности и другие вещные права» может быть применена и к случаям, если аналогия вещных прав будет распространена и на виртуальные объекты. Кроме того, гражданское право предполагает возможность распространения режима вещных прав и на сходные объекты, а именно безналичные деньги и бездокументарные ценные бумаги. Однако реализация данного подхода потребует существенного изменения практики деятельности игровых компаний, поскольку складывающаяся практика предполагает либо отношения в контексте права интеллектуальной собственности (с позиции игровых компаний), либо потребительские отношения, исчерпываемые услугами (с позиции судов).

3. Лицензионные отношения. Согласно данному подходу допустимо квалифицировать данные отношения с применением имеющихся лицензионных и иных пользовательских соглашений, из которых исходят компании-разработчики. Собственно, этот подход составляет значительную часть сложившейся *правовой* практики игровых компаний.

На первый взгляд, такой подход вполне адекватен, с учетом того, что многопользовательские игры и виртуальные миры, по общему правилу, представляют собой результаты интеллектуальной деятельности. Однако, что важно, не вся виртуальная собственность легко интерпретируется с точки зрения права интеллектуальной собственности.

В частности, в большей или меньшей степени как результат интеллектуальной деятельности могут быть рассмотрены отдельные объекты виртуальной собственности, имеющие явный творческий характер (например, уникально оформленное, с художественной точки зрения, обмундирование персонажа). Но здесь есть как минимум две пока еще не решенных проблемы: во-первых, крайне сложно прочертить грань между игрой в целом как результатом интеллектуальной деятельности и соответствующим правом игрока на ее использование (юридически сложно дробить права игрока на использование игры в целом и использование отдельных объектов в ней); во-вторых, не все объекты, имеющие ценность как виртуальная собственность, содержат творческий вклад (пример — виртуальная валюта, которая представляет собой не более чем значение соответствующей переменной, т.е. просто информацию).

С учетом указанных проблем в ближайшем будущем может наблюдаться переход от квалификации виртуальной собственности исключительно в рамках лицензионных отношений к тому или иному варианту смешанного подхода.

4. **Иное имущество.** Данный подход предлагает рассматривать виртуальную собственность как «иное имущество» в смысле ст. 128 ГК РФ, и применять к этим отношениям нормы о соответствующих видах договоров, деликтах и неосновательном обогащении.

В целом подход к виртуальной собственности как к «иному имуществу» принципиально по своей логике не отличается от подхода, предполагающего применение норм о вещных правах по аналогии с той лишь оговоркой, что в данном случае речь идет о несколько иной группе норм.

Как и подход, основанный на аналогии из вещного права, данный подход может впоследствии стать одной из составляющих смешанного подхода к природе виртуальной собственности.

5. Согласно пятому, смешанному подходу, с одной стороны, право не должно вмешиваться в игровые отношения, но с другой, отношения, связанные с виртуальной собственностью, игровыми и не являются — это **отношения профессиональной стороны с потребителем в виде оказания услуг по организации игрового процесса за деньги.** Именно последний, пятый подход пока получает закрепление в складывающейся судебной практике.

Судебная практика

Судебная практика, в которой поднимался вопрос о правовой квалификации виртуальной собственности, связана и с системной правовой проблемой игрового пространства, но при этом предполагает иной предмет рассмотрения при общем объекте — многопользовательских онлайн-играх и виртуальных мирах.

Так, в деле, первоначально слушавшемся в Басманном районном суде г. Москвы¹, истец обратился в суд с требованием о возмещении материального ущерба, взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами и компенсации морального вреда. Как следует из материалов дела, в период с 16.02.2009 по 23.02.2009 ответчиком была заблокирована учетная запись истца, как следствие, по его мнению, истцу был причинен материальный ущерб в связи с сокращением на три дня срока использования виртуального предмета, приобретенного 18.01.2009 сроком действия 28 суток, а также в связи с сокращением на семь дней срока использования платной подписки на игровой сервис, приобретенной 10.02.2009 сроком действия 30 суток. Судом первой инстанции в удовлетворении иска было отказано, при этом суд апелляционной инстанции в рассматриваемом определении пришел к выводу, что не имеется оснований для отмены обжалуемого решения, постановленного, по мнению суда, в соответствии с фактическими обстоятельствами дела и требованиями закона. Данное решение было поддержано и надзорной инстанцией в определении Московского городского суда от 06.10.2011 № 4г/1-8422.

Аргументация суда выразилась в применении к отношениям, возникающим из участия в многопользовательских онлайн ролевых играх, положений о проведении игр

¹ Ключевые решения отдельных инстанций: Определение Басманного районного суда города Москвы от 01.06.2011 по делу № 11-43/11 и делу № 11-115/09, Определение Московского городского суда от 10.03.2011 по делу № 4г/1-1668 и Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 684-О-О.

и пари, установленных гл. 58 ГК РФ: как указал суд, в соответствии с п. 1 ст. 1062 ГК РФ, требования граждан и юридических лиц, связанные с организацией игр и пари или с участием в них, не подлежат судебной защите, за исключением требований лиц, принявших участие в играх или пари под влиянием обмана, насилия, угрозы или злонамеренного соглашения их представителя с организатором игр или пари, а также требований, указанных в п. 5 ст. 1063 ГК РФ (выплата выигрыша победителю лотереи и пр. и (или) нарушение условий организатором игры). Учетная запись истца была заблокирована ответчиком в связи с нарушением истцом правил игры. Между тем, как указано судом, наличие либо отсутствие в действиях пользователя нарушений правил игры относится к организации игрового процесса, таким образом, по заключению, в частности, надзорной инстанции, мировой судья, рассматривавший дело в первой инстанции, пришел к обоснованному выводу о том, что требования истца связаны с участием в игре и в силу п. 1 ст. 1062 ГК РФ не подлежат судебной защите.

Любопытно, что истец по данному делу впоследствии обращался и в Конституционный Суд РФ. В своей жалобе заявитель оспаривал конституционность ст. 1062 и 1063 ГК РФ. По его мнению, указанные нормы нарушали его права, гарантированные ст. 2, 17 (ч. 1), 18, 19 (ч. 1), 44 (ч. 1), 46 (ч. 1), 47 (ч. 1) и 55 (ч. 2) Конституции РФ, поскольку содержат неясность в части определения понятия «игра» и допускают их произвольное истолкование судом. Конституционный Суд РФ в Определении от 26.05.2011 № 684-О-О, изучив представленные материалы, к сожалению, не нашел оснований для принятия жалобы к рассмотрению. Хотя Суд справедливо указал, что оспариваемые заявителем положения ст. 1063 ГК РФ не применялись в его деле, в отношении ст. 1062 ГК РФ Суд указал следующее: «Формально оспаривая конституционность статьи 1062 ГК РФ, положения которой не предполагают их произвольного применения, заявитель, по существу, подвергает сомнению правомерность применения оспариваемой нормы судами общей юрисдикции». Суд определил отказать в принятии к рассмотрению жалобы заявителя, поскольку она не отвечает требованиям допустимости. Иными словами, Конституционный Суд РФ косвенно выразил позицию, согласно которой ст. 1062 ГК РФ не лишена формальной определенности, тем самым фактически заявив о том, что для права нет разницы между азартными и неазартными играми, а равно другими сущностно-отличными видами игр. С этой позицией согласиться сложно.

В рамках данного подхода, по сути дела, Суд использовал концепцию «*Status Quo*» — он не считал возможным рассматривать проблематику виртуальной собственности в принципе, сославшись на то, что требования из организации игр и участия в них не подлежат судебной защите.

Иная концепция была принята судами в рамках последующей судебной практики, которая на данный момент закрепила в имеющем исключительную значимость для системной проблемы виртуальной собственности решении Арбитражного суда г. Москвы от 24.11.2014 по делу № А40-91072/14-0-176, вынесенному в рамках юридического спора между ФНС России и ООО «Мэйл.Ру Геймз». Поводом к данному спору послужил конфликт между подходами сторон к правовой оценке виртуальной собственности в контексте требований налогового законодательства. ООО «Мэйл.Ру Геймз» исходило из того, что любые предметы виртуальной собственности («дополнительный игровой функционал») должны рассматриваться как результаты интеллектуальной деятельности, а их реализация игрокам — как реализация программного обеспечения на основании лицензионного договора, что влечет за собой освобождение от НДС. ФНС России, напротив, исходила из того, что игровую компанию и пользователей связывают гражданско-правовые отношения оказания услуг потребителям профессиональной стороной, при том что данные услуги заключаются в «организации игрового процесса».

Суд, в частности, указал, что: «В свою очередь налоговый орган в ходе проведения камеральной налоговой проверки установил, что в составе декларации по НДС

за второй квартал 2013 г. (по коду операции — 1010256) денежные средства в части выручки от реализации прав физическим лицам на использование дополнительного функционала онлайн-игр неправомерно отражены в составе необлагаемых операций, ссылаясь на то, что действительная воля сторон лицензионных договоров при их заключении была направлена на оказание ООО «Мэйл.Ру Геймз» клиентам услуг по организации игрового процесса посредством деятельности по доведению до всеобщего сведения, распространению, оперированию, обслуживанию, администрированию, управлению компьютерными онлайн-играми, обеспечивающих возможность играть в игру в режиме онлайн, осуществлять обмен информацией с другими пользователями (форум, СМС-сообщения) через всемирную сеть Интернет на Игровом ресурсе общества. По мнению ответчика, услуги по организации игрового процесса путем предоставления возможности использования дополнительного функционала игры за дополнительную плату не подлежат освобождению от налогообложения НДС, и их реализация облагается НДС по ставке 18% в общеустановленном порядке».

В данном случае, по сути, судом был использован смешанный подход, согласно которому, с одной стороны, право не должно вмешиваться в игровые отношения, но с другой стороны, отношения, связанные с виртуальной собственностью, игровыми и не являются — это *отношения профессиональной стороны с потребителем в виде оказания услуг по организации игрового процесса за деньги*.

Данный подход суда отражает складывающуюся в Российской Федерации судебную практику, хотя его нельзя назвать окончательным. В частности, представляется, что различные виды виртуальной собственности (или «дополнительного игрового функционала») должны рассматриваться дифференцированно: если в случае с виртуальной валютой и иными, не имеющими явно творческого вклада и значения, объектами этот подход может быть оправдан, есть сомнения в том, что он может быть применим к тем объектам, которые имеют явно выраженную системную функциональную направленность, обусловленную творчески разработанным программным кодом (в том числе, например, спутники или питомцы игрового персонажа, если для них созданы уникальные алгоритмы поведения) или, например, художественную или эстетическую ценность (как, например, в случае с различной нефункциональной атрибутикой — одеждой персонажа, украшениями и т.п.) для игрока как таковую.

В целом же можно заключить, что системная правовая проблема виртуальной собственности уже получает определенное развитие на практике в рамках интересных и значимых дел.

Тесты

1. «Позитивный» аспект проблемы идентификации пользователей согласно представленному подходу подразумевает:

- а) необходимость определить пользователя как субъекта правоотношений;
- б) необходимость защиты персональных данных пользователей;
- в) необходимость оценки рисков, связанных с разглашением персональных данных пользователей;
- г) отсутствие необходимости идентифицировать пользователей в правоотношениях.

2. Проблема идентификации пользователей в гражданском и уголовном праве проявляется:

- а) по-разному: в гражданском праве пользователь законопослушен, в уголовном праве всегда нарушает закон;

б) по-разному: в гражданском праве это вопрос права, а в уголовном — вопрос факта;

в) одинаково: и в гражданском, и в уголовном праве определение пользователя — это вопрос факта;

г) одинаково: и в том и в другом случае пользователи никогда не могут быть достоверно установлены.

3. Достаточным условием признания простой электронной подписи равнозначной собственноручной на бумажном носителе является:

а) заключение определенного соглашения между участниками электронного взаимодействия;

б) сам факт использования простой электронной подписи при отсутствии возражений сторон;

в) последующее одобрение удостоверяющего центра электронных подписей;

г) последующее одобрение органов, уполномоченных осуществлять контроль и надзор за удостоверяющими центрами.

4. Согласно приведенной в главе судебной практике данные будут персональными, если они:

а) позволяют идентифицировать юридическое лицо;

б) позволяют идентифицировать устройство пользователя;

в) позволяют идентифицировать физическое лицо;

г) позволяют определить местонахождение пользователя.

5. Термин «юрисдикция», используемый в описании рассматриваемой системной проблемы, подразумевает:

а) подсудность;

б) действие закона в пространстве и по кругу лиц;

в) применимое право;

г) все вышеперечисленное.

6. «Тест минимума контактов», как он известен сейчас в России, получил первоначальное нормативное закрепление применительно к правовым отношениям с участием:

а) государственных органов;

б) авиакомпаний;

в) потребителей;

г) интернет-провайдеров.

7. Какое отношение ФАС России имеет к разрешению вопросов юрисдикции в сети Интернет?

а) ФАС России сталкивается с необходимостью разрешать данную проблему для применения законодательства о рекламе;

б) является уполномоченным органом по разрешению спорных вопросов юрисдикции в Интернете;

в) является уполномоченным органом по официальному толкованию гражданского законодательства;

г) не имеет никакого отношения к разрешению проблемы определения юрисдикции в сети Интернет.

8. Почему для ч. 5 ст. 18 Закона о персональных данных актуальна проблема определения юрисдикции в сети Интернет?

а) на это имеется прямое указание в данной статье;

- б) на это имеется прямое указание в Законе о персональных данных;
- в) Закон о персональных данных имеет четкие критерии разрешения данной проблемы;
- г) иностранные компании обрабатывают персональные данные российских граждан, но при этом не всегда представлены в России, кроме как посредством Интернета.

9. Блокировка интернет-сайта по причине размещения на нем противоправной информации, по общему правилу, рассматривается как:

- а) мера ответственности;
- б) мера принуждения;
- в) реализация права владельца сайта;
- г) мера пресечения.

10. Блокировка интернет-сайта в Российской Федерации возможна в следующем порядке:

- а) только в судебном порядке;
- б) только в административном порядке;
- в) только в порядке саморегулирования;
- г) в судебном или административном порядке либо в порядке саморегулирования.

11. За нарушение интеллектуальных прав пользователями сети Интернет информационные посредники:

- а) несут ответственность в случае, если правообладатель подаст иск против информационного посредника;
- б) несут ответственность в любом случае;
- в) не несут ответственности ни при каких условиях;
- г) могут нести ответственность при определенных обстоятельствах.

12. Размещение конфиденциальной информации в общедоступных сервисах третьих лиц в свете актуальной судебной практики может рассматриваться как:

- а) неправомерное разглашение конфиденциальной информации;
- б) правомерная деятельность;
- в) действия в чужом интересе без поручительства;
- г) деятельность, не подлежащая правовому регулированию.

13. Юридическое значение того факта, что компьютерные игры ориентированы не только на детей, но и на взрослых, на сегодняшний день выражается в следующем:

- а) следует использовать механизмы, установленные законодательством о возрастных рейтингах;
- б) доступ несовершеннолетних к компьютерным играм должен быть полностью ограничен;
- в) компьютерные игры могут рассматриваться как результат интеллектуальной деятельности;
- г) правовая квалификация игрового пространства имеет дискуссионный характер.

14. Ключевой признак многопользовательских компьютерных игр для юриспруденции в рамках представленного подхода заключается в следующем:

- а) возможность развивать характеристики своего персонажа;
- б) потенциальное наличие контента, охраняемого патентным правом;
- в) наличие значительного числа пользователей в одном коммуникативном пространстве;
- г) наличие совершеннолетних и несовершеннолетних пользователей в одном коммуникативном пространстве.

15. В рамках представленного подхода одним из возможных критериев разрешения проблемы «магического круга» может быть учет следующего аспекта виртуальных миров:

- а) наличие значительного числа пользователей в одном коммуникативном пространстве;
- б) обязательность «отыгрыша роли» при взаимодействии в виртуальном мире;
- в) возможность приобретать ценное виртуальное имущество за реальные деньги;
- г) отсутствие возможности совершить уголовно-наказуемые деяния, связанные с причинением вреда здоровью.

16. Какие элементы компьютерной игры, конституирующие игровое пространство, легче всего будет защитить разработчику, основываясь на положениях права интеллектуальной собственности?

- а) интерфейс;
- б) правила игры;
- в) принципы организации игрового пространства;
- г) программный код и различные игровые ресурсы (изображения, звуковой ряд и пр.).

17. Наиболее актуальный проблемный правовой аспект механики *Ultima Online* в контексте проблемы виртуальной собственности заключается:

- а) в возможности хищения посредством внутриигровых навыков персонажа предмета, ранее приобретенного за реальные деньги;
- б) в том факте, что в данном виртуальном мире может взаимодействовать потенциально неограниченное количество игроков;
- в) в уникальном художественном оформлении игры, которое не имеет определенной правовой природы с точки зрения права интеллектуальной собственности;
- г) в системной архитектуре взаимодействия сервера и клиентов игры, которая может быть зарегистрирована как изобретение.

18. В контексте подхода, предложенного Р. Бартлом, «трудовая теория собственности» имеет значение, поскольку:

- а) она может объяснять происхождение прав разработчика на виртуальный мир;
- б) она может служить обоснованием прав игроков на виртуальную собственность;
- в) она используется большинством разработчиков как основной элемент сюжетной составляющей игрового мира;
- г) автор данной теории сам применял ее непосредственно к виртуальной собственности.

19. Условным аналогом виртуальной собственности в контексте проблем применения вещного права по аналогии могут выступать:

- а) доли в обществе с ограниченной ответственностью;
- б) права на недвижимое имущество;
- в) безналичные деньги и бездокументарные ценные бумаги;
- г) нематериальные блага.

20. Из применения смешанного подхода к правовой оценке виртуальной собственности, предполагающего рассматривать данные отношения как услугу по организации игрового процесса, вытекает:

- а) невозможность рассматривать виртуальную собственность как иное имущество;
- б) невозможность рассматривать виртуальную собственность как результат интеллектуальной деятельности;
- в) невозможность защиты прав игроков, вытекающих из участия в игре;
- г) потенциальная возможность применения иных правовых конструкций к содержанию при сохранении позиции относительно договора оказания услуг.

Рекомендуемая литература

Архипов, В. В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр / В. В. Архипов // Закон. — 2014. — № 9.

Демьянец, М. В. Предпринимательская деятельность в сети Интернет : монография / М. В. Демьянец, В. М. Елин, А. К. Жарова. — М. : Юркомпания, 2014 (гл. 4).

Савельев, А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 33 М. : Статут, 2014 (гл. 3, 6, 8, 9).

Семенюта, Б. Онлайн-игры: правовая природа отношений / Б. Семенюта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2014. — № 8.

Bartle, R. A. Pitfalls of Virtual Property. April 2004 / R. A. Bartle. URL: <http://www.themis-group.com/uploads/Pitfalls%20of%20Virtual%20Property.pdf> (дата обращения: 14.01.2016).

Дополнительная литература¹

Судебная практика

Определение КС РФ от 26.05.2011 № 684-О-О (формальная определенность термина «игра» в ст. 1062 ГК РФ).

Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2008 № 10962/08 (Мастерхост) (пределы ответственности хостинг-провайдера за неправомерно распространяемый контент).

Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 13.05.2008 № КГ-А40/3799-08 (Мастерхост) (пределы ответственности хостинг-провайдера за неправомерно распространяемый контент).

Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.03.2015 по делу № А40-118714/2013 (www.tracksflow.com) (пределы ответственности поисковой системы за неправомерно распространяемый контент).

Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 29.10.2012 по делу № А40-129682/11-51-1169 (Яндекс) (правомерное цитирование литературного произведения поисковой системой).

Определение Московского городского суда от 10.03.2011 по делу № 4г/1-1668 (Иннова Системс) (права пользователя *free-to-play* игры на возмещение ущерба в случае нарушения правил игры).

Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24.11.2014 по делу № А40-91072/14-0-176 (Мэйл.Ру Геймз) (предоставление дополнительного игрового функционала как услуга).

Документы Роскомнадзора

Разъяснения Роскомнадзора от 02.09.2013 «О вопросах отнесения фото- и видеоизображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки».

Разъяснение Роскомнадзора от 30.11.2012 «По вопросу о включении в реестр запрещенной информации ссылок на результаты поисковых запросов в поисковых системах».

Информация Роскомнадзора от 28.09.2015 «Ответы на вопросы в сфере соблюдения законодательства об информационных технологиях».

Монографии и учебники

Акопов, Г. Л. (Григорий Леонидович). Политика и Интернет : монография / Г. Л. Акопов. — М. : ИНФРА-М, 2014.

¹ Список дополнительной литературы подготовлен при участии отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета им. М. Горького по направлению «Юриспруденция». В список вошли издания по проблематике интернет-права и смежной проблематике, изданные в 2013–2015 гг.

Бачило, И. Л. Информационное право : учебник для магистров / И. Л. Бачило. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2013.

Будник, Р. А. Основы инклюзивной модели авторского права : монография / Р. А. Будник. — М. : Юрлитинформ, 2014.

Будник, Р. А. Эволюция системы авторских и смежных прав в информационном обществе: от исключительного к инклюзивному праву автора / Р. А. Будник. — М. : Юрлитинформ, 2013.

Войниканис, Е. А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости / Е. А. Войниканис. — М. : Юриспруденция, 2013.

Герцева, Е. Н. Доменные споры : судебная практика в России / Е. Н. Герцева, А. П. Гринкевич. — М. : Эксмо, 2014.

Гринь, Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт : монография / Е. С. Гринь. — М. : Проспект, 2015.

Гузеева, О. С. Преступления, совершаемые в российском сегменте сети Интернет : монография / О. С. Гузеева ; Академия Генеральной прокуратуры РФ. — М., 2015.

Даниленков, А. В. Интернет-право / А. В. Даниленков. — М. : Юстицинформ, 2014.

Демьянец, М. В. Предпринимательская деятельность в сети Интернет : монография / М. В. Демьянец, В. М. Елин, А. К. Жарова. — М. : Юркомпания, 2014.

Ефанова, Н. Н. Поиск правовой информации: стратегия и тактика / Н. Н. Ефанова. — М. : Юрайт, 2013.

Иванов, В. В. Государственное и муниципальное управление с использованием информационных технологий / В. В. Иванов, А. Н. Коробова. — М. : ИНФРА-М, 2014.

Информационные технологии в юридической деятельности : учебник для бакалавров / Т. М. Беляева, А. Т. Кудинов, Н. В. Пальянова [и др.]. ; под ред. В. Д. Элькина ; Министерство образования и науки РФ. Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина. — М. : Проспект, 2015.

Информационные технологии в юридической деятельности : учеб. пособие / О. Э. Згадзай, С. Я. Казанцев, Н. М. Дубинина [и др.]. — М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2014.

Ищенко, Е. П. Виртуальный криминал / Е. П. Ищенко. — М. : Проспект, 2015.

Комаров, А. А. Интернет-мошенничество: проблемы детерминации и предупреждения : монография / А. А. Комаров. — М. : Юрлитинформ, 2013.

Коршунова, О. Н. Особенности прокурорского надзора за законностью выявления и расследования преступлений, связанных с размещением экстремистских материалов в сети Интернет : учебное пособие / О. Н. Коршунова, Е. Л. Никитин, Е. Б. Серова ; под общ. ред. О. Н. Коршуновой ; Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб., 2013.

Направления развития цифрового библиотечного, музейного и архивного контента в современной информационной среде : сборник научных трудов / Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина ; науч. ред. Е. Д. Жабко ; ред. К. Н. Княгинин [и др.]. — СПб. : Президентская библиотека, 2014.

Наумов, В. Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики. — М. : Книжный дом «Университет», 2002.

Научные и организационно-технологические основы интеграции цифровых информационных ресурсов : сборник научных трудов / Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина ; науч. ред. Е. Д. Жабко ; ред. К. Н. Княгинин [и др.]. — СПб. : Президентская библиотека, 2013.

Понятийный аппарат информационного права : сборник научных работ / отв. ред. И. Л. Бачило, Э. В. Талапина. — М. : ИГП РАН ; Издательство «Канон+» ; РООИ «Реабилитация», 2015.

Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. Направления развития цифрового библиотечного, музейного и архивного контента в современной информационной среде : сборник научных трудов / науч. ред. Е. Д. Жабко. — СПб. : Президентская библиотека, 2014.

Рассолов, И. М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. — 2-е изд., доп. — М. : Норма, 2009.

Рассолов, И. М. Информационное право : учебник для магистров / И. М. Рассолов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Юрайт, 2013.

Рассолов, И. М. Информационное право : учебник для бакалавров / И. М. Рассолов, С. Г. Чубукова, А. А. Суворов ; отв. ред. И. М. Рассолов ; Министерство образования и науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина. — М. : Проспект, 2013.

Савельев, А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М. : Статут, 2014.

Солдаткина, О. Л. Информационные ресурсы российской правовой политики : монография / О. Л. Солдаткина ; под ред. А. В. Малько. — М. : Юрлитинформ, 2013.

Тодд, Д. Цифровое пиратство. Как пиратство меняет бизнес, общество и культуру / Д. Тодд ; пер. с англ. Л. Плостак, У. Сапциной. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2013.

Авторефераты диссертаций

Дейнеко, А. Г. Гражданско-правовое регулирование доведения произведений до всеобщего сведения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Дейнеко. — М., 2013.

Илларионов, В. С. Авторские права на музыкальные произведения, распространенные в сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. С. Илларионов. — М., 2013.

Ковалева, Н. Н. Административно-правовое регулирование использования информационных технологий в государственном управлении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Н. Ковалева. — Саратов, 2014.

Радайкин, М. Ф. Правовые механизмы обеспечения баланса интересов субъектов авторского права в интернет-среде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Ф. Радайкин. — М., 2013.

Сухотин, С. О. Организационно-правовые основы использования информационных технологий в образовательной сфере : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. О. Сухотин. — М., 2014.

Талимончик, В. П. Международно-правовое регулирование отношений в сфере информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. П. Талимончик. — СПб., 2013.

Чижов, М. В. Применение информационных и коммуникационных технологий в судебной деятельности в условиях формирования информационного общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Чижов. — М., 2013.

Щербович, А. А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Щербович. — М., 2013.

Научные статьи

Абдулгамидова, Д. А. Информационная безопасность в условиях современных развивающихся технологий / Д. А. Абдулгамидова, А. Б. Алиева // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 7.

Акимов, И. Правовая защита права использования аккаунтов в социальных сетях в сети Интернет и права на их использование / И. Акимов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2015. — № 4.

Антонова, А. В. К вопросу о понятии права на «доведение произведения до всеобщего сведения» / А. В. Антонова // Юрист. — 2014. — № 18.

Архипов, В. В. «Реальное» право в «виртуальном» пространстве / В. В. Архипов // Санкт-Петербургский Университет. — 2015. — № 6.

Архипов, В. В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр / В. В. Архипов // Закон. — 2014. — № 9.

Ахмадуллина, А. Ф. Особенности межотраслевого правового режима инсайдерской информации / А. Ф. Ахмадуллина // Информационное право. — 2015. — № 3.

Батура, О. Первый спор о торговле услугами: США против Мексики: меры, касающиеся телекоммуникационных услуг / О. Батура // Международное правосудие. — 2014. — № 3.

Бегичев, А. В. Вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации, а также авторских и иных прав в сети Интернет / А. В. Бегичев // Нотариальный вестник. — 2013. — № 6.

Бекмансуров, А. О. Защита авторских прав в сети Интернет / А. О. Бекмансуров // Право интеллектуальной собственности. — 2014. — № 4.

Близнякова, Н. В. Правовая защита инновационных интернет-сервисов как объектов интеллектуальной собственности / Н. В. Близнякова // Право и экономика. Документы. Комментарии. Практика. — 2013. — № 8.

Боташева, Л. Э. Правовые особенности защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет / Л. Э. Боташева, Л. А. Попова // «Черные дыры» в Российском законодательстве. — 2014. — № 4.

Брумштейн, Ю. Геоинформационные системы: анализ объектов и технологий / Ю. Брумштейн // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2013. — № 10.

Быстров, А. К. Тенденции в области правового регулирования интернет-сайта / А. К. Быстров // Современное право. — 2014. — № 4.

Васичкин, К. А. Ответственность за нарушение интеллектуальных прав в сети Интернет / К. А. Васичкин // Законодательство и экономика. — 2013. — № 9.

Васичкин, К. А. Регулирование деятельности информационных посредников в целях охраны интеллектуальных прав в сети Интернет по законодательству России, США и ЕС / К. А. Васичкин // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 6.

Векслер, В. А. Информация и право / В. А. Векслер, Л. Б. Рейдель // Правовая политика и правовая жизнь. — 2011. — № 3.

Велихова, Е. Я. Правовое регулирование межоператорских отношений в сфере телекоммуникаций в Российской Федерации: опыт и тенденции развития / Е. Я. Велихова // Предпринимательское право. — 2013. — № 1.

Вильховченко, В. Способы борьбы с нарушениями авторских прав в сети Интернет в России и за рубежом / В. Вильховченко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2014. — № 6.

Волков, В. Антипиратский закон: первые итоги и поправки / В. Волков // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2014. — № 8.

Галахова, А. Е. Способы защиты и охраны объектов авторского права, размещенных в инфосфере сети Интернет / А. Е. Галахова // Юридический мир. — 2013. — № 10.

Галушкин, А. А. К вопросу о перспективах правового регулирования деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет / А. А. Галушкин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2014. — № 4.

Галушкин, А. А. К вопросу о создании и развитии российского сегмента глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет: практика и проблематика / А. А. Галушкин // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 2.

Галушкин, А. А. Развитие информационных технологий и информационные угрозы / А. А. Галушкин // Современное право. — 2015. — № 4.

Гладкая, Е. Россия и UDRP: возможно? / Е. Гладкая // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2014. — № 5.

Гладкая, Е. Россия и UDRP: возможно? / Е. Гладкая // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2014. — № 6.

Гольяпина, И. Ю. О недопустимости злоупотребления свободой массовой информации / И. Ю. Гольяпина // Право и государство. — 2014. — № 10.

Гурко, А. Расширенное коллективное управление авторскими и смежными правами в сети Интернет: вымысел или реальность? / А. Гурко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2014. — № 10.

Давидюк, Е. П. Интернет как источник информации для маркетинговых исследований / Е. П. Давидюк, Е. С. Кутузова // Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы»: сборник научных трудов. № 4. — СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2013.

Дадян, П. Открытая лицензия на смену «аренды битов» / П. Дадян // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2015. — № 1.

Даниленков, А. Авторские сборы и Интернет — правовое положение личности / А. А. Даниленков // Хозяйство и право. — 2015. — № 7.

Даниленков, А. Доменные имена и объекты гражданского права / А. Даниленков // Хозяйство и право. — 2013. — № 12.

Данилина, Е. А. Охрана секретов производства и ноу-хау при продвижении на рынок программ для ЭВМ / Е. А. Данилина, А. Н. Попов // Патенты и лицензии. — 2014. — № 7.

Еременко, В. И. Совершенствование законодательства в сфере защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях // Законодательство и экономика. — 2015. — № 8.

Ефимова, А. Е. Судебная защита интеллектуальных прав в сети Интернет / А. Е. Ефимова // Правовая защита интеллектуальной собственности. — М.: РГ-Пресс, 2015.

Захаров, А. Л. Цифровое неравенство в России / А. Л. Захаров, О. Е. Суркова // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 6.

Зенин, И. А. О концепции глобальной лицензии как инструменте управления правами на объекты интеллектуальной собственности в цифровой среде / И. А. Зенин // Право интеллектуальной собственности. — 2015. — № 3.

Иванюченко, О. В. Компьютерная программа (Украина) и программа для ЭВМ (РФ) как объект авторского права / О. В. Иванюченко // Право интеллектуальной собственности. — 2013. — № 6.

Иголина, Н. А. Использование современных технологий в деятельности органов прокуратуры по обеспечению законности правовых актов / Н. А. Иголина, М. М. Какителашвили // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2015. — № 4.

Ионова, Т. А. Проблемы правового регулирования размещения рекламы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет / Т. А. Ионова // Вестник Московского университета МВД России. — 2013. — № 9.

Калятин, В. О. Подводные камни нового антипиратского закона / В. О. Калятин // Патенты и лицензии. — 2013. — № 10.

Капитонова, Е. А. Защита авторских прав на изображение, размещенное в сети Интернет / Е. А. Капитонова // Цивилист. — 2013. — № 4.

Капитонова, Е. А. Правовое регулирование интернет-контента: тенденции и перспективы / Е. А. Капитонова // Гражданин и право. — 2014. — № 6.

Капитонова, Е. Способы гражданско-правовой защиты авторских прав на изобретение, размещенное в сети Интернет / Е. Капитонова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2014. — № 1.

Кинякин, В. Н. Информационная модель и ее компоненты / В. Н. Кинякин, Н. В. Задохина // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 7.

Князева, В. А. Проблемы защиты нарушенных интеллектуальных прав авторов (правообладателей) на произведение в сети Интернет / В. А. Князева, А. А. Алексеев // Закон и право. — 2013. — № 12.

Козлова, Н. С. Инновации в работе отделения ПФР по Иркутской области на основе информационных технологий / Н. С. Козлова // Пенсия. — 2014. — № 5.

Козориз, Н. Л. Проблемы безопасности и доступа к мировым информационным ресурсам / Н. Л. Козориз // Аграрное и земельное право. — 2014. — № 9.

Кондратьева, Е. А. Интернет-сайт — «новый» объект авторских прав / Е. А. Кондратьева // Юрист. — 2014. — № 12.

Кондратьева, Е. Интеллектуальные права в Интернете: соотношение интересов правообладателей и общества / Е. Кондратьева // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2014. — № 2.

Кондрин, И. Быть или не быть «налогу на болванки» в ЕС? / И. Кондрин // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2014. — № 3, 4.

Кондюрина, Ю. Правовая природа института применения систем видеоконференц-связи / Ю. Кондюрина // Вестник арбитражной практики. — 2013. — № 5.

Кроливецкий, Э. Н. Формирование системы информационного обеспечения управления отраслевыми составляющими сферы услуг / Э. Н. Кроливецкий, Е. А. Аксютник // Журнал правовых и экономических исследований. — 2015. — № 3.

Кузнецова, А. М. Особенности регулирования теле-, радио- и интернет-трансляций спортивных мероприятий / А. М. Кузнецова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. — 2013. — № 3.

Кулезин, М. А. Виртуальная собственность в реальном мире: взрослые проблемы в игровых мирах / М. А. Кулезин, И. П. Антонов // Право и политика. — 2015. — № 6.

Куликовский, Д. А. Ограничение гражданско-правовой ответственности хостинг-провайдера за нарушения авторского и смежных прав в сети Интернет / Д. А. Куликовский // Бизнес в законе. — 2014. — № 6.

Лапина, М. А. Административно-правовое регулирование отношений в области оборота вредной информации, содержащейся в информационно-телекоммуникационных сетях / М. А. Лапина, Б. С. Николаенко // Юридический мир. — 2013. — № 3, 4.

Лебедь (Ефремова), В. В. Актуальные проблемы киберправа: обзор материалов Второй международной летней школы по киберправу / В. В. Лебедь

(Ефремова), Н. Н. Телешина // Право. — 2014. — № 2 / В. В. Лебедь // Авторское право современной Франции // Право и политика. — 2015. — № 1.

Лукьянчикова, Е. Правовое регулирование отношений, возникающих при нарушении интеллектуальных прав в сети Интернет / Е. Лукьянчикова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2013. — № 11.

Ляпидов, К. В. Анализ и предложения к действующему Федеральному закону № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-коммуникационных сетях» / К. В. Ляпидов // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 11.

Магдилов, М. М. Правовые аспекты развития информационного пространства региона / М. М. Магдилов, Л. В. Магдилова // Информационное право. — 2015. — № 3.

Макаров, Т. Г. Открытая лицензия на использование произведения науки, литературы или искусства // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2014. — № 9.

Маслакова, Е. А. К вопросу о международном сотрудничестве в сфере обеспечения информационной безопасности / Е. А. Маслакова, М. Г. Жилкин, В. В. Качалов // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 9.

Мешкова, К. М. Коллективное управление исключительными авторскими и смежными правами в сети Интернет в России и ЕС / К. М. Мешкова // Право интеллектуальной собственности. — 2013. — № 6.

Микитин, В. Совершенствование законодательства по урегулированию вопросов защиты имущественных прав авторов в сети Интернет / В. Микитин // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2013. — № 12.

Наметкин, Д. В. Правовые основы производства судебных экспертиз, выявления и доказывания преступлений, совершаемых в сфере игорного бизнеса с использованием компьютерной техники и Интернета / Д. В. Наметкин, С. А. Маринин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2013. — № 21.

Никифорова, Т. В. Опыт Европы, США и Индии в сфере государственной поддержки инноваций / Т. В. Никифорова, В. О. Калятин, В. Б. Наумов // Российский юридический журнал. — 2011. — № 1 (76).

Новацкий, С. Некоторые аспекты правового режима мультимедийных произведений / С. Наметкин // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2013. — № 11.

Нуруллаев, Р. Т. Обоснование необходимости регулирования авторских прав в Интернет / Р. Т. Нуруллаев // Труды института государства и права Российской академии наук. — 2013. — № 5.

Нуруллаев, Р. Т. Ограничение доступа к интернет-ресурсам как новый способ противодействия нарушениям авторских прав / Р. Т. Нуруллаев // Труды института государства и права Российской академии наук. — 2015. — № 2.

Овчинников, В. А. Правовые проблемы развития электронного голосования и электронной демократии в России / В. А. Овчинников, Я. В. Антонов // Российская юстиция. — 2015. — № 8. — С. 59–62.

Оплачко, В. Г. Мадридская система: новые онлайн-услуги и веб-сервисы / В. Г. Оплачко // Патенты и лицензии. — 2013. — № 3.

Оськина, О. Ререйтинг как новый инструмент создания произведения: защита прав автора при ререйтинге / О. Оськина // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2014. — № 10.

Павлова, Е. А. Новая статья 1253.1 ГК РФ / Е. А. Павлова // Патенты и лицензии. — 2013. — № 9.

Перезолова, А. Порталы как институт формирования политики открытого доступа / А. Перезолова // Государственная служба. — 2015. — № 4.

Першин, А. Н. Электронный документ и электронное сообщение: понятие и особенности поиска в электронной среде / А. Н. Першин // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2015. — № 3.

Пирожков, А. В. Применение судами Федерального закона от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» / А. В. Пирожков // Российское правосудие. — 2014. — № 6.

Пичугина, А. Социальные сети и публичные люди / А. Пичугина // Корпоративный юрист. — 2014. — № 8.

Полякова, Т. А. Развитие законодательства в области обеспечения информационной безопасности: тенденции и основные проблемы / Т. А. Полякова, Е. В. Акулова // Право. — 2015. — № 3.

Понкин, И. Особенности сети Интернет в свете выявления и доказывания нарушений авторского права / И. Понкин // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2015. — № 7.

Поправки в «антипиратский» закон позволят не блокировать весь сайт // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2013. — № 11.

Пуляева, Е. В. Проблемы использования дистанционных образовательных технологий и электронного обучения в образовательном процессе / Е. В. Пуляева // Законодательство и экономика. — 2015. — № 10.

Ракишев, К. Х. Объект и предмет преступного нарушения авторских и смежных прав в сети Интернет / К. Х. Ракишев // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 10.

Ракишев, К. Х. Субъект преступного нарушения авторских и смежных прав в сети Интернет по уголовному кодексу Республики Казахстан / К. Х. Ракишев // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 9.

Рустамбеков, И. Р. Об определении правового понятия сети Интернет / И. Р. Рустамбеков // Информационное право. — 2015. — № 3.

Рутенберг, Д. Телекоммуникации: от технологии к услугам / Д. Рутенберг // Конкуренция и право. — 2014. — № 6.

Савельев, А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх / А. И. Савельев // Вестник гражданского права. — 2014. — № 1. — С. 127–150.

Савина, В. С. Авторское право в информационном обществе / В. С. Савина // Ленинградский юридический журнал. — 2013. — № 2.

Савченко, Е. А. Реализация разрешительных процедур в сфере связи / Е. А. Савченко // Журнал российского права. — 2015. — № 6.

Сажнева, Л. П. Разработка и реализация стратегии долгосрочного развития информационных технологий / Л. П. Сажнева // Журнал правовых и экономических исследований. — 2015. — № 1.

Семедов, С. А. Цифровая дипломатия в эпоху глобализации / С. А. Семедов // Россия в современной международной системе координат. — М. : Проспект, 2014.

Семенюта, Б. Онлайн-игры: правовая природа отношений / Б. Семенюта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2014. — № 8.

Серго, А. «Единая политика разрешения доменных споров» в судебной практике высших судов / А. Серго // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2015. — № 4.

Серго, А. «Информационный посредник» в действующем законодательстве и судебной практике / А. Серго // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2015. — № 5.

Серго, А. Подходы к некоторым аспектам правового регулирования доменных имен в теории и судебной практике / А. Серго // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2014. — № 4.

Сизов, С. К. Французский закон о дополнительных мерах по охране прав интеллектуальной собственности в Интернете / С. К. Сизов // Право интеллектуальной собственности. — 2014. — № 6.

Скворцов, А. Кнопка Like в сети Интернет / А. Скворцов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2014. — № 8.

Скворцов, А. Поддельные аккаунты: erat, est, fuit? / А. Скворцов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2015. — № 2.

Соколовская, Е. Национальный и международный контроль на рынке телекома / Е. Соколовская // Конкуренция и право. — 2014. — № 6.

Степанян, А. Ж. Правовое регулирование телекоммуникаций в Европейском Союзе / А. Ж. Степанян // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. — 2013. — № 2.

Стрельников, В. В. «Антипиратский закон» против свободы Интернета: кто победит? / В. В. Стрельников // Гражданин и право. — 2014. — № 10.

Строганова, А. А. Особенности сделок M&A в телекоммуникационной отрасли / А. А. Строганова // Финансы. — 2014. — № 3.

Тарасов, М. Некоторые особенности способа заключения договора оказания услуг по использованию сайта и его сервисов в сети Интернет на примере социальных сетей / М. Тарасов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2014. — № 2.

Телешина, Н. Н. Понятие и сущность электронной демократии / Н. Н. Терешина // Право и государство. — 2013. — № 12.

Терентьева, Л. В. Авторское право Японии в цифровую эпоху / Л. В. Терентьева // Право и политика. — 2013. — № 5.

Терентьева, Л. Особенности охраны музыкальных произведений / Л. Терентьева // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2013. — № 11.

Терещенко, Л. К. Разрешения в телекоммуникационной сфере / Л. К. Терещенко // Право. — 2014. — № 4.

Цапенко, А. М. Электронные ресурсы и свободный доступ к информации / А. М. Цапенко // Патенты и лицензии. — 2013. — № 8.

Цапенко, Л. М. Интернет-сайт: возможна ли правовая охрана? / Л. М. Цапенко // Патенты и лицензии. — 2014. — № 1.

Царьков, А. Антипиратские законы — защита интеллектуальных прав / А. Царьков // Административное право. — 2015. — № 3.

Черкасов, К. В. Культура открытости власти как инструмент совершенствования государственного управления в современной России / К. В. Черкасов, Д. А. Захаревич // Правовая культура. — 2015. — № 3.

Шибяев, Д. В. Информационные технологии электронной демократии. Интернет-сервис «Российская общественная инициатива»: правовые и организационные аспекты / Д. В. Шибяев // Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы : материалы V Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения». — М., 2014.

Шинкарецкая, Г. Г. Враждебное воздействие на компьютерные системы государства и международное право / Г. Г. Шинкарецкая // Российский ежегодник международного права, 2013. — СПб. : СКФ «Россия-Нева», 2014.

Широков, Д. Правовые аспекты СМС-рассылок / Д. Широков // Конкуренция и право. — 2014. — № 6.

Шугуров, М. В. Право на информацию и право на интеллектуальную собственность в цифровую эпоху / М. В. Шугуров // Право интеллектуальной собственности. — 2013. — № 5.

Эннан, Р. Е. Особенности защиты авторских и смежных прав по законодательству Украины / Р. Е. Эннан // Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы : материалы V Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения». — М., 2014.

Эннан, Р. Е. Проблемы правового регулирования отношения в сети Интернет / Р. Е. Эннан // Правовая защита интеллектуальной собственности. — М. : РГ-Пресс, 2015.

Глоссарий¹

Аватар (в контексте компьютерных игр и Интернета) — виртуальная репрезентация пользователя в компьютерной игре (например, персонаж) и (или) коммуникационном интернет-сервисе (например, фотография учетной записи). Термин «аватар» заимствован из индуизма. Исходный смысл термина — бог, нисшедший в материальный мир.

Автоматизированные действия — действия, которые осуществляются в результате исполнения алгоритмов программного обеспечения без непосредственного участия человека.

Авторское право — институт гражданского права, регулирующий отношения, связанные с созданием и использованием произведений науки, литературы или искусства, либо объектов, рассматриваемых в качестве таковых на основании юридических презумпций или фикций.

Архитектура сети Интернет — концепция, определяющая модель, структуру, функции и взаимосвязь компонентов сети Интернет. В контексте предлагаемого подхода архитектура сети Интернет — аналог законов физики реального мира, устанавливающий границы правового регулирования. Отличие в том, что архитектура сети Интернет может быть изменена, и за счет этого она сама также может выступать в качестве объекта правового регулирования.

Вендинг — продажа товаров или оказание возмездных услуг через автоматы. Как правило, данный термин применяется не к программному обеспечению, а к аппаратно-программному комплексу (примеры — банкомат, автомат по приему платежей).

Верификация [пользователя] — процесс проверки соответствия заявленных личных данных пользователя его реальным (т.е. определяемым с учетом требований действующего применимого законодательства) признакам либо процесс установления личности пользователя.

Виртуальный мир — в узком и технологическом смысле, используемом в настоящем издании, имитируемая (симулируемая) компьютерными средствами среда взаимодействия пользователей, предусматривающая использование аватар и возможность взаимодействия между аватарами. Дополнительно может иметь признаки трехмерности, моделирования физики и (или) социальной системы с отдельными элементами последней. Термин

¹ Если иное не указано в определении и (или) соответствующей ссылке, определение терминов в глоссарии приводится в соответствии с тем специальным значением, в котором термин использован в настоящем учебнике в рамках предлагаемого методологического подхода. По общему правилу, в глоссарий не включены термины, определение которых содержится в законодательстве, иной правовой доктрине и (или) приведено в соответствующих разделах учебника.

«виртуальный мир» используется также в широком смысле, как вымышленная реальность, и дополнительно имеет специальные значения в различных науках, например, в логике.

Виртуальная собственность — условный термин, обозначающий в контексте настоящего издания объекты виртуальных миров, имеющие действительную или мнимую экономическую ценность для пользователей. В широком смысле термин «виртуальная собственность» иногда используется для обозначения любых объектов, технологически связанных с сетью Интернет, и также имеющих действительную или мнимую экономическую ценность и выступающих предметом оборота (как, например, доменные имена).

Вредоносное программное обеспечение — программное обеспечение, специально предназначенное для несанкционированного доступа к информационным системам и (или) компьютерной информации и (или) причинения ущерба.

Гиперссылка — часть электронного документа, организованного по принципу гипертекста, которая указывает и позволяет перейти к другой части такого документа, к другому документу или к другому объекту, расположенному на локальном диске или в какой-либо сети, либо к части такого объекта.

Гипертекст — в узком смысле, используемом в контексте подхода настоящего издания, совокупность различных объектов, размещенных в сети, и соединенных между собой таким образом, чтобы пользователь мог перейти от одного объекта (например, текста, размещенного на одном сайте) к другому (например, к видеозаписи, размещенной на другом сайте).

Игровая индустрия — сектор экономики, связанный с разработкой, продвижением и реализацией компьютерных игр. Данный термин, как правило, используется не только для обозначения разработчиков и игровых компаний, но и иных элементов, которые связаны с продвижением игр, включая игровую журналистику, организацию мероприятий и (или) специализированную исследовательскую деятельность.

Игровая компания — компания из игровой индустрии, занимающаяся разработкой, продвижением и реализацией компьютерных игр. В контексте настоящего издания данный термин используется условно, как правило, для обозначения любого лица, осуществляющего разработку и (или) поддержку компьютерной игры с использованием сети Интернет.

Интернет — глобальная информационно-телекоммуникационная сеть, исторически возникшая из сети *ARPANET* (США), единство которой на данный момент обеспечивается использованием унифицированного протокола *TCP/IP* и системы *DNS*. В широком смысле данный термин также используется для обозначения любой информационно-телекоммуникационной сети. В некоторых случаях это может быть юридически некорректно, но значительная часть правовых проблем сети Интернет в то же время является общими для многих информационно-телекоммуникационных сетей.

Интернет-право — в контексте настоящего издания данный термин используется преимущественно для обозначения области знаний, в центре которой находятся правовые отношения, опосредуемые сетью Интернет,

независимо от их отраслевой принадлежности, и соответствующей такой системе знаний учебной дисциплины. В зависимости от подхода данный термин также может обозначать элемент системы права (например, комплексный правовой институт).

Интернет-сервис — в техническом смысле интернет-сервис, как правило, может определяться как идентифицируемая сетевым адресом информационная система, имеющая стандартизированные интерфейсы. Для целей настоящего издания термин «интернет-сервис» используется преимущественно для обозначения интернет-сайтов, посредством которых возмездно или безвозмездно оказываются услуги.

Информация — в общем смысле, отраженном в определении Закона об информации, это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. В международных стандартах используются также следующие определения: «Знания о предметах, фактах, идеях и т.д., которыми могут обмениваться люди в рамках конкретного контекста» (ISO/IEC 10746-2:1996), «Знания относительно фактов, событий, вещей, идей и понятий, которые в определенном контексте имеют конкретный смысл» (ISO/IEC 2382-1:1993).

Информационное общество — этап развития общества, на котором информация осознается как самостоятельный объект отношений. При этом, как правило, информационное общество также определяется и функционально — как общество, в котором большинство занято производством, хранением, обработкой и распространением информации, в том числе знаний как высшей формы информации.

Информационный посредник — в контексте предмета интернет-права как области знаний, информационный посредник представляет собой любое лицо, обеспечивающее хранение, обработку и (или) распространение информации для целей реализации интересов одного или нескольких лиц.

Инфраструктура сети Интернет — комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур или объектов, составляющих сеть Интернет и обеспечивающих основу ее функционирования. В зависимости от контекста термин «инфраструктура сети Интернет» может также использоваться как синоним термина «архитектура сети Интернет».

Киберправо — синоним интернет-права, используемый Л. Лессигом и иными авторами, лингвистически обусловленный социокультурным контекстом. Термин «интернет-право» представляется более распространенным в России, чем термин «киберправо», однако последний также используется в профессиональных публикациях, связанных с проблемами правового регулирования отношений в сети Интернет.

Клиент — в узком и техническом смысле для целей настоящего издания этот термин обозначает программное обеспечение на стороне пользователя (как правило, в виде программы, установленной локально), которая обеспечивает взаимодействие пользователя с сервером и позволяет получать и совершать операции с информацией, полученной от сервера.

Код — в контексте методологического подхода Л. Лессига, в широком смысле, это совокупность программных (иногда — аппаратно-программ-

ных) средств, которые определяют архитектуру и инфраструктуру сети Интернет и могут тем самым ограничивать пределы правового регулирования позитивным правом. В узком смысле слова термин «код» — это синоним содержания программного обеспечения (программы для ЭВМ) как объекта авторского права.

Комплексный правовой институт — в рамках одного из возможных теоретических подходов это совокупность правовых норм различной отраслевой принадлежности, которые нацелены на регулирование общественных отношений, объединяемых по какому-либо существенному признаку, как правило, связанному с фактической, а не с юридической стороной таких отношений.

Компьютерный вирус — разновидность вредоносного программного обеспечения, способного создавать собственные копии и распространяться по различным каналам связи, в том числе по информационно-телекоммуникационным сетям, а также внедряться в другой код.

Компьютерная игра — виртуальное пространство, создаваемое компьютерными средствами и организованное в соответствии с правилами игры.

Криптовалюта — разновидность денег как эквивалента стоимости других товаров или услуг, которая создается, поддерживается и используется посредством пиринговых технологий и криптографических алгоритмов.

«Магический круг» — условное название проблемы разграничения игрового и реального пространства, предложенное американским юристом Б. Т. Дюранске на основе термина, впервые введенного в оборот нидерландским мыслителем Й. Хейзингой, распространенное в дискурсе междисциплинарных игровых исследований (*game studies*) и правовых исследований компьютерных игр и виртуальной собственности.

Одноранговая сеть — сеть, в которой каждый пользователь использует программное или аппаратно-программное обеспечение, одновременно выполняющие функции клиента и сервера.

Разработчик — автор (в смысле авторского права) программного обеспечения либо иного информационного продукта в сети Интернет или интернет-сервиса, либо лицо, по заказу которого осуществлена такая разработка. Условно в контексте издания и в общем контексте данный термин также используется для краткого обозначения правообладателей компьютерных игр и иных интернет-сервисов, оказывающего услуги либо вступающего в иные отношения с пользователями посредством сети Интернет.

Пиринговые технологии — технологии, обеспечивающие функционирование одноранговых сетей.

Подписка — экономическая модель монетизации интернет-сервисов и компьютерных игр, в рамках которой пользователь получает доступ к контенту при условии регулярной (как правило, ежемесячной) оплаты доступа ко всему пакету информации и (или) услуг.

Пользователь — любое лицо, которое использует различные ресурсы сети Интернет, в первую очередь — интернет-сервисы и компьютерные игры. Для компьютерных игр часто также используется термин «игрок», но без коннотаций, отсылающих к азартным играм.

Пользовательский контент — информация, которая создана пользователем и размещена на информационном ресурсе сети Интернет, как правило, каким-либо информационным посредником. Наполнение информационных ресурсов в Интернете главным образом за счет пользовательского контента — отличительный признак этапа Web 2.0 развития Интернета.

Правовая практика — в некоторых подходах в рамках общей теории права (например, в рамках коммуникативного подхода) правовая практика рассматривается как особый вид источника права или квази-источника права и представляет собой правовые нормы, которые формируются в результате единообразной практики субъектов права в рамках регулятивных правоотношений. Например, правовая практика может выражаться в повсеместно исполняемых рекомендациях торговых ассоциаций. В контексте интернет-права понятие правовой практики тесно связано с понятием саморегулирования. В рамках отдельных подходов понятие правовой практики может отождествляться с понятием правового обычая.

Приложение — в узком техническом смысле для целей настоящего издания это отдельное программное обеспечение (программа для ЭВМ). Термин широко используется в техническом дискурсе.

Реальные деньги — деньги (валюта), представляющие собой законное средство платежа на всей территории в соответствии с позитивным правом определенной юрисдикции. Термин «криптовалюта» не пересекается с термином «реальные деньги» в тех случаях, когда использование криптовалют не признается законным в соответствующей юрисдикции. Термин «виртуальные деньги» или «виртуальная валюта» в строгом смысле слова, в отличие от термина «реальные деньги», обозначает либо игровую валюту компьютерной игры, либо внутреннее средство расчета в том или ином интернет-сервисе.

Саморегулирование — способ регулирования отношений в сети Интернет, предполагающий самостоятельную разработку социальных норм и их добровольное соблюдение как субъектами инфраструктуры сети Интернет, так и пользователями. В зависимости от контекста может также соотноситься с реализацией диспозитивных норм государственно-организованного права и (или) с правовым обычаем либо правовой практикой.

Сервер — в зависимости от контекста, либо программное обеспечение и (или) информационная система, принимающая запросы от клиентов, либо электронно-вычислительная(-ые) машина(-ы), предназначенная(-ые) для выполнения определенных функций в рамках инфраструктуры сети Интернет.

Системная правовая проблема интернет-права — область правоотношений, опосредуемых сетью Интернет, которая характеризуется проблемами в праве, отсутствием формальной определенности правовых норм, нормативными правовыми коллизиями или иными юридическими недостатками, которые при этом вызваны особенностями архитектуры и (или) инфраструктуры сети Интернет. Методологической задачей интернет-права, в смысле подхода настоящего издания, является разработка юридических способов преодоления данных недостатков.

Социальная сеть — интернет-сервис, предназначенный одновременно для коммуникации пользователей и для размещения и распространения ими информации, в том числе пользовательского контента.

Социальные медиа — распространенный в общем дискурсе термин, представляющий собой синоним социальных сетей.

СМС — от англ. «*SMS*» — «*Short Message Service*» («сервис коротких сообщений») — технология, позволяющая осуществлять передачу и прием коротких сообщений с использованием сотового телефона («с использованием» — поскольку такие сообщения могут отправляться на телефон, например, с интернет-сайтов).

Спам — информация, которая направлена пользователю, не выразившему согласия на ее получение, либо пользователю, в отношении которого направление такой информации законодательно не разрешено или если его согласие не может определяться юридической презумпцией.

Субкультура — часть культуры общества, которая отличается от культуры большинства своим поведением (с точки зрения социологии, антропологии и культурологии). В контексте подхода настоящего издания отношения в сети Интернет могли рассматриваться как субкультура до массового распространения использования Интернета, поскольку использование электронных коммуникаций для различных форм общения долгое время было свойственно небольшой части общества, состоящей из ученых в отдельных областях и технологических энтузиастов. Компьютерные игры также долгое время были субкультурой, но эта оценка социологически на сегодняшний день уже не применима.

Тест «минимума контактов» — подход к разрешению системной правовой проблемы определения юрисдикции, который предполагает определение целенаправленности деятельности субъекта посредством сети Интернет на суверенную территорию другого государства. Тест «минимума контактов» может дать «положительный результат», например, если субъект в одной юрисдикции открыто ориентирует свой интернет-сайт на пользователей другой юрисдикции таким образом, что использование этого сайта требует уровня знаний, не превышающего уровень знаний, достаточных для минимально необходимого уровня жизни в «целевой» юрисдикции. Подходы к конкретному содержанию критериев юрисдикции в рамках данного теста могут различаться в зависимости от правовой системы.

Торренты (торрент-трекеры) — сервисы, предназначенные для распространения информации между пользователями в рамках одноранговой сети с использованием пиринговых технологий, в которых каждый пользователь в действительности или потенциально может не только загружать информацию, но и «раздавать» ее другим пользователям. Согласно общему представлению торренты чаще всего используются для распространения контента с нарушением авторских прав, однако это утверждение будет не совсем корректным, поскольку одноранговые сети используются и в легальной деятельности, и кроме того, не все пользователи используют торрент-трекеры для деятельности, связанной с нарушением исключительных прав.

Уровень интернет-архитектуры — «горизонтальный» срез интернет-архитектуры и инфраструктуры, который определяется совокупностью предметно обособленных функций, отношений и информации, необходимый для существования каждого вышестоящего уровня (при наличии). Например, физический уровень, сосредоточенный вокруг существующих в реальном мире компьютеров и иных устройств, в этом смысле «необходим» для существования вышестоящих уровней, в том числе компьютерного контента (информации).

Условно-бесплатная модель («free-to-play») — экономическая модель монетизации интернет-сервисов и компьютерных игр, в рамках которой пользователь получает доступ к определенной части контента бесплатно, но дополнительный контент или дополнительный игровой функционал должен оплачиваться пользователем отдельно, при этом такую оплату произвести требуется, как правило, только один раз. Помимо модели подписки и условно-бесплатной модели различают также модель «freemium», которая является смешанной. Однако, в известном смысле, эти термины довольно динамичны и могут содержать различные смысловые нюансы в зависимости от контекста.

Цифровая эпоха — состояние информационного общества, которое предполагает производство, хранение, обработку и распространение информации с использованием цифровых (компьютерных) технологий, включая информационно-телекоммуникационные сети.

Юрисдикция — широко используемый в дискурсе интернет-права термин, который в целом отражает право, применимое к отношениям, опосредуемым в сети Интернет, и способы определения данного права. С точки зрения юридической догматики, в зависимости от контекста данный термин может отражать действие закона в пространстве и по кругу лиц, применимое право, место разрешения спора, а также иные подобные концепты.

DNS — англ. «*Domain Name System*» или «система доменных имен» — обозначает распределенную компьютерную систему для получения информации о доменных именах. Основное предназначение *DNS* на сегодняшний день — «перевод» (филологическая метафора) доменных имен в IP-адреса и обратно.

DNS-сервер — приложение, функцией которого является обработка запросов в рамках *DNS* по соответствующему протоколу. При вводе доменного имени в строку браузера информация о запросе направляется на ближайший *DNS*-сервер (например, интернет-провайдера), который пытается разрешить данный запрос и вернуть ответ. Если у него отсутствует такая информация, то запрос перенаправляется выше по иерархии, в том числе вплоть до корневых серверов.

OTT (англ. «*Over the Top*») — термин, характеризующий, в общем смысле, любой интернет-сервис, функционирующий за счет создания сети внутри (или, точнее, как бы «поверх») сети. Например, технологии цифрового телевидения, использующего Интернет для передачи данных, или различные программы видео- и голосовой связи, передающие данные через Интернет или смешанным образом.

P2P (англ. «*Peer-to-Peer*») — то же самое, что одноранговые сети и (или) пиринговые технологии, в зависимости от контекста.

Ключи к тестам

Глава 1

1а, 2б, 3в, 4а, 5б, 6в, 7в, 8в, 9а, 10а, 11а, 12г

Глава 2

1а, 2б, 3а, 4в, 5б, 6в, 7а, 8г, 9г, 10г, 11г, 12а, 13а, 14в, 15б, 16б, 17в, 18а, 19в, 20а, 21б, 22б, 23б, 24б, 25а, 26б, 27а, 28в, 29б, 30в, 31а, 32г, 33г, 34в, 35б, 36а

Глава 3

1г, 2г, 3г, 4б, 5а, 6в, 7б, 8б

Глава 4

1а, 2б, 3в, 4г, 5г, 6в, 7б, 8а, 9б, 10а, 11г, 12в

Глава 5

1б, 2в, 3г, 4а, 5а, 6б, 7в, 8г, 9г, 10б, 11в, 12а, 13в, 14а, 15б, 16а, 17б, 18б, 19г, 20г

Глава 6

1а, 2б, 3а, 4в, 5г, 6в, 7а, 8г, 9г, 10г, 11г, 12а, 13а, 14в, 15б, 16г, 17а, 18б, 19в, 20г

Примерная тематика письменных работ¹

1. Проблема определения понятия «интернет-право».
2. Основные подходы к интерпретации понятия «интернет-право».
3. Системные правовые проблемы сети Интернет.
4. Актуальные направления развития интернет-права.
5. Проблема идентификации пользователей сети Интернет.
6. Проблема определения юрисдикции в сети Интернет.
7. Проблема ответственности информационных посредников в сети Интернет.
8. Проблема правового регулирования пиринговых технологий.
9. Проблема юридической ответственности за автоматизированные действия.
10. Проблема разграничения «игрового» и «серьезного» пространства.
11. Проблема правовой квалификации виртуальной собственности.
12. Накопление и динамика системных проблем интернет-права.
13. Интернет-право как обособленная область знаний.
14. Юридически-значимые аспекты архитектуры сети Интернет.
15. Уровни интернет-архитектуры: аспект правового регулирования.
16. Сеть Интернет как объект правового регулирования.
17. «Big Data»: правовые аспекты.
18. Правовые проблемы «Интернета вещей».
19. Правовой режим информации в сети Интернет.
20. Саморегулирование в сети Интернет.
21. Императивный метод правового регулирования отношений в сети Интернет.
22. Особенности правоотношений в сети Интернет.
23. Основные субъекты правоотношений в сети Интернет.
24. Информационные посредники.
25. Интернет-сайт как объект правового регулирования.
26. Социальные сети как объект правового регулирования.
27. Использование электронных подписей в сети Интернет.
28. «Тест минимума контактов» как способ определения юрисдикции.
29. Ограничение распространения информации в сети Интернет.
30. Договор возмездного оказания услуг в сети Интернет.

¹ Выбор темы при написании эссе, рефератов, курсовых и дипломных работ может определяться ключевыми аспектами содержания настоящего учебника, содержанием и тематикой публикаций, представленных в списке дополнительной литературы, а также указанной примерной тематикой.

Практикум

Задания на обобщение практики

1. Проведите поиск и анализ судебной практики судов общей юрисдикции за период, составляющий три года и предшествующий выполнению задания, в котором рассматривался вопрос о действительности пользовательских соглашений, заключенных с пользователями социальных сетей. Выделите наиболее значимый, по вашему аргументированному мнению, подход к разрешению проблемы идентификации пользователей как субъектов гражданско-правового отношения, основываясь на правовой квалификации и выводе о действительности либо недействительности таких соглашений.

2. Проведите поиск и анализ судебной практики судов общей юрисдикции за период, составляющий три года и предшествующий выполнению задания, в котором рассматривался вопрос об использовании простых электронных подписей. Выделите наиболее значимый, по вашему аргументированному мнению, подход к разрешению проблемы идентификации пользователей с использованием простой электронной подписи, подтвержденный на уровне найденной судебной практики.

3. Проведите поиск и анализ судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов за период, составляющий три года и предшествующий выполнению задания, в котором одной из сторон выступало иностранное лицо, а спорное правоотношение было опосредовано сетью Интернет. Выделите наиболее значимый, по вашему аргументированному мнению, подход к разрешению проблемы юрисдикции, а также конкретный аспект юрисдикции и те критерии, которые в репрезентативных случаях применяли суды.

4. Проведите поиск и анализ судебной практики арбитражных судов за период, составляющий три года и предшествующий выполнению задания, в котором одной из сторон выступала какая-либо известная интернет-платформа, являющаяся информационным посредником для пользовательского контента (используйте наименования известных вам компаний в качестве ключевых слов). Выделите как минимум три характерных обстоятельства, влияющих на определение вины информационного посредника и не указанных в ст. 1253.1 ГК РФ.

5. Проведите поиск и анализ судебной практики судов общей юрисдикции, логически связанных в справочных правовых системах с определением персональных данных (п. 1 ст. 3 Закона о персональных данных) за период, составляющий три года и предшествующий выполнению задания. Приве-

дите примеры и состав как минимум пяти совокупности данных, которые вместе признавались персональными данными. Сформулируйте общий признак персональных данных, прямо не указанный в определении.

6. Проведите поиск и анализ судебной практики арбитражных судов за период, составляющий три года и предшествующий выполнению задания, в котором субъектами спорного отношения выступали издательства печатных книг и поисковые системы и (или) иные информационные посредники. Выявите и сформулируйте основные подходы, подтвержденные судебной практикой, к правовой оценке цитирования текстов в информационно-телекоммуникационных сетях.

7. Проведите поиск и анализ правоприменительной практики, а также актов толкования, существующих в Российской Федерации по вопросу использования пиринговых технологий, используя в качестве ключевых критериев для поиска торрент-трекеры и различные варианты транслитерации криптовалюты *Bitcoin*. Определите, связаны ли по своей природе проблемы правоприменения в отношении торрент-трекеров с проблемами правового регулирования криптовалют. Оцените возможность правового регулирования указанных технологий действующим законодательством.

8. Проведите поиск и анализ судебной практики судов общей юрисдикции и арбитражных судов за период, составляющий три года, и предшествующий выполнению задания, в котором спорное правоотношение было связано с многопользовательскими онлайн-играми. На основе проведенного анализа определите, со ссылками на конкретные правовые позиции, отраженные в судебных актах, какие концепции виртуальной собственности использовались судами. Опираясь на материалы судебной практики и законодательства, сформулируйте собственную позицию относительно правовой квалификации виртуальной собственности.

9. Проведите поиск и анализ судебной практики различных судов за период, составляющий три года и предшествующий выполнению задания, логически связанной с ограничением доступа к информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Определите основные процессуальные формы признания информации «запрещенной». Дайте правовую оценку соотношению частных и публичных интересов в ситуациях, в которых лицо, разместившее такую информацию, не участвовало в процессе на каком-либо из его этапов.

10. Проведите поиск и анализ судебной информации судов общей юрисдикции и арбитражных судов за период, составляющий три года и предшествующий выполнению задания, в котором спорное правоотношение было связано с размещением конфиденциальной информации в информационных системах третьих лиц, выступающих в качестве информационных посредников. На основе проведенного анализа сформулируйте основной подход, связанный с разрешением вопроса о факте разглашения конфиденциальной информации. Дайте правовую оценку такому подходу исходя из информационного законодательства.

Задачи (казусы)¹

1. «Запрещенная информация»

Пользователь популярного сайта в сети Интернет — социальной сети «В тумане», — действуя под псевдонимом «Ежик», разместил на своей персональной странице, находящейся в открытом (в том числе и не для зарегистрированных пользователей данного сайта) доступе, высказывание: «Я чувствую себя так, как будто использовал наркотическое средство!» Другой пользователь сайта, случайно увидев данное высказывание, сообщил об этом в Роскомнадзор, используя интерактивную форму на сайте Единого реестра запрещенной информации. В течение суток запрос Роскомнадзора был передан в ФСКН России. В результате Роскомнадзор внес в Реестр указатель страницы сайта, на которой было размещено данное высказывание, и направил соответствующее уведомление провайдеру хостинга. В течение двух суток с момента получения данного уведомления последний удалил указанную страницу. Вместе с тем IP-адрес сайта социальной сети был включен в Реестр, а оператор связи заблокировал доступ к данному IP-адресу. Кроме того, в ходе взаимодействия с хостинг-провайдером Роскомнадзором было установлено, что пользователь, разместивший цитату, получал доступ к сайту с британского IP-адреса, а пользователь, направивший заявление в Роскомнадзор, — с румынского.

Примечание: приведенная в задаче цитата адаптирована для академической среды. В действительности же она содержала упоминание конкретного наркотического средства, а также слово, соответствующее понятию нецензурной брани. В то же время пользователь употребил именно слово «использовал».

Дайте аргументированные ответы на поставленные вопросы. Каковы общие системные правовые проблемы интернет-права? С какими фактами задачи они соотносятся? Есть ли у оператора связи правовые основания заблокировать доступ к IP-адресу в данной ситуации?

Дополнительное задание на подготовку (разработку) документов. Подготовьте письмо владельца сайта — социальной сети, содержащее аргументированное требование прекратить блокировку сайта (независимо от вашей общей правовой позиции), определив надлежащего адресата для такого письма.

2. «Свобода творчества»

Пользователь популярного сайта в сети Интернет — социальной сети «В тумане», — действуя под псевдонимом «Медвежонок», разместил на своей персональной странице, находящейся в закрытом (только для ограниченного количества «друзей») доступе, художественный рассказ,

¹ Все приведенные в настоящем разделе задачи, наименования компаний, интернет-сервисов и учетных записей, а также имена граждан являются вымышленными и не основанными на конкретных реальных событиях. Вместе с тем задачи подготовлены с учетом реальных правовых ситуаций, возникавших в российской и зарубежной практике в области интернет-права. При решении задач рекомендуется самостоятельно осуществлять поиск необходимых для решения правовых норм в справочных правовых системах с учетом методологических подходов, изложенных в настоящем издании.

в котором большая часть слов относилась к категории нецензурной брани. По форме рассказа, однако, данные слова приносили герои рассказа, а часть текста, излагаемая от лица автора, таких слов не содержала. Работник компании — владельца указанного интернет-сайта, осуществляющий модерирование контента, — проверяя содержание страниц на предмет наличия информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено (что допускалось в соответствии с пользовательским соглашением), обратил внимание на данный рассказ и, не запросив разрешения у опубликовавшего его пользователя, скопировал его и разместил на главной странице сайта в разделе «Юридическая информация» с комментарием «Пример информации, которая не может размещаться “В тумане”». Возмущенный пользователь, заметив это, случайно обратил внимание на тот факт, что сайт «В тумане» зарегистрирован в качестве СМИ как сетевое издание.

Дайте аргументированные ответы на поставленные вопросы. В каких аспектах информация подлежит регулированию согласно действующему российскому законодательству? Может ли информация как таковая рассматриваться как объект гражданских прав? Составляют ли действия работника компании — владельца сайта — какое либо правонарушение? При положительном ответе поясните, какие субъекты и к какому виду ответственности могут быть привлечены.

Дополнительное задание на подготовку (разработку) документов. Подготовьте письмо возмущенного пользователя, содержащее (независимо от вашей правовой позиции) аргументированное требование удалить произведение с главной страницы сайта — социальной сети.

3. «Должен был знать»

Пользователь популярного сайта в сети Интернет — социальной сети «В тумане», — действуя под псевдонимом «Заяц», разместил на своей персональной странице, находящейся в закрытом (только для ограниченного количества «друзей») доступе, список из 10 ссылок, по которым технически возможно загрузить копии различных серий мультипликационного фильма «Ежик в тумане», распространяемые с нарушением интеллектуальных прав правообладателей. Известно, что один из «друзей» данного пользователя — генеральный директор компании — владелец интернет-сайта социальной сети «В тумане». После размещения указанных ссылок он оставил комментарий, в котором выразил глубокое уважение к таланту режиссера мультфильма Юрия Норштейна, а также одобрение того, что теперь в социальной сети, пусть и не в открытом доступе, появилось удобное обобщение ссылок, по которым возможно загрузить копии данного произведения. С момента публикации данного комментария по текущий момент прошло более полугода. Генеральный директор «В тумане» был уверен, что по каждой из приведенных ссылок размещена лицензионная копия мультфильма, поскольку когда-то давно видел договоры, заключенные владельцами соответствующих сайтов с правообладателями. Однако ему не было известно, что еще за месяц до публикации списка ссылок правообладатель расторгнул договоры с владельцами соответствующих сай-

тов, что никак не освещалось в СМИ и в иных источниках в принципе. Сайты при этом продолжали действовать.

Дайте аргументированные ответы на поставленные вопросы. Объясните, почему на текущий момент законодательство многих стран прямо регулирует правовой статус информационных посредников в сети Интернет, но не правовой статус пользователей? Какой из субъектов, указанных в задаче, может рассматриваться как информационный посредник? Составляют ли действия данного(-ых) субъекта(-ов) какое-либо правонарушение?

Дополнительное задание на подготовку (разработку) документов. Подготовьте аргументированный ответ владельца сайта — социальной сети (независимо от вашей правовой позиции), в ответ на требование правообладателя о пресечении нарушения исключительных прав и выплате компенсации за неправомерное использование произведения.

4. «Цена слова»

Работник компании, поддерживающей многопользовательскую онлайн-игру, относящуюся к категории киберспортивных дисциплин, выступал в качестве официального наблюдателя и судьи в матче, который транслировался в сети Интернет, по отдельным каналам кабельного телевидения, а также на экранах ряда крупных игровых центров. Всего число зрителей матча составило 37 023 420 человек по всему миру, включая пользователей сети Интернет, телезрителей и посетителей центров. Матч проходил между национальными командами. В конце матча указанный работник компании в эмоциональном порыве сделал следующее заявление в общем чате, доступном для просмотра всех без исключения зрителей: «Данный матч в очередной раз показал, что игроки [указание на национальность] в принципе неспособны играть в [наименование игры]. Все, чем они способны заниматься, это — [нецензурная брань]». Данное высказывание вызвало резкое осуждение со стороны большинства игроков, нашедшее свое отражение на многочисленных ресурсах Web 2.0. Некоторые из возмущенных игроков, которые сами являются практикующими юристами разных стран, начали согласовывать правовые позиции для того, чтобы привлечь работника компании к ответственности за приведенное высказывание. Поняв, какую реакцию вызвало его заявление, работник компании обратился за советом к своему адвокату.

Дайте аргументированные ответы на поставленные вопросы. Приведите не менее двух дополнительных примеров, в которых отражается такой фактор Интернета, как *глобальность*, и такая «сквозная» проблема, как *определение юрисдикции*. К какому(-им) виду(-ам) ответственности может быть привлечен указанный работник компании? Может ли адвокат в целях защиты интересов клиента, сослаться на положение п. 1 ст. 1062 ГК РФ?

Дополнительное задание на подготовку (разработку) документов. Подготовьте правовую позицию (независимо от вашей правовой позиции), которая могла бы быть включена в текст заявления о совершенном правонарушении, подлежащего направлению в соответствующий государственный орган, определив надлежащий орган и юрисдикцию.

5. «Игровые данные»

В филиал иностранной компании, занимающейся разработкой и поддержкой многопользовательской ролевой онлайн-игры, аккредитованный в Российской Федерации, пришло письмо из Роскомнадзора, в котором было указано, что в течение следующего месяца данный орган государственной власти будет проводить проверку соблюдения законодательства о персональных данных. Филиал компании начал готовиться к проверке, чтобы заранее убедиться в соблюдении законодательства и, при необходимости, устранить недостатки. В соответствии со сложившейся в компании практикой игроки многопользовательской ролевой онлайн-игры при регистрации вводят следующие данные: логин, пароль и адрес электронной почты. Внутри информационной системы компании, обеспечивающей функционирование игры, помимо этих данных учетных записей игроков, каждой такой записи присваивается уникальный номер. С точки зрения инфраструктуры данная информационная система не «привязана» к какой-либо определенной юрисдикции, и фактически все данные игроков, которые собираются в компании, могут потенциально находиться в базах данных, расположенных как в Российской Федерации, так и за рубежом — в Германии и Финляндии. Иные категории данных, в том числе персональных, в отношении которых компания является оператором, размещены только на территории РФ и при их обработке соблюдаются все применимые требования, включая наличие соответствующих оснований для обработки. В компании действует «Политика обработки персональных данных», размещенная на сайте игры, другие меры защиты данных компанией до текущего момента не предпринимались.

Дайте аргументированные ответы на поставленные вопросы. Требуется ли компании предпринять какие-либо дополнительные меры для того, чтобы успешно пройти проверку и не быть привлеченной к административной ответственности за нарушение порядка обработки персональных данных? Исходя из общей природы деятельности компании и представленной информации составьте на основе аргументированного предположения список *персональных данных*, которыми оперирует компания (перечислите не менее трех групп персональных данных). Чем обусловлено возникновение законодательства о персональных данных?

Дополнительное задание на подготовку (разработку) документов. Подготовьте проект отзыва на исковое заявление одного из игроков, который указывает на общее нарушение компанией российского законодательства о персональных данных и требует возмещения морального ущерба в размере 120 000 руб. в связи с причиненным ему моральным ущербом. В качестве основания морального ущерба игрок указывает на причиненные ему нравственные страдания в связи с переживаниями относительно безопасности своих персональных данных, доказывая это медицинской справкой о развившемся невротическом расстройстве.

6. «Талантливый студент»

Студент математико-механического факультета одного из ведущих вузов Российской Федерации, пребывая на стажировке в научном учреж-

дении Великобритании, написал программу, предназначенную для приема, передачи, доставки и обработки сообщений, по функционалу аналогичную известной программе «ICQ». Вернувшись в Российскую Федерацию, студент создал сайт в сети Интернет в доменной зоне «.рф», посредством которого стал распространять эту программу среди российских пользователей. Тем не менее некоторые из знакомых данного студента из Великобритании (подданные данного государства, проживающие в нем) также начали пользоваться этой программой. Данную программу студент распространял от своего лица, не учреждая какое-либо юридическое лицо и не регистрируясь в качестве индивидуального предпринимателя. Программа распространялась бесплатно под лозунгом «Оптимальное средство для общения между учеными. Новые возможности для обмена результатами экспериментов». Программа действительно предусматривала особую функцию, позволяющую интегрировать в сообщения содержание международных научных баз данных. Кроме того, организация общения между пользователями включала в себя элемент облачных технологий: база данных сообщений хранилась на сервере, место на котором предоставил студенту в безвозмездное пользование его вуз. Сообщения и сведения о пользователях хранились там в течение четырех месяцев, после чего удалялись. Поскольку данная программа получила определенную известность, ею заинтересовались эксперты Роскомнадзора, и на домашний адрес студента пришло уведомление о необходимости зарегистрироваться в качестве организатора распространения информации в сети Интернет.

Дайте аргументированные ответы на поставленные вопросы. Укажите особенности юридической техники, которые можно усмотреть в тексте ст. 10.1 Закона об информации. Какие из этих особенностей связаны с фактами, изложенными в условиях задачи? Распространяется ли на студента обязанность зарегистрироваться в качестве организатора распространения информации в сети Интернет и что должно лежать в основе аргументации его ответа Роскомнадзору и (или) в обосновании действий, которые он должен совершить? Изменится ли решение, если студент решит распространять услуги, опосредуемые программой, по подписке, оплачиваемой Bitcoin?

Дополнительное задание на подготовку (разработку) документов. Подготовьте ответ студента на требование Роскомнадзора, содержащее аргументированную правовую позицию (независимо от вашей правовой позиции), согласно которой студент не должен регистрироваться как организатор распространения информации.

7. «Популярный блогер»

Гражданин Российской Федерации Антоний Курочкин — популярный блогер. Он размещает свои провокационные заметки на крупном интернет-ресурсе, владельцем которого является компания, зарегистрированная в соответствии с законодательством Республики Сейшельские Острова. Данный интернет-ресурс представляет собой платформу для блогов, аналогичную «WordPress.com». Организационная и техническая поддержка (а равно и другие блоги) ведутся только на английском языке. Тем не менее

Антоний Курочкин ведет свой блог на русском языке. В одной из своих последних заметок блогер описал неприятные факты, связанные с особенностями общения его бывшего работодателя с женой, которая приходила к последнему в кабинет в рабочие часы, и высмеял их с использованием ненормативной лексики. Бывшему работодателю Антония Курочкина переслали ссылку на заметку блогера, после чего бывший работодатель, возмущившись, направил обращение в Роскомнадзор с требованием дать правовую оценку и принять меры в отношении блога Антония Курочкина, добавив в конце предложения фразу «...а лучше в отношении всей платформы для блогов, допускающей подобные несуразности».

Дайте аргументированные ответы на поставленные вопросы. Какие требования российского законодательства и в каком объеме распространяются (а) на блогера, (б) на интернет-ресурс в контексте данной задачи? Какие системные проблемы правового регулирования сети Интернет актуальны в данной ситуации? Какая юридическая ответственность и (или) иные юридические последствия могут ожидать в данной ситуации (а) блогера, (б) интернет-ресурс, с учетом ответа на первый вопрос?

Дополнительное задание на подготовку (разработку) документов. Подготовьте возможный ответ Роскомнадзора на обращение бывшего работодателя, содержащий аргументированную правовую позицию.

8. «Обладатель информации»

Российское адвокатское бюро «Муромец, Никитич, Попович и Партнеры» не имеет собственной информационной системы (в частности, своего сервера и почтового домена), а использует решение зарегистрированной на территории США компании «*Looking Glass*». Решение заключается в следующем: компания «*Looking Glass*», известная главным образом своим бесплатным сервисом электронной почты и облачным хранилищем файлов, за плату предлагает юридическим лицам, вне зависимости от места их регистрации, уникальное доменное имя для адресов электронной почты, которые, тем не менее, создаются в информационной системе самой компании «*Looking Glass*». Также в объем решения входит неограниченное по объему виртуальное место в облачном хранилище файлов. В общении со своими клиентами адвокатское бюро «Муромец, Никитич, Попович и Партнеры», в основном, использует свои корпоративные адреса электронной почты, созданные в рамках указанного сервиса зарубежной компании. Однако в некоторых случаях клиенты (в основном, это крупные IT-компании, обладающие собственной развитой сетевой инфраструктурой), отказываются использовать данные адреса, и вместо этого ведут переписку с использованием следующей системы: письмо с электронной почты клиента содержит ссылку и уникальный одноразовый пароль для удаленного доступа к тексту письма в собственной защищенной информационной системе клиента.

Дайте аргументированные ответы на поставленные вопросы. Как общий принцип, следующий из Закона об информации, определяющий то, какой субъект является обладателем информации, будет применяться в случае со «сторонними» сервисами электронной почты? Дайте аргументирован-

ную правовую оценку двум представленным в условии задания системам организации переписки адвокатов адвокатского бюро «Муромец, Никитич, Попович и Партнеры» с клиентами в контексте их обязанности соблюдать адвокатскую тайну.

Дополнительное задание на подготовку (разработку) документов. Подготовьте заявление в адвокатскую палату о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвокатов адвокатского бюро «Муромец, Никитич, Попович и Партнеры» за несоблюдение требований конфиденциальности адвокатской тайны (независимо от вашей правовой позиции).

9. «Доменное имя»

Общество с ограниченной ответственностью «Рога и копыта», зарегистрированное в 1994 г. в соответствии с законодательством РФ, занимающееся (как указано в уставе) «любыми разрешенными действующим законодательством видами коммерческой деятельности», зарегистрировало в 2005 г. в компании «*RU CENTER*» (закрытое акционерное общество «Региональный сетевой информационный центр») два доменных имени: «рогаикопыта.рф» и «*hornsandhooves.com*». Через четыре года после регистрации данных доменных имен компания с ограниченной ответственностью «*Horns and Hooves*» (*Horns and Hooves LLC*), зарегистрированная в 2004 г. в штате Делавэр, США, подало иск в компетентный суд РФ к обществу с ограниченной ответственностью «Рога и копыта» с требованием прекратить использование товарного знака «*Horns and Hooves*» (данный товарный знак зарегистрирован компанией *Horns and Hooves LLC* также в 2004 г. в США), прекратить использование указанных доменных имен и выплатить компенсацию в размере 15 000 000 руб. за незаконное использование товарного знака в обоих указанных доменных именах за весь период такого использования. В ходе разбирательства было установлено, что товарный знак «*Horns and Hooves*» не зарегистрирован на территории РФ, а компания *Horns and Hooves LLC* не имеет ни дочерних компаний, ни филиалов, ни представительств на территории РФ.

Дайте аргументированные ответы на поставленные вопросы. Какие общие группы результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, признаваемых в Российской Федерации, допустимо выделить, используя критерий универсальности их правовой защиты? Какова правовая природа доменного имени? Какое решение должен принять суд в соответствии с действующим законодательством РФ?

Дополнительное задание на подготовку (разработку) документов. Подготовьте текст искового заявления компании *Horns and Hooves LLC*, найдя и аргументировав все возможные основания для удовлетворения требования о прекращении регистрации товарного знака.

10. «Зарубежный организатор»

Компания с ограниченной ответственностью «*Big Black Bird*», зарегистрированная в соответствии с законодательством штата Делавэр, США, и предоставляющая популярный бесплатный сервис микроблогов в сети Интернет неожиданно получила запрос от Роскомнадзора (на русском

и английском языке), в котором было указано, что на основании п. 3 ч. 8 ст. 10.2 Закона об информации требуется предоставить информацию о пользователе сервиса компании «*Big Black Bird*», действующем под сетевым псевдонимом «Народный мститель» (при этом следует отметить, что единственные данные, которыми компания о пользователе располагает, вводятся самим пользователем при регистрации и дополнительно никак не проверяются). Поскольку такого рода обязанности для данной компании по законодательству США, как она полагала, могут следовать только из официальных судебных запросов, направляемых на основании международных соглашений о правовой помощи, данный запрос был проигнорирован. Тем не менее спустя месяц компания «*Big Black Bird*» вновь получила официальное сообщение от Роскомнадзора, в котором на этот раз указывалось, что в случае непредставления данной информации, компания будет привлечена к ответственности в соответствии с КоАП РФ. Компания «*Big Black Bird*» начала изучать российское законодательство для того, чтобы оценить правовые риски.

Дайте аргументированные ответы на поставленные вопросы. Каковы основные подходы к определению «юрисдикции» в сети Интернет, известные на данный момент? Можно ли предложить, по вашему мнению, какие-либо иные подходы? Дайте аргументированную правовую оценку правовым рискам компании «*Big Black Bird*» в данной ситуации.

Дополнительное задание на подготовку (разработку) документов. Представив себя на месте суда, к которому впоследствии будет обращено заявление Роскомнадзора, подготовьте проект возможного судебного решения по делу о привлечении компании «*Big Black Bird*» к административной ответственности по указанным основаниям, учитывающий релевантные системные правовые проблемы сети Интернет.

НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ:

1. Дипломы, курсовые, рефераты...
 2. Диссертации и научные работы.
- Тематика любая: ПРАВО, экономика, техника, менеджмент, финансы, биология...

УЧЕБНИКИ, ДИПЛОМЫ, ДИССЕРТАЦИИ:
полные тексты в электронной библиотеке
www.учебники.информ2000.рф.

Наши книги можно приобрести:

Учебным заведениям и библиотекам:
в отделе по работе с вузами
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: vuz@urait.ru

Частным лицам:
список магазинов смотрите на сайте urait.ru
в разделе «Частным лицам»

Магазинам и корпоративным клиентам:
в отделе продаж
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru

Отзывы об издании присылайте в редакцию
e-mail: red@urait.ru

**Новые издания и дополнительные материалы доступны
в электронной библиотечной системе «Юрайт»
biblio-online.ru**

Учебное издание

Архипов Владислав Владимирович

ИНТЕРНЕТ-ПРАВО

Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры

Формат 70×100^{1/16}.
Гарнитура «Petersburg». Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19,3. Заказ № 9574.

ООО «Издательство Юрайт»
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru